

ДЖАСТИН КРОНИН

«Прочтите эту книгу – и обычный мир исчезнет».

СТИВЕН КИНГ

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Перерождение

Джастин Кронин

Перерождение

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кронин Д.

Перерождение / Д. Кронин — «Эксмо»,
2010 — (Перерождение)

ISBN 978-5-04-089562-5

«Все произошло быстро. Тридцать две минуты на смерть старого мира и рождение нового». Двенадцать преступников, вместо смертельного приговора соглашаются на участие в секретном правительственном эксперименте. Им прививают некий вирус, который может усилить умственные и физические способности человека. В результате родилась «Дюжина». Они практически всемогущи и бессмертны. За короткое время ими поработаны или уничтожены почти все жители планеты. Но остались еще поселения, которые пытаются выжить и сохранить независимость. Среди этой горстки непокорившихся прячется девочка Эми, обладающая странной властью над вирусом и его носителями. Но как ей противостоять дюжине сверхлюдей и ордам нежити?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-089562-5

© Кронин Д., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Джастин Кронин

Перерождение

Justin Cronin

The Passage

Copyright © 2010 by Justin Cronin

Map copyright © 2010 by David Lindroth, Inc.

© А. Ахмерова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Прочтите книгу – и обычный мир исчезнет».

Стивен Кинг

«Блокбастер!»

The New York Times Book Review

«Одно из великих достижений американской фантастической литературы».

Стивен Кинг

Посвящается моим детям

Пусть вам снятся только добрые сны!

*Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Все говорит о том, что час пробьет —
И время унесет мою отраду.
А это – смерть!.. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!*

*У. Шекспир, сонет 64
(Пер. С. Я. Маршака)*

Часть I

Самый ужасный сон на свете

Дорога к смерти – путь долгий, полный бед и несчастий; с каждым шагом сердце все больше трепещет от ужаса, кости ноют, разум противится, а что в конце? Замки из песка рушатся один за другим, и, сколько ни закрывай глаза, не отгородиться ни от зоны бедствий, ни от совершенных в ней преступлений.

*Кэтрин Энн Портер,
«Бледный конь, бледный всадник»*

5–1 д. в.

1

Прежде чем стать Девочкой ниоткуда, Приблудшей, Первой и Последней, Прожившей тысячу лет, она была обычной малышкой из Айовы по имени Эми Харпер Беллафонте.

Джинетт Беллафонте родила дочь в девятнадцать, назвала в честь своей матери, которую потеряла в раннем детстве, а второе имя, Харпер, дала в честь Харпер Ли, автора «Убить пересмешника», любимой, а если честно, единственной книги, прочитанной в школьные годы. Джинетт подумывала назвать малышку Скаут в честь главной героини книги, потому что хотела видеть ее похожей на Скаут – сообразительной, настойчивой и веселой, какой сама стать не сумела. Однако Скаут – имя для мальчика, и Джинетт не желала создавать дочке проблему на всю жизнь.

Отцом Эми стал мужчина, однажды появившийся в закусочной, где Джинетт с шестнадцати лет работала официанткой. Закусочную, которая ничем не отличалась от обычной забегаловки, все называли Коробкой, потому что она напоминала огромную коробку из-под обуви, брошенную у проселочной дороги. За Коробкой простирались бескрайние поля, на которых росли фасоль и кукуруза. Единственным признаком цивилизации в тех краях была автомойка с самообслуживанием: бросаешь монетку в автомат и моешь машину сам. Тот мужчина, Билл Рейнолдс, занимался продажей комбайнов, жаток и прочей сельхозтехники, так что говорить умел складно. Красотой Джинетт, ее черными как смоль волосами, карими глазами и тонкими запястьями он восторгался при каждом удобном случае – и когда она наливала ему кофе, и потом, и еще много-много раз. Восторгался с неподдельной искренностью, а не бубнил, как мальчишки из школы, – этим бы лишь поскорее своего добиться! Ездил он на большой машине – новеньком «понтиаке» со светящимся – точь-в-точь как на космическом корабле! – приборным щитком и кожаными сиденьями цвета густых сливок. Такого мужчину Джинетт могла полюбить по-настоящему! Увы, Билл провел в городе лишь пару дней: его ждали дела. Когда Джинетт рассказала отцу о «маленьком происшествии», тот собрался разыскать Билла и призвать к ответу. Однако Джинетт умолчала о том, что в далеком Линкольне, штат Небраска, у Билла Рейнолдса была семья. Он даже показал Джинетт фотографии детей, которые хранил в бумажнике, – Бобби и Билли, мальчишки в бейсбольной форме. В общем, сколько бы отец ни расспрашивал о том, «кто ее опозорил», Джинетт упорно отмалчивалась, даже имени не назвала. Если честно, из-за случившегося она особо не расстраивалась, беременность до самого конца переносила легко, а родила быстро, хоть и помучилась. А уж появление маленькой Эми Джинетт не расстроило совершенно! В знак прощения отец превратил бывшую комнату брата Джинетт в детскую: принес с чердака старую кровать, а перед самыми родами свозил дочь в «Вол-март» купить все необхо-

димое: ползунки, распашонки, ванночку и даже детский мобиль. Он где-то вычитал, мол, малышам нужны штуковины вроде мобилей, чтобы мозги «скорее включились и заработали как следует». С самого начала беременности Джинетт думала о ребенке как о «ней», потому в глубине души мечтала о девочке, но понимала: признаваться в этом нельзя никому, даже себе самой. Когда делали УЗИ в клинике Седар-Фоллз, Джинетт спросила доктора, приятную женщину в форме, которая водила пластмассовым наконечником по ее животу, какого пола ребенок. Доктор засмеялась, взглянула на монитор, где отображался мирно спящий в чреве малыш, и сказала: «Милая, он не выдает себя, наверное, скромничает! Иногда пол четко определяется, иногда – нет, у тебя второй случай». В общем, пол ребенка Джинетт не выяснила, но расстраиваться опять-таки не стала. Потом они с отцом вынесли из детской остатки вещей брата – вымпелы и постеры с бейсболистом Хосе Кансеко, девушками «Будвайзера» и группой «Киллер пикник» – и, посмотрев на обшарпанные стены, покрасили их в цвет «хамелеон», с переливами голубого и розового. Отличный вариант, подойдет и мальчику и девочке! Отец наклеил под потолком обойный бордюр с плещущимися в луже утками и вычистил старое кресло-качалку, некогда купленное на гараж-сейле, чтобы после родов Джинетт могла посидеть в нем с младенцем.

Ребенок родился летом – девочка, как и мечтала Джинетт. Она назвала дочь Эми Харпер Беллафонте. Не Рейнолдс ведь! Зачем нужна фамилия мужчины, которого она больше не увидит? После рождения малышки видеть Билла не хотелось, да и разве Рейнолдс сравнится с Беллафонте?! Беллафонте значит «прекрасный родник», а для Джинетт на всем свете не было ребенка красивее Эми. Она кормила, укачивала дочку, меняла памперсы, заслышав плач, стремглав неслась к ней среди ночи, забыв, что устала после смены в Коробке. «Я здесь, я рядом, – ворковала она, взяв на руки плачущую малышку. – Только позови, мигом прибегу! Так у нас с тобой будет всегда, моя маленькая Эми Харпер Беллафонте!» Джинетт прижимала дочку к груди и баюкала, пока сквозь шторы не пробивались первые солнечные лучи и не начинали петь птицы.

* * *

Когда Эми исполнилось три, Джинетт осталась без отца. Он умер не то от инфаркта, не то от инсульта – проверить и уточнить никто не удосужился. Приступ случился зимним утром, когда отец брел к грузовику, чтобы поехать на элеватор. Он успел поставить кружку с кофе на крыло автомобиля – ни капли не пролил! – и упал замертво. Джинетт по-прежнему работала в Коробке, но денег не хватало даже на то, чтобы прокормить себя и Эми, а брат, служивший где-то во флоте, на письма не отвечал. «Бог создал Айову, чтобы люди уезжали и никогда не возвращались», – любил повторять он. Как жить дальше, Джинетт не представляла.

Однажды в Коробке появился мужчина. Билл Рейнолдс собственной персоной! Он изменился, и явно не в лучшую сторону. Билл Рейнолдс, которого помнила Джинетт, – к чему лукавить, порой она его вспоминала, хотя в основном разные мелочи, вроде того, как при разговоре он откидывал назад рыжеватые волосы, как дул на кофе, даже на остывший, – источал теплое сияние, притягивающее не хуже магнита: так светятся при надламывании неоновые палочки. Сейчас это сияние исчезло, Билл заметно постарел и похудел. Небритый и непричесанный, сальные волосы торчат в разные стороны, одет не в отглаженную рубашку-поло, как четыре года назад, а в обычную рабочую рубашку, вроде той, что носил отец Джинетт. Рубашка не заправлена, под мышками пятна – казалось, он спал на улице или в машине. Прямо у двери Рейнолдс перехватил взгляд Джинетт, и она прошла за ним в кабинку в глубине зала.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Джинетт.

– Я ее бросил, – ответил Билл, и Джинетт почувствовала запах пива, пота и грязной одежды. – Сел в машину и уехал! Я свободный человек, Джинетт! Я бросил жену.

– И ты ехал из Небраски, чтобы мне об этом сообщить?

– Я думал о тебе. – Билл откашлялся. – Много думал. Я думал о нас...

– О нас? «Нас» не существует! Нельзя же просто так вваливаться и с порога заявлять, что думал о нас!

– Мне можно! – Билл расправил плечи. – Можно, и я заявляю!

– Не видишь, я занята! Просто так с тобой болтать не могу, ты должен сделать заказ.

– Хорошо, – кивнул Рейнолдс, глядя не на меню, а на Джинетт, – тогда мне чизбургер.

Колу и чизбургер.

Джинетт записывала заказ, но слова расплывались, и она поняла: из глаз текут слезы. Когда она в последний раз высыпалась? Месяц, год назад? С хроническим переутомлением Джинетт боролась из последних сил, но всему есть предел. Порой ей хотелось что-то изменить: постричься, получить аттестат, открыть магазинчик, перебраться в настоящий город вроде Чикаго или Де-Мойна, снять квартиру, завести друзей. Перед мысленным взором Джинетт то и дело возникала картинка: она в ресторане, нет, в кофейне, но очень хорошей. На улице осенняя сырость и холод, а она уютно устроилась за столиком у окна и читает книгу. На столе чашка с горячим чаем. Вот она отрывается от чтения и смотрит в окно, на людей в теплых пальто и шляпах, на собственное отражение... Но сейчас тот образ казался далеким и чужим, картинкой из нереальной жизни. Реальностью была Эми, которая в дрянном детском саду подхватывала то простуду, то кишечную инфекцию, и отец, умерший в одночасье, – раз, и нет человека! – а тут еще Билл Рейнолдс сидит перед ней, точно отсутствовал не четыре года, а секунду...

– Зачем ты так со мной?

Рейнолдс долго смотрел в глаза Джинетт, а потом коснулся ее руки.

– Давай встретимся после твоей смены. Пожалуйста!

В итоге Билл поселился у них с Эми. Джинетт не помнила, сама ли его пригласила или просто так вышло. В любом случае, она вскоре об этом пожалела. По сути, что представлял собой Билл Рейнолдс? Он бросил жену и сыновей, Бобби и Билли в бейсбольной форме, и дом в Небраске. «Понтиак» исчез вместе с работой. «При нынешнем состоянии экономики покупатели вымерли!» – жаловался Рейнолдс, а потом хвастал, что у него есть план, который, похоже, заключался в круглосуточном безделье и нежелании убирать за собой посуду, и это при том, что Джинетт по-прежнему вкалывала в Коробке. Месяца через три пьяный Билл впервые ее ударил. Он тотчас разрыдался, снова и снова твердя, что этого больше не повторится. Рухнул на колени и причитал, словно это Джинетт его обидела. Она, мол, должна понять, как ему сложно, как непросто пережить перемены, это выше человеческих сил! Он любит ее, сожалеет о случившемся и клянется, что больше никогда, никогда пальцем не тронет! Ни ее, ни Эми... В полном замешательстве Джинетт сама начала извиняться.

В первый раз Рейнолдс ударил ее из-за денег, потом наступила зима, денег на счету Джинетт не хватило на мазут, и он ударил ее снова.

– Мать твою, неужели не видишь, что я в полном дерьме?

Удар оказался настолько сильным, что Джинетт потеряла равновесие и растянулась на полу кухни. Поразительно, но в тот момент она поняла, что пол весь в пятнах, а у основания шкафчиков скопились плотные комки пыли. Часть разума ужасалась запущенности кухни, а часть рассуждала: «Джинетт, у тебя же мысли путаются! Похоже, Билл вышиб тебе последние мозги, поэтому в такой момент ты думаешь о пыли». Со звуками тоже творилось странное. Эми смотрела телевизор на втором этаже, а Джинетт казалось, песенка лилового динозавра Барни раздается у нее внутри. Где-то далеко рокотал мотор автоцистерны, которая выезжала со двора и сворачивала на проселочную дорогу.

– Это не твой дом! – заявила Джинетт.

– И то верно! – Билл достал бутылку виски «Олд крау» и, хотя было лишь десять утра, плеснул в банку из-под варенья, потом устроился за столом и вытянул ноги. – Мазут тоже не мой!

Джинетт перевернулась на живот, но встать не смогла. Целую минуту она смотрела, как Билл потягивает виски.

– Убирайся!

Билл засмеялся, покачал головой и хлебнул виски.

– Выгоняешь меня, а сама на полу валяешься, вот умора!

– Я серьезно. Убирайся!

В кухню вошла Эми, держа в руках плюшевого кролика, которого повсюду носила с собой. На девочке был красивый комбинезон с вышитой на грудке клубникой, Джинетт недавно купила его в «Ошкош-би-гош». Одна бретель расстегнулась и упала на пояс. «Нет, – Эми в туалет хочет, вот и расстегнула», – догадалась Джинетт.

– Мапочка, почему ты на полу? – пролепетала малышка.

– Все в порядке, милая! – ответила Джинетт и в подтверждение своих слов встала. В левом ухе звенело, перед глазами – совсем как в мультфильмах! – кружились птички. На правой ладони запекалась кровь – эх, знать бы еще откуда... Джинетт подняла Эми на руки и постаралась улыбнуться. – Видишь, мама просто упала, ничего страшного! Хочешь на горшок, да, солнышко?

– Нет, ну ты посмотри! – ухмыльнулся Билл и пригубил виски. – Видела б ты себя, шлюха безмозглая! Девчонка небось не моя!

– Мама, ты порезалась! – Эми показала на лицо Джинетт. – На носу кровь!

То ли от слов Рейнолдса, то ли от вида крови малышка разревелась.

– Вот дурища, чего натворила! – посетовал Билл и пробурчал, обращаясь к Эми: – Ладно, ладно, успокойся! Ничего страшного, иногда люди ругаются.

– Повторяю, убирайся отсюда!

– Как же ты справишься, скажи на милость? Сама ведь даже мазут в котел не зальешь!

– Думаешь, я этого не понимаю? Ничего, как-нибудь справлюсь!

У Эми началась истерика, и Джинетт, по-прежнему державшая ее на руках, почувствовала, как по животу течет что-то горячее: малышка описалась.

– Господи, да успокой ты девчонку!

Джинетт прижала дочку к себе.

– Ты прав, Эми не твоя! Не была твоей и никогда не будет! А сейчас убирайся, не то шерифа вызову!

– Не смей так со мной поступать, Джин! Это не шутки.

– А я поступаю! Представь, именно так я и поступаю!

Рейнолдс вскочил и стал рыскать по дому, с нарочитым шумом и грохотом рассовывая вещи по коробкам, в которых несколько месяцев назад их привез. «Даже чемодана нет... Как же я сразу внимания не обратила!» – недоумевала Джинетт. Она села за кухонный стол, устроила на коленях Эми и, уставившись на часы, принялась отсчитывать минуты: сейчас вернется Билл и снова ударит. Хлопнула входная дверь, тяжелые шаги закрипели на крыльце. Рейнолдс ходил туда-сюда, перетаскивал коробки, дверь не закрывал, и по дому всюду гулял сквозняк. Наконец Билл появился на кухне, и на грязном полу отпечатались рифленые следы его ботинок.

– Гонишь меня? Что же, смотри! – Он взял со стола бутылку «Олд кроу» и объявил: – Даю тебе последний шанс!

Джинетт промолчала, она даже глаз не подняла.

– Вот, значит, как? Ладно... Не возражаешь, если хлебну на дорожку?

Джинетт схватила его стакан и швырнула через всю кухню. Бросок получился отменный, даже не бросок, а хлесткий удар, как ракеткой по мячу. Швырнуть стакан Джинетт решила в последнюю секунду. Она чувствовала, что поступает неправильно, но обратного пути уже не было. Стакан с глухим стуком ударился о стену и, не разбившись, упал на пол. Джинетт зажмурилась и крепче прижала к себе Эми, понимая, что случится дальше. Воцарившуюся тишину нарушал лишь звук катящегося по полу стакана. Джинетт ощущала волны гнева, исходящие от Билла.

– Ничего, жизнь тебя проучит. Запомни мои слова, Джинетт!

Тяжелые шаги заскрипели сперва в коридоре, потом на крыльце – он ушел!

* * *

Джинетт купила побольше мазута и в целях экономии поставила термостат на десять градусов. «Эми, солнышко, считай, что мы отправились в поход! – объявила она, натягивая на дочку шапочку и рукавички. – Ну вот, холод нам не страшен. А поход – это всегда приключения!» Спали они вместе под ворохом старых одеял; в комнате стоял такой холод, что от дыхания клубилась дымка. Джинетт начала работать в ночную смену – мыла полы в местной школе, а за Эми присматривала соседка. Увы, вскоре соседку положили в больницу, и малышку пришлось оставлять дома одну. Джинетт объяснила дочке, как себя вести: «Не вставай с кровати, ни в коем случае не подходи к двери, просто закрой глазки, а утром проснешься – я уже рядом!» Джинетт заранее укладывала дочку и, лишь убедившись, что она спит, на цыпочках выбиралась из дома и быстро шагала по заснеженному двору к машине, которую специально парковала подальше, чтобы шум мотора не разбудил Эми.

Однажды она допустила непростительную ошибку: поделилась своими бедами с другой уборщицей, когда они вместе вышли на перекур. По-настоящему Джинетт не курила, да и денег на сигареты жалела, но сигареты отгоняли сон, а без перекуров она бы просто не вынесла бесконечную череду грязных классов, коридоров и туалетов. Джинетт умоляла сослуживицу по имени Элис никому не говорить, понимая, что может нажить себе серьезные проблемы, но та, разумеется, отправилась напрямик к завхозу, и Джинетт уволили. «Нельзя оставлять ребенка одного! – поучал завхоз в крохотной комнатухе у бойлеров, где стояли исцарапанный стол и продавленное кресло, а на стене висел прошлогодний календарь. От жары и духоты Джинетт едва не задыхалась. – Скажи спасибо, что в Отдел по защите прав детей не сообщил!» «А ведь он прав, – думала Джинетт. – Господи, куда я качусь?!» Прежде завхоз никогда ее не обижал, и в другой ситуации Джинетт, вероятно, сумела бы объяснить: без ночной работы им с Эми не выжить, но от усталости не нашла нужных слов. Она молча взяла последний платежный чек и поехала домой на развалюхе «кии», купленной еще в школьные годы. Машина рассыпалась буквально на глазах: Джинетт казалось, по дороге за ней тянется шлейф болтов и гаек. Она остановилась у «Квик-марта» купить сигареты, а потом мотор попросту не завелся. Джинетт разрыдалась и не могла успокоиться добрых полчаса.

В машине «умер» аккумулятор, за новый пришлось выложить в «Сирз» целых восемьдесят три доллара. К тому времени Джинетт не появлялась в Коробке целую неделю, и ее уволили и оттуда. Оставалось одно – собрать вещи и уехать.

* * *

Никто так и не узнал, куда подевались Джинетт и Эми. Дом промерз насквозь; трубы лопнули, как переспелый плод, а весной дали течь. Коммунальное предприятие, обнаружив, что счета не оплачиваются, прислало рабочих перекрыть воду. Первыми в доме поселились

мышь, а после того, как во время летней грозы разбилось окно второго этажа, – ласточки. Они свили гнезда в спальне, где зимой мерзли Джинетт и Эми, и вскоре стали в доме настоящими хозяевами.

В Дубьюке Джинетт работала по ночам на заправке, а Эми спала в подсобке, пока об этом не узнал хозяин и с треском не выгнал обеих. Слава богу, было лето – они жили в «кии» и умывались в туалете заправки, поэтому «убраться» означало лишь уехать. На какое-то время они поселились в Рочестере у школьной подруги Джинетт, которая перебралась туда учиться на медсестру. Подруга устроила Джинетт уборщицей в больницу, где работала сама, но за мытье полов платили сушие крохи, а в квартирке и без ребенка места не хватало. Джинетт сняла номер в мотеле, но там Эми оказалась без присмотра. В итоге мать и дочь снова стали жить в машине. Пришел сентябрь, а с ним осенняя прохлада. По радио круглые сутки говорили о войне. Джинетт двигалась на юг и, прежде чем «киа» «умерла» окончательно, успела доехать до Мемфиса. Подобрал их мужчина на «мерседесе», который назвался Джоном, но Джинетт тотчас догадалась: врет. Таким тоном дети рассказывают байки о «случайно» разбитых вазах или чашках. «Меня зовут... Джон», – заявил мужчина, оценивающе посмотрев на Джинетт. Он выглядел лет на пятьдесят, хотя она вполне могла ошибиться. Аккуратная бородка, аккуратный темный костюм – ни дать ни взять распорядитель похорон. По дороге Джон то и дело поглядывал на Эми, крутился на сиденье, задавал Джинетт вопросы: кто она, куда направляется, чем любит заниматься, что привело ее в великий штат Теннесси. Машина сильно смахивала на «гран-при» Билла Рейнолдса, только была еще лучше. Окна почти не пропускали внешних звуков, и разомлевшей на мягчайшем сиденье Джинетт чудилось, что она попала в вазочку с мороженым. Глаза слипались, и, когда «мерседес» остановился у мотеля, ее уже не волновало, что случится дальше. Чему быть, того не миновать. Равнина в районе аэропорта напоминала родную Айову, огни самолетов кружили по ней медленно, как мишени в тире.

«Эми, солнышко, сейчас мама на минутку зайдет в мотель с этим добрым дядей, а ты пока картинки в книжке посмотри!»

Джон оказался очень милым: называл ее зайкой, деткой и так далее, а перед уходом положил на прикроватный столик пятьдесят долларов, на которые Джинетт с Эми смогли снять номер.

* * *

Увы, «милые» попадались нечасто.

По ночам Джинетт запирала дочку в номере, включала телевизор, чтобы не было подозрительно тихо, выбиралась на трассу у мотеля и ждала. Ожидание не затягивалось – оставался какой-нибудь мужчина, и, договорившись о цене, Джинетт вела его в мотель. Она заходила в номер первой и перекладывала спящую девочку в ванну, предварительно постелив несколько одеял.

Эми исполнилось шесть. Девочка росла тихой, почти не разговаривала, зато в сотый раз просматривая одни и те же книжки, выучила буквы с цифрами и вскоре уже умела читать и решать простейшие задачки. Как-то раз они с Джинетт смотрели «Колесо фортуны», и, когда победительница стала распоряжаться выигрышем, Эми моментально определила: на поездку в Канкун его не хватит, зато вполне достаточно на мебель для гостиной и набор клюшек для гольфа. Джинетт подумала: для шестилетки дочка соображает хорошо, да что там, отлично, и ей пора в школу, но есть ли школы поблизости, она не знала. В районе их мотеля «Супер-Сикс» были сплошные ломбарды, автосервисы и другие мотели. Владелец «Супер-Сикса» очень походил на Элвиса Пресли, только не на молодого Элвиса-симпатягу, а на зрелого, располневшего, вечно потного, в массивных очках, за которыми глаза

напоминали рыбок в аквариуме. В подражание Элвису он носил атласный пиджак с зигзагом молнии на спине. Он целыми днями просиживал за конторкой, раскладывал пасьянсы и курил сигары с пластмассовым наконечником. Джинетт еженедельно платила ему наличными, а если подбрасывала полсотни сверху, в псевдо-Элвисе просыпалась особая сердечность. Однажды он поинтересовался, что Джинетт думает о самообороне, и предложил купить у него пушку. Молодая женщина тут же согласилась, и псевдо-Элвис продемонстрировал ржавый револьвер двадцать второго калибра. Джинетт пушкой особо не впечатлилась, даже когда в руки взяла. Не верилось, что из такой можно убить человека. Зато она запросто умещалась в сумочке и ночью на трассе была бы весьма кстати. «Смотри, куда целишься», – опасно посоветовал псевдо-Элвис. «Раз боишься, значит, вещь стоящая. Лучшей рекламы для пушки не придумаешь», – ухмыльнулась Джинетт.

Покупка действительно не разочаровала. Лишь когда в сумочке появилась пушка, Джинетт поняла, что прежде сильно боялась, а теперь – нет, ну, или боялась, но куда меньше. Она не расставалась с револьвером, носила его с собой, словно талисман. Он стал ее секретом, последним напоминанием о настоящей Джинетт. Другая Джинетт, та, что стояла у трассы в мини-юбке и обтягивающем топе, игриво качала бедрами и говорила: «Привет, малыш! Хочешь, расслабиться помогу?», была вымышленным персонажем, героиней истории, которую совершенно не хотелось читать до конца.

Парень, снявший ее в ту роковую ночь, никаких подозрений не вызвал. «Психов» и «опасных» Джинетт вычисляла мгновенно и безошибочно, бормотала: «Спасибо, нет» и решительно шагала прочь. Однако тот парень выглядел прилично, эдакий студент колледжа, по крайней мере, возрастом он вполне годился в студенты. Отглаженные брюки, рубашка с лейблом в виде всадника, размахивающего молотом, – казалось, он собрался на свидание. Свидание... Джинетт едва не рассмеялась и без страха села в большой «форд-экспо» с багажником для велосипедов и всякой всячины на крыше.

А потом случилось непредвиденное. В мотель парень ехать не пожелал. Что ж, некоторые клиенты просили обслужить прямо на трассе, даже притормозить не удосуживались. Джинетт решила «приступить к исполнению», но парень отстранился и предложил ей «романтический вояж».

– Какой еще вояж? – насторожилась она.

– Поедем в чудесное местечко. Разве ты не хочешь романтики? По повышенному тарифу заплачу!

Джинетт подумала о спящей в мотеле дочке... Вояж, не вояж, какая разница?

– Только чтобы ехать не дольше часа, – предупредила она. – А потом вернешь меня сюда же.

Однако дорога заняла куда больше времени, и Джинетт успела по-настоящему испугаться. Парень остановился у дома с большой вывеской над крыльцом. Джинетт разглядела три символа: вроде буквы, но необычные, и мгновенно поняла, что перед ней. Студенческое братство! Место, где богатые мальчики просаживают родительские деньги на алкоголь и прочие глупости, делая вид, что учатся на доктора или адвоката.

– Мои друзья тебе понравятся! – усмехнулся парень. – Вылезай, я тебя им представлю!

– Я с места не сдвинусь, – прошипела Джинетт. – Немедленно вези меня обратно!

Парень не ответил и рук с руля не убрал. Заглянув ему в глаза, Джинетт увидела безумный, медленно закипающий голод. Хороший мальчик и примерный студент превращался в зверя.

– Об этом речи нет. Твой вариант уже не актуален.

– Черта с два, еще как актуален!

Джинетт распахнула дверцу и решительно двинулась прочь, хотя понятия не имела, где находится. Студент выбрался следом и схватил за руку. Теперь Джинетт четко представ-

ляла, что ждало ее в клубе и что сулил «романтический вояж». Сама виновата, давно могла сообразить, что почем, – очень давно, еще в тот день, когда Билл Рейнолдс впервые появился в Коробке. Джинетт чувствовала: мальчишка тоже боится, привезти девочку его заставили друзья или те, кого он считал друзьями. Впрочем, какая теперь разница? Налетев сзади, студент попытался схватить ее за шею и заблокировать правую руку. Джинетт двинула ему кулаком по весьма чувствительному месту – студент взвыл и, назвав грязной шлюхой, отвесил пощечину. Потеряв равновесие, Джинетт упала навзничь, и через секунду студент оседлал ее, словно жокей норовистую лошадь. Удар, пощечина – он пытался прижать ее руки к земле. Джинетт отдавала себе отчет: если подлый замысел осуществится, ей конец. Ни этот студент, ни его дружки даже не посмотрят, в сознании она или нет. Джинетт потянулась к валявшейся на траве сумке. Жизнь вдруг словно вышла из-под контроля, стала чужой и чуждой. . . Да и был ли он когда, тот контроль? Логика подсказывала взять револьвер. Пушка будто понимала, каков расклад, – холодный металл с готовностью скользнул в ладонь Джинетт. «Отключи мысли!» – велел разум. Она прижала дуло к виску студента и, решив, что с такого расстояния точно не промахнется, спустила курок.

* * *

На возвращение в мотель ушел остаток ночи. Когда студент упал на траву, Джинетт со всех ног побежала к самой широкой дороге, из тех, что виднелись поблизости, – озаренному светом фонарей бульвару, и как раз успела на автобус. В крови ее одежда или нет, Джинетт не знала. К счастью, водитель, объяснявший, как добраться до аэропорта, едва на нее взглянул. Дабы не рисковать, Джинетт села на последнее сиденье, благо попутчиков почти не было.

Куда же она попала? Автобус медленно полз мимо домов и магазинов с темными витринами, большой церкви, зоопарка и наконец оказался в центре, где Джинетт следовало пересесть на другой маршрут. Она долго прождала автобус, дрожа от страха и сырости под плексигласовым козырьком остановки. Сколько времени, она не знала: часы потерялись. Если слетели во время драки, полиция воспользуется ими как зацепкой. Впрочем, много ли расскажут дешевые «Таймекс», которые она купила в «Уолгринс»? Вот пушка расскажет побольше: куда она ее выбросила, на лужайку? Правая рука до сих пор немела от отдачи, а кости дрожали, как камертон.

До мотеля Джинетт добралась только на заре. Город просыпался. Когда она прокралась в номер, первые солнечные лучи уже пробивались сквозь предрассветную мглу. Эми спала, а телевизор по-прежнему работал: шла реклама какого-то тренажера. С экрана «лял» мускулистый парень с длинными, собранными в хвост волосами и крупным хищным ртом. Джинетт понимала: времени в обрез, через пару часов за ней приедут. Как же у нее хватило ума бросить пушку?! Впрочем, сокрушаться об этом было уже поздно. Не глядя в зеркало, она ополоснула лицо, вычистила зубы, переделась в джинсы и футболку, а «рабочую одежду» – мини-юбку, топ и жилет с бахромой затолкала в мусорный контейнер за мотелем.

Время сложилось в гармошку: все прошлые годы, весь жизненный опыт сжались под весом случившегося в эту ночь. Джинетт вспомнила, как укачивала новорожденную Эми: до утра просиживала с ней у окна, баюкала и нередко засыпала сама. Те счастливые минуты она будет помнить всегда. . . Дочкины вещи Джинетт сложила в ее рюкзачок с Крутыми девочками, свою одежду и деньги – в пакет, потом выключила телевизор и разбудила Эми.

– Вставай, солнышко, пора ехать.

Мальшка толком не проснулась, но позволила матери себя одеть. По утрам дочка всегда была сонной и заторможенной, и Джинетт радовалась, что они уезжают не вечером: пришлось бы долго объяснять и уговаривать. Эми съела батончик мюсли, запила теплой виноградной газировкой, и они выбрались на автобусную остановку.

Ночью, возвращаясь в мотель, Джинетт видела большую каменную церковь и табличку с надписью «Храм Пресвятой Девы Марии Скорбящей». Главное – не перепутать автобусы, и они с Эми туда доедут.

Джинетт посадила дочку на заднее сиденье и крепко прижала к себе. Всю дорогу девочка молчала, лишь раз сказав, что проголодалась. Джинетт достала еще один батончик из коробки, которую положила в рюкзачок вместе с чистой одеждой, зубной щеткой и игрушечным кроликом Питером. «Эми, доченька моя, – беззвучно шептала Джинетт, – прости меня, прости!» В центре они пересели на другой автобус и ехали еще минут тридцать. За окном мелькнул зоопарк. Неужели она пропустила остановку? Нет, ночью, по пути в мотель, церковь была до зоопарка, значит, сейчас будет после. Вот и церковь! Днем она уже не казалась такой большой, но Джинетт не слишком расстроилась. Она вывела Эми через заднюю дверь, а едва отъехал автобус, застегнула ей куртку и надела рюкзачок.

«Монастырь сестер милосердия», – гласила табличка на столбе у подъездной аллеи. Да, ночью Джинетт ее тоже заметила! Они с Эми зашагали по аллее, обрамленной старыми деревьями, вероятно, дубами с мшистыми узловатыми ветвями, которые смыкались над самой головой. Прежде Джинетт монастырей не видела и, какие они, не знала. Монастырь сестер милосердия оказался обычным домом, хотя и довольно красивым – из неярко мерцающего камня, с черепичной крышей и белой окантовкой окон. Прямо под окнами разбили аптекарский огород. «Да, – подумала Джинетт, – ухаживать за нежными стебельками – самое то для монахинь». Она помогла дочке подняться на крыльцо и нажала на кнопку звонка.

Вопреки ожиданиям Джинетт, открыла вовсе не старуха в черной мантии, или как там называется монашеский наряд, а женщина чуть постарше ее, за исключением покрывала на голове, одетая совершенно обычно: в юбку, блузку и удобные коричневые туфли. Чернокожая... До отъезда из Айовы чернокожих Джинетт видела лишь в кино, зато Мемфис ими буквально кишел. Она знала: некоторые черных недолюбливают, но у нее самой таких проблем пока не возникало. Что же, чернокожая так чернокожая!

– Простите за беспокойство, – начала Джинетт. – У меня машина сломалась, нельзя ли...

– Конечно можно! – проговорила монахиня, вернее, не проговорила, а пропела. Не голос, а музыка, ничего подобного Джинетт в жизни не слышала. – Заходите, обе заходите!

Монахиня посторонилась, пропуская мать и дочь в фойе. Джинетт знала: другие монахини, вероятно, тоже чернокожие, где-то рядом, спят, готовят обед, читают или молятся, они же целыми днями молятся! Судя по царящей в здании тишине, она не ошибалась. Сейчас ей следовало хоть ненадолго избавиться от монахини. Джинетт понимала это так же четко, как и то, что убила студента. Следующий поступок принесет мучительную боль... Впрочем, к боли она давно привыкла.

– Мисс...

– Пожалуйста, зовите меня Лейси, – предложила монахиня. – Это ваша дочка? – Она наклонилась к Эми. – Привет, а как тебя зовут? У меня есть племянница твоего возраста. Такая же кукла! – Лейси посмотрела на Джинетт. – Малышка очень застенчивая. Хотя, наверное, дело в моем акценте. Я из Сьерра-Леоне, это в Западной Африке. – Лейси взяла Эми за руку. – Знаешь, где Африка? За тридевять земель отсюда!

– Здесь все монахини из Африки? – полюбопытствовала Джинетт.

Лейси засмеялась, сверкнув белоснежными зубами.

– Нет, что вы, только я!

Воцарилась тишина. Джинетт очень понравилась монахиня, понравился ее голос и то, как блестели ее глаза, когда она разговаривала с Эми.

– Мы опаздывали в школу, – прервала молчание Джинетт, – а машина у меня старая – раз, и заглохла!

Лейси понимающе кивнула.

– Сюда, пожалуйста! – Она повела Джинетт с Эми на кухню, очень просторную, с большим дубовым столом и шкафчиками, на которых красовались ярлычки: «посуда», «консервы», «макаронны и рис». Джинетт не представляла, как питаются монахини, но решила: раз их тут много, такие ярлычки – отличная идея. Лейси показала ей телефон, старый коричневый аппарат с длинным шнуром, прикрепленный к стене. Свои следующие действия Джинетт заранее продумала до мельчайших деталей. Лейси поставила перед Эми тарелку с домашним печеньем и стакан с молоком, а Джинетт набрала номер и под аккомпанемент автоответчика, вещавшего о переменной облачности, двенадцати градусах тепла и большой вероятности дождя ближе к вечеру, притворилась, что общается с представителем страховой компании, и кивала мнимым ответам.

– Эвакуатор пришлют с минуты на минуту, – объявила она, вешая трубку. – Сказали, чтобы ждала на улице. Аварийный комиссар неподалеку.

– Отличные новости! – обрадовалась монахиня. – Вам очень повезло. Хотите – оставьте девочку со мной. На оживленной улице ребенку не место.

Ну вот, даже врать больше не придется! Нужно лишь сказать «да».

– Она не помещает?

– У нас все будет в порядке, – улыбнулась монахиня и ободряюще взглянула на Эми. – Правда? Видите, она согласна, так что можете спокойно заниматься машиной.

Эми сидела за большим дубовым столом, но к печенью и молоку не притронулась, только сняла рюкзачок и положила его рядом. Джинетт впиалась в нее взглядом, потом опустилась на колени и прижала к себе.

– Будь умницей! – шепнула она, и малышка кивнула. Хотелось сказать что-то еще, но слова не шли. Джинетт вспомнила записку, которую сунула в рюкзачок. Монахини наверняка ее найдут! Она еще крепче обняла дочь, жадно впитывая ее тепло и запах. Подступили слезы, но чернокожая Люси или как ее, Лейси, ничего не заметила. Все чувства и драгоценные воспоминания следовало спрятать, схоронить в себе, чтобы никто не увидел. Джинетт разомкнула объятия, не сказав ни слова, вышла из кухни и быстро зашагала по подъездной аллее.

2

Из файлов Джонаса Эбботта Лира, доктора философии, профессора факультета молекулярной и клеточной биологии Гарвардского университета, прикрепленного к отделению палеовирусологии Научно-исследовательского института инфекционных заболеваний Медицинской службы Вооруженных сил США, Форт-Детрик, Мэриленд.

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: pkiernan@harvard.edu

Дата: Пн., 6 февраля 13:18

Тема: Заработала спутниковая связь

Пол!

Привет из боливийских джунглей, отрезанного от моря андского захолустья! Готов поспорить, сидишь ты сейчас в промозглом Кембридже, смотришь на снегопад и думаешь, что месяц в тропиках – настоящий рай. Однако уверяю, тут не курорт. Вчера, например, видел змею длиной с подводную лодку.

Добрался без особых приключений: сначала шестнадцатичасовой перелет до Ла-Паса, затем маленьким правительственным самолетом до Консепсьона, расположенного в джунглях на востоке страны. Дальше приличных дорог нет, говорю же, захолустье, поэтому потащимся пешком. Мы все в приподнятом настроении, и список участников экспедиции постоянно растет. Помимо группы из Калифорнийского университета в Ла-Пасе к нам примкнул Тим Фаннинг из Колумбийского университета и Клаудиа Свенсон из Массачусетского технологического института (ты вроде говорил, что знаком с ней по Йелю). В общем, команда вполне звездная, но это еще не все! С удовольствием сообщая: Тим привез полдюжины аспиранток, благодаря чему средний возраст участников снизился лет на десять, а гендерный баланс склонился в пользу женщин. «Девочки – будущие светила науки!» – твердит Тим, женатый в четвертый раз, причем каждая новая супруга у него моложе предыдущей. Вот уж точно, горбатого могила исправит!

Несмотря на все мои (и ваши с Рошель) опасения относительно участия военных, не могу не отдать им должное. Лишь благодаря финансам и влиянию Института инфекционных заболеваний удалось за месяц – повторяю, за месяц! – снарядить нашу экспедицию и собрать звездную команду. Столько лет стучался в закрытую дверь, а она вдруг сама распахнулась настежь, осталось лишь порог переступить. Знаешь ведь меня: я ученый до мозга костей, к суевериям отношусь скептически, однако не могу избавиться от мысли, что это судьба. Надо же, после долгой и мучительной болезни Лиз мне, наконец, выпал шанс разгадать величайшую тайну в мире – тайну смерти. Лиз бы здесь понравилось: без труда представляю, как она в соломенной шляпе сидела бы на залитом солнцем берегу и читала бы любимого Шекспира.

Кстати, поздравляю с вступлением в должность! Перед самым отъездом слышал, что комиссия единогласно приняла твою кандидатуру. Я ничуть не удивлен – знаю, как голосовали на факультете. Сообщить результат не имею права, могу лишь очень прозрачно намекнуть (строго между нами!): твою кандидатуру поддержали все без исключения. Не представляешь, как я рад! То, что ты лучший биохимик Гарварда, способный одной левой выстроить белки цистоскелетных микротрубочек по ранжиру и к присяге привести, дело десятое. Главное, с кем бы я играл в сквош во время ланча, если б тебя не утвердили?

Поцелуй за меня Рошель, а Алексу передай: дядя Джонас привезет ему боливийский презент. Как насчет детеныша анаконды? Говорят, если кормить на совесть, они преданнее собак... Надеюсь, приглашение на первый матч «Ред сокс» еще в силе. Одному богу известно, где и как ты раздобыл билеты!

Джонас

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: pkiernan@harvard.edu

Дата: Ср., 8 февраля 08:00

Тема: Re: На охоту, тигр!

Привет, Пол!

Спасибо за письмо и особенно за мудрый совет касательно красоток-аспиранток с дипломами из Лиги плюща. В принципе я с тобой согласен и одинокими ночами в палатке не раз об этом думал. Увы, сейчас это маловероятно, ибо в мыслях у меня только Рошель, можешь так ей и передать.

Есть не очень хорошие новости (слышу громкий возглас Рошель: «Я же говорила!»). Похоже, военные прижимают нас к ногтю. Наверное, этого и следовало ожидать, ведь экспедиция снаряжена на средства Медицинской службы Вооруженных сил США, и средства немалые. Одна разведка с воздуха – удовольствие недешевое: двадцать тысяч баксов, чтобы перепрограммировать спутник на каких-то полчаса. Тем не менее военные, как обычно, перегибают палку. Вчера мы готовились к отправлению: остались сущие мелочи, когда неподалеку от базы сел вертолет, из которого высыпали – угадай, кто? – спецназовцы, целый отряд спецназовцев, экипированных словно на штурм вражеской огневой точки. Камуфляж «джунгли», черно-зеленая маскировочная раскраска, инфракрасные прицелы, модернизированные М-19 с отводом пороховых газов – в общем, полный комплект. Я сразу понял: парни горячие, так и рвутся в бой! За ними шествовал тип в гражданском, судя по виду, главный. Этот главный медленно и важно подошел ко мне, и я обомлел: совсем сопляк, и тридцати нет! Его загару любой инструктор по теннису позавидовал бы. «Зачем такому целый отряд спецназовцев?» – недоумевал я. «Вы, как это, вампиролог?» – осведомился он. Пол, тебе известно, как я отношусь к слову «вампиры»! Укажи я его в работах, плакал мой грант от Национальной академии наук! Чисто из вежливости, а главное – потому что окружавших нас спецназовцев со всеми их пушками вполне хватило бы для свержения правительства небольшой страны, я ответил: мол, да, это я. «Доктор Лир, меня зовут Марк Коул, – представился он и, широко улыбаясь, пожал мне руку. – Ради встречи с вами я прилетел издалека. Ну, вы теперь VIP-персона!» «Какая еще персона? И что здесь делают эти парни в камуфляже?» – подумал я, а вслух сказал: «Это гражданская экспедиция!» «Уже нет», – продолжал улыбаться он. «Кто так решил?» – поинтересовался я. «Доктор Лир, так решил мой босс». – «А кто ваш босс?» – «Президент Соединенных Штатов».

Тим буквально расвирепел: командиром может быть только он! Мне-то хоть командир, хоть капитан, хоть сержант Пеппер, хоть полковник Сандерс из «Кентукки фрайд чикен», а вот Клаудиа подняла настоящую бучу, грозила даже собрать вещи и уехать домой. «Я этого хлыща не выбирала, и пусть хоть треснет, не стану подчиняться его приказам!» Хлыща не выбирал никто, прилет спецназовцев вообще казался глупой шуткой, только выяснилось, что Клаудиа – квакер, а ее младший брат по идейным соображениям не воевал в Иране. В итоге мы кое-как уговорили ее остаться, пообещав, что отдавать честь и вытягиваться по стойке «смирно» не придется.

Понятия не имею, зачем здесь эти парни. Интерес военных к нашей экспедиции вполне ясен: в конце концов, это они ее спонсировали, за что я очень благодарен. Но зачем пристегивать спецназовцев, точнее спецразведку, к команде биохимиков? Загорелый хлыщ Коул – по-моему, он из Агентства национальной безопасности, хотя черт его знает! – заявил,

что область, в которую мы направляемся, контролирует наркокартель Диего Монтойи, и спецназовцы нас защитят. «Представляете, что случится, если группа американских ученых попадет в плен к боливийским наркобаронам? Представляете реакцию нашего внешнеполитического ведомства? Там явно не обрадуются!» Я спорить не стал, хотя точно знаю: в районе, куда мы направляемся, наркобаронов нет, они все на западных плоскогорьях. В джунглях на востоке страны обитают лишь разрозненные индейские племена, которые практически не контактируют с внешним миром. И ведь хлыщ Коул знает, что я в курсе!

Мне, конечно, любопытно, а вот для экспедиции особой разницы нет: ну сопровождают нас до зубов вооруженные спецназовцы, и что с того? К нам они не лезут, разговаривают мало. Жутковатые на вид, но под ногами не путаются.

Все, завтра утром мы выступаем! Что решили по поводу змееныша?
Джонас

От кого: lear@amedd.army.mil
Кому: pkiernan@harvard.edu
Дата: Ср., 15 февраля 23:32
Тема: См. Приложение

Приложение: DSC00392.JPG (596 КБ)

Привет, Пол!

Мы уже шесть дней в пути. Прости, что не писал. Рошель пусть не волнуется! Брести по джунглям тяжело, приходится продирааться сквозь заросли, да еще дожди постоянно льют. Вечерами наедаемся, как оголодавшие бомжи, и валимся спать – тут уж не до спутниковой связи! Пахнем тоже по-бомжовски!

Сегодня мне не до сна: слишком нервничаю, и вложенный снимок объяснит почему. В то, чем занимаюсь, я верил всегда, но были и минуты сомнений, и бессонные ночи, когда собственные идеи казались полной чужью, безумной фантазией, появившейся у меня во время болезни Лиз. Уверен, тебе тоже так казалось. В общем, я был бы идиотом, если бы не сомневался в собственных идеях. А вот теперь все сомнения отпали.

Если верить глобальной системе навигации, до места назначения еще миль десять. Топография соответствует результатам спутниковой разведки: сплошные джунгли, и лишь вдоль реки – глубокое ущелье с известняковыми скалами, буквально усеянными пещерами. Строение этих скал обычное – даже дилетант разберется! – слои осадочных пород, а ниже, ярдах в четырех от вершины, тонкий пласт сажи. В общем, подтверждаются легенды племени чучоте о том, что тысячу лет назад здесь полыхал пожар – «священный огонь, зажженный богом солнца Ауклом, чтобы уничтожить демонов и спасти мир».

Вчера вечером мы разбили лагерь на берегу реки и слушали писк летучих мышей, на закате хлынувших из пещер, а утром двинулись вдоль ущелья на восток. Вскоре после полудня мы увидели статую.

Сначала я решил, у меня галлюцинации. Взгляни на фотографию, Пол: это человек, но не совсем – звериная поза, когти, длинные, едва

помещающиеся во рту зубы, мускулистый торс. Поразительно, но даже малейшие детали видны по истечении... скольких веков? Сколько веков каменную статую разъедали дожди, ветер и солнце? У меня от нее дух захватывает! Сходство с изображениями, которые я показывал тебе раньше, не вызывает сомнений – с колоннами храма в Мансехре, фигурами из захоронения в Саньяне и рисунками в пещерах Кот-д'Армора.

Сегодня вечером летучих мышей стало еще больше, но к ним привыкаешь, а еще они москитов отпугивают. Клаудиа поставила ловушку: очевидно, летучие мыши любят консервированные персики, их она и использует в качестве приманки. Может, вместо змееныша Алексу лучше привезти летучего мышонка?

Джонас

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: pkiernan@harvard.edu

Дата: Суб., 18 февраля 18:51

Тема: Еще фотки

Приложение: DSC00481.JPG (596 КБ), DSC00486 (582 КБ), DSC00491 (697 КБ)

Привет, Пол!

Вот, взгляни на фотографии. Всего мы насчитали девять статуй. Коул думает, нас преследуют, но кто – не объясняет. Он ночи напролет сидит на спутниковой связи, с кем и по какому поводу, я не в курсе. Хоть ВИП-персоной меня больше не зовет! Он молод, но не такой сопляк, каким кажется. Слава богу, погода исправилась. Мы уже близко от цели, милях в пяти, и движемся с приличной скоростью.

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: pkiernan@harvard.edu

Дата: Вт., 21 февраля 01:16

Тема:

Пол!

Пишу тебе на случай, если не смогу вернуться. Не хочу пугать, но ситуацию следует оценивать реалистично. До могильника менее трех миль, однако сомневаюсь, что мы произведем запланированное извлечение: слишком много больных и умерших.

Позапрошлой ночью нас атаковали... нет, не члены наркокартеля, а летучие мыши. Они появились через несколько часов после заката, когда большинство участников экспедиции сидели у палаток, занимаясь обычными вечерними делами. Видимо, мыши с самого начала следили за нами, выжидая момент для нападения. Мне повезло: я ловил сигнал глобальной системы навигации и отошел на пару сотен ярдов к верховью реки. Сперва раздались крики, потом выстрелы. Когда я вернулся в лагерь, мыши уже улетели. Той ночью умерли четверо, включая Клаудию. Мыши облепили ее! Она спускалась к реке, вероятно надеясь избавиться от мерзких тварей в воде, но не сумела. Помощь подоспела поздно – Клаудия потеряла слишком много крови. Еще шестерых искусили или исцарапали, и теперь все

они страдают от какого-то скоротечного вида боливийской геморрагической лихорадки: сильное кровотечение изо рта и носа, белки глаз и кожа покраснели от лопнувших капилляров, подскочила температура. Кроме того, в легких скапливается жидкость, и человек практически впадает в кому. Мы связывались с Центром контроля заболеваний, но без анализа тканей трудно сделать определенный вывод. Тим бросился защищать Клаудию, но мыши почти полностью изжевали ему обе руки. Из больных он самый тяжелый, боюсь, до утра не доживет.

Вчера ночью мыши напали снова. Спецназовцы заняли круговую оборону, но мерзких тварей было слишком много – сотни тысяч, целая стая, заполонившая ночное небо. Трое спецназовцев погибли, в том числе и Коул. Он стоял прямо передо мной, и мыши буквально оторвали его от земли и изрешетили, как пули. Хоронить было почти нечего... А вот сегодня все спокойно, в небе ни мышки. Огонь их вроде бы отпугивает, поэтому мы развели костры вокруг лагеря. Спецназовцы – и те подавлены, а мы, уцелевшие члены экспедиции, решаем, что делать дальше.

Немало оборудования вышло из строя, хотя как это случилось, неясно. Во время вчерашней атаки взорвалась сумка с гранатами, в результате чего погиб спецназовец, сгорел аккумулятор и большая часть продовольствия. Впрочем, у нас есть система спутниковой связи, а заряда в батареях еще достаточно, чтобы запросить эвакуацию. Пожалуй, стоит убраться отсюда подобра-поздорову.

Но... Я спрашиваю себя, зачем и к кому мне возвращаться, и не могу назвать ни единой причины. Разумеется, будь Лиз жива, я рассуждал бы иначе. Кажется, весь прошлый год я уверял себя, что она просто уехала. Мол, однажды дверь откроется и я увижу ее. Она улыбнется и наклонит голову, чтобы челка упала набок. Мы будем вместе пить ее любимый «Эрл Грей» и гулять в снегопад по берегу Чарльза. Теперь понимаю: этого не будет никогда. Поразительно, но события двух последних дней окончательно прояснили для меня цель и важность экспедиции. Я несколько не жалею, что сюда прилетел, и страха не испытываю. Если потребуется, двинусь к могильникам в одиночку.

Что бы ни случилось, какое бы решение я ни принял, знай, ты мой лучший друг, даже больше – брат. Странно писать об этом в боливийских джунглях за тысячи миль до всего, что мне знакомо и дорого! Кажется, в моей жизни наступил новый этап. Куда только судьба нас не забрасывает, какими дорогами не ведет...

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: rkiernan@harvard.edu

Дата: Вт, 21 февраля 05:31

Тема: Re: Не дури, скорее оттуда выбирайся

Пол!

Вчера вечером мы запросили эвакуацию. Нас должны забрать через десять часов. Как раз вовремя: еще одну ночь мы здесь не выдержим. Более-менее здоровые члены экспедиции решили не терять день даром и пойти к могильникам. Сперва думали бросить жребий, но выяснилось, что к могильникам хотят все. Выступаем через час, с первыми лучами солнца.

Может, еще удастся извлечь из этого ужаса какую-то пользу? Есть и хорошие новости: за последние несколько часов Тиму немного полегчало. Он по-прежнему без сознания, но температура спала, кровотечение остановилось, а кожа выглядит получше. Другие заболевшие по-прежнему в критическом состоянии.

Пол, я знаю, единственный твой бог – наука, но очень прошу, помолись за нас! За нас всех.

От кого: lear@amedd.army.mil

Кому: pkiernan@harvard.edu

Дата: Вт, 21 февраля 23:16

Тема:

Теперь понятно, зачем к нам приставили спецназовцев!

3

В восточном Техасе на четырех тысячах акров топких сосняков и низкотравья расположено заведение, весьма напоминающее бизнес-парк или большую школу, – тюрьма Полунски, она же Террелл, принадлежащая Управлению уголовной юстиции штата Техас. Попадание туда означает одно: ты осужден за тяжкое убийство на территории Техаса и отправлен умирать.

На то мартовское утро Энтони Ллойд Картер, заключенный номер 999642, приговоренный к смертельной инъекции за убийство Рейчел Вуд, жительницы Хьюстона, матери двоих детей, лужайку которой он еженедельно стриг за сорок долларов и стакан чая со льдом, провел в камере-одиночке режимного блока тюрьмы Террелл тысячу триста тридцать два дня – меньше, чем многие, больше, чем некоторые, – хотя для него это не имело никакого значения. Призов за самую долгую отсидку в тюрьме не дают. Ел Картер один, зарядку делал один, душ принимал один, поэтому принципиальных различий между неделями, днем и месяцем не видел. Он не без основания считал, что значимым событием в его жизни будет лишь тот день, когда надзиратель с капелланом проводят его в «комнату с иглой», и знал: ждать осталось недолго. В одиночках разрешали читать, но Картер освоил эту науку плохо и давно махнул на книги рукой. В его камере, бетонной коробке размером шесть на девять футов, имелось лишь окно и стальная дверь с прорезью, в которую пролезали руки, поэтому он целыми днями лежал на нарах, ни о чем не думал и порой не мог определить, спит или бодрствует.

Тот день, как и все остальные, начался в три утра, когда надзиратели включили свет и толкнули в прорезь поднос с завтраком. Обычно давали хлопья с молоком, или порошковую яичницу, или оладьи. Если оладьи сдабривали арахисовым маслом, Картер считал завтрак отличным. В тот день именно так и получилось. Пластиковые вилки ломались буквально через раз, но Картер складывал оладьи пополам и, сидя на нарах, уплетал за обе щеки. Другие заключенные из отделения особого режима жаловались на плохую еду, а вот Картера она вполне устраивала. На свободе он питался намного хуже, порой вообще не ел сутками, так что оладьи с арахисовым маслом его радовали, хоть завтраком и кормили ни свет ни заря.

Разумеется, заключенным полагались свидания, но за весь срок Картера навел лишь муж убитой с известием, что обрел Господа нашего Иисуса Христа, много молился и рассказывал Богу о том, что лишился красавицы жены, а его дети – любимой и любящей матери. За долгие месяцы, проведенные в молитвах, он наконец примирился со случившимся и решил простить Картера: сидел за стеклянной перегородкой, прижимал к уху телефонную трубку и рыдал в три ручья. Когда-то Картер сам был добрым христианином, поэтому речи мужа

убитой глубоко его тронули, однако тон и слезы наводили на мысль, что прощение тот дарует исключительно ради собственного спокойствия. О желании помочь Картеру избежать незавидной участи тип не упомянул. Картер не представлял, какими словами исправить ситуацию, поэтому поблагодарил типа и сказал: «Благослови вас Господь! Простите меня! Если встречу миссис Вуд на небесах, обязательно сообщу о вашем сегодняшнем посещении!» Тип тут же вскочил и бросился вон из зала свиданий, оставив Картера с трубкой у уха. С тех пор прошло как минимум два года, и больше Картера никто не навестил.

Миссис Вуд всегда была так добра, подкидывала лишнюю пятерку, а то и десятку, в жару угощала холодным чаем – выносила на маленьком подносе, как в крутых ресторанах. События рокового дня сбивали с толку – как же так вышло? – и не укладывались в голове, хотя Картер раскаивался, искренне раскаивался. Нет, он не отпирался, но считал: несправедливо умирать из-за непонятого события, ну, по крайней мере до того, как он сумеет в нем разобраться. Разбирался он уже четыре года, обмозговывал, обсасывал, а яснее не становилось. Возможно, проблема заключалась том, что в отличие от мистера Вуда ему не удавалось примириться со случившимся. Какое там, он запутывался все сильнее, а безлика чередой дней, недель и месяцев с каждым новым днем, неделей, месяцем создавала в памяти все больший сумбур.

В шесть часов утра сменились надзиратели. Свежезаступившие разбудили заключенных для переключки, затем прошлись по коридору с мешками и собрали грязное белье – боксерки и носки. «Значит, сегодня пятница», – заключил Картер. В душевую водили раз в неделю, к парикмахеру – раз в шестьдесят дней, поэтому чистое белье казалось мини-праздником. Липкая кожа особенно раздражала летом, когда потом обливаешься круглосуточно, даже если лежишь пластом и совершаешь минимум движений. Впрочем, из письма, присланного адвокатом полгода назад, Картер знал: техасская жара скоро перестанет ему досаждать. Второго июня наступит конец...

Размышления прервал громкий стук в дверь.

– Картер! Энтони Картер! – Голос принадлежал начальнику смены Клещу.

– Да, Клещ, он самый! – отозвался с нар Энтони. – Кого-то другого здесь ищешь?

– Приготовься, Тони, наручники надеваем!

– Для прогулки еще рано, а в душ меня сегодня не ведут.

– Думаешь, я буду стоять здесь все утро и уговаривать?

Картер сполз с нар, на которых, глядя в потолок, размышлял о Рейчел Вуд и холодном чае на подносе. Затекившие мышцы ныли, и он не без труда встал на колени лицом к нарам. Процедура повторялась в тысячный раз, а Картер по-прежнему терпеть ее не мог. Труднее всего было удержать равновесие. Вот он свел лопатки, вывернул плечи и ладонями вверх высунул руки в прорезь, через которую подавали еду. Щелк! – в запястья впился холодный металл.

– Поднимайся! – скомандовал надзиратель, прозванный Клещом за то, что надевал наручники туже и больнее других.

Картер выдвинул правую ногу вперед и оперся на нее – левое колено громко хрустнуло. Он осторожно поднялся, одновременно высвобождая закованные руки из прорези. За дверью зазвенели ключи. Наконец дверь распахнулась. Вот и Клещ собственной персоной, а рядом с ним надзиратель, получивший прозвище Деннис-мучитель: из-за волос, вечно стоявших дыбом, точь-в-точь как у пацана в комиксах, и дубинки, которой ему очень нравилось грозить, а еще больше – пользоваться. Вроде и дубинка всего лишь деревянная, и удары несильные, а боль адская! Секрет заключался в том, что Деннис-мучитель мастерски находил на телах заключенных особо чувствительные точки.

– Картер, к тебе гость, – объявил Клещ. – Не мать и не адвокат.

Если Клещ хмурился, то Деннис явно пребывал в отличном настроении и крутил дубинку, как мажоретка трость.

– Господь забрал мою мать к себе, когда мне исполнилось десять, – отозвался Картер. – И ты, Клещ, в курсе: я же сто раз тебе рассказывал. Кому я понадобился?

– Понятия не имею. Распоряжается-то начальник тюрьмы! Я должен лишь привести тебя к «клеткам».

Ничего хорошего Картеру это не предвещало. Муж убитой давно не появлялся, неужели решил навестить и сказать: я передумал, простить не могу, катись к дьяволу, Энтони Картер? Так или иначе, Картер не представлял, что ответить этому типу. Он уже столько калялся – мозоль на языке натер!

– Ладно, вперед! – скомандовал Клещ, впился в локоть Картера и поволок по коридору, словно ребенка через толпу или строптивую девицу на дискотеке. В Терреле заключенных даже в душ водили именно так! Одна часть сознания привыкает к чужим бесцеремонно грубым рукам, другая привыкнуть не может. Шагавший впереди Деннис распахнул дверь, разделявшую одиночки и остальную часть отделения особого режима, потом вторую, внешнюю, за которой начинался коридор, тянувшийся мимо общего блока к «клеткам». Картер уже два года не выходил за пределы отделения особого режима, или «крыла З», как его называли в Террелле. «З» – это «Задница, моя черная задница», «З» – это «Забей меня до смерти», «З» – это «Завтра меня отправят на тот свет», поэтому Картер брел, вперив глаза в пол, но изредка все же смотрел по сторонам: вдруг попадется что-то новое? Нет, Террелл как Террелл: сталь, бетон, тяжелые двери и кисловатый запах людей.

У зала свиданий они отметились у дежурного и вошли в пустую «клетку». Здесь было куда теплее и так сильно пахло хлоркой, что у Картера заслезились глаза. Пока Клещ снимал наручники, Деннис держал дубинку у болевой точки под подбородком Картера. Потом на запястья – «Руки перед собой, Картер!» – и на ноги надели в кандалы. Стены усеивали таблички с правилами поведения в зале свиданий, но ознакомиться с ними или хотя бы мельком просмотреть Картер не удосужился. Его подвели к стулу и вложили в ладонь телефонную трубку. Удерживать ее у уха получалось, лишь приподняв ноги к груди, – колени снова захрустели, а цепь вытянулась вдоль торса, как длинная застежка-молния.

– В прошлый раз обошлись без кандалов, – напомнил Картер.

Клещ мерзко хохотнул.

– Ну, извини, забыли попросить у тебя письменное разрешение! Да катись ты, Картер! У тебя десять минут.

Надзиратели вышли. Через миг дверь за стеклянной перегородкой отворилась, и Картер увидел своего первого за два года посетителя.

* * *

Специальный агент Брэд Уолгаст ненавидел Техас и все, что с ним связано. Ненавидел резкие колебания погоды: буквально за минуту палящий зной сменяется собачьим холодом, а влажность не ниже, чем в душевой. Ненавидел природу: тщедушные деревья с узловатыми ветвями – такие только в страшную сказку! – и пыльные пустоши. Ненавидел рекламные щиты, дороги и широкие полосы техасского флага, развевавшегося на каждом шагу, причем непременно огромного, как одеяло. Ненавидел громоздкие пикапы, на которых разъезжает каждый первый, хотя бензин стоит тринадцать баксов за галлон, а планета задыхается от выхлопных газов. Ненавидел сапоги, ремни с гигантскими пряжками и гнусавую речь местных: говорят так, словно целыми днями объезжают мустангов и бросают лассо вместо того, чтобы чистить зубы и работать в офисе, как жители нормальных штатов.

Уолгаст ненавидел Техас в основном потому, что родители за шкурку перетащили его сюда, когда он учился в средней школе. Сейчас сорокачетырёхлетний Уолгаст был в неплохой форме, но возраст уже напоминал о себе разнообразными болячками и редующими волосами. Шестой класс он считал древней историей, ни о чем не жалел, но сегодня, везя Дойла по Пятьдесят девятой трассе на север от Хьюстона, явственно ощущал: старая рана не затянулась. За окнами мелькал посвежевший весенний Техас. Техас – отстойник размером со штат, от него сплошные проблемы! Брэд, безоблачно-счастливый мальчишка из Орегона, обожавший рыбачить на реке Кус и часами гулять по лесу с приятелями, неожиданно попал в пригород Хьюстона. Вместо дома на опушке леса – дурацкое бунгало, а еще прогулки в школу по тридцатипятиградусной жаре без малейшего намека на тень... Юному Уолгасту зачастую казалось, что на голову опускается тяжелый башмак. «Преисподняя!» – думал Брэд. Да, преисподняя находится в Хьюстоне, штат Техас, и он в нее угодил. В новой школе его первым делом заставили дать клятву на верность флагу Техаса, точно он переехал не в другой штат, а в другую страну. Через три мучительно трудных года семья переехала снова, и тот день стал, вероятно, самым счастливым в жизни Брэда, несмотря на сопутствующие обстоятельства. Его родители познакомились в резервации Гранде Ронде, куда отец, по образованию инженер-механик, устроился учителем математики через год после окончания колледжа, а мать, индианка-шинук по своей матери, в девичестве носившей фамилию По-Битар, работала медсестрой в местной больнице. В Техас родители подались ради денег, но в 1986 году нефть резко подешевела, и отца сократили. Дом продать не удалось, и в итоге отчаявшийся отец просто оставил ключи в банке. Отец хватался за любую работу – семья кочевала за ним из Техаса в Мичиган, потом в Огайо, потом на север Нью-Йорка – но из долгов так и не выбрался. Он умер от рака поджелудочной железы за два месяца до того, как Брэд окончил среднюю школу, третью с момента отъезда из Орегона. В смерти отца проще всего было винить ненавистный Техас. Мать вернулась в Орегон, но вскоре не стало и ее. Не стало никого.

Бэбкока, субъекта номер один, Уолгаст разыскал в Неваде, других – в Аризоне, Луизиане, Кентукки, Вайоминге, Флориде, Индиане и Делавэре. Никакой из этих штатов Брэду особо не нравился, но любой казался лучше Техаса.

Накануне вечером Уолгаст и Дойл прилетели в Хьюстон из Денвера, переночевали в «Рэдиссоне» неподалеку от аэропорта (Брэд хотел вырваться в город и, возможно, даже разыскать свой старый дом, но потом подумал: «Какого черта?»), утром взяли напрокат машину, новенький «крайслер-виктори», пахнувший не хуже, чем хрустящая долларовая банкнота, и погнали на север. День выдался погожий, в васильковом небе ни облачка. Уолгаст вел машину, а Дойл потягивал кофе и изучал досье, целую кипу бумаг, лежащих у него на коленях.

– Знакомься, Энтони Картер. – Дойл протянул Уолгасту фотографию. – Вот он, субъект номер двенадцать.

Знакомиться Брэду не хотелось: он почти не сомневался, что увидит на снимке – очередное безучастное лицо, глаза, не привыкшие читать, душу, слишком долго смотревшую в себя. Субъекты попадались разные – белые и темнокожие, худые и толстые, молодые и старые, – объединяли их лишь глаза: пустые, как черные дыры, способные засосать целый мир. Теоретически они вызывали сочувствие, но только теоретически.

– Сказать, что он натворил?

Уолгаст пожал плечами: вообще-то спешить было некуда, но сейчас так сейчас.

Дойл хлебнул кофе и зачитал:

– Энтони Ллойд Картер, афроамериканец, рост пять футов четыре дюйма, вес сто двадцать фунтов. Прозвище соответствует габаритам. – Дойл поднял голову. – Угадаешь?

– Ты меня достал! – апатично проговорил Уолгаст. – Малыш Энтони?

– Да, босс, старость не радость! Его зовут Тони-К, но напиток тут вроде бы ни при чем, расшифровывается как Тони-кроха. Рано потерял мать, отца на горизонте не просматривалось, все детство по приютам. В общем, старт не самый удачный. У него и приводы имелись, но в основном за мелочь: попрошайничество, нарушение общественного порядка и прочую ерунду. А теперь собственно история: наш Тони-К еженедельно стрижет лужайку у доброй леди по имени Рейчел Вуд, которая живет в престижнейшем районе Ривер-оукс с двумя дочками и успешным адвокатом-мужем. Живет припеваючи: благотворительные балы, приемы, загородные клубы – все по полной программе. Энтони Картер – ее проект, не зря же леди благотворительностью занимается! Как-то раз выходит она на лужайку перед своим особняком, глядь – а под эстакадой торчит Картер с рукописным плакатиком «Подайте на еду» или что-то в этом роде. Наша добрая леди тащит его домой, угощает сэндвичем и устраивает в приют, который регулярно спонсирует. Только этого мало – миссис Вуд обзванивает соседок по Ривер-оукс и агитирует: «Поможем этому бедняге! Вам же нужны работники» – в общем, превращается в девочку-скаута, собирающую дружину на благие дела. Чуть ли не на следующий день Тони-К уже стрижет лужайки, подрезает живые изгороди, ну, разве в Ривер-оукс мало работы? Так продолжается целых два года, все тип-топ и чики-пики. Но вот наш Тони-К является к Рейчел Вуд стричь лужайку в день, когда одна из ее дочек пропускает школу из-за болезни. Мать болтает по телефону, а пятилетняя малышка бежит в сад и видит Энтони. Вообще-то девочка с ним знакома, но что-то идет не так, и она пугается. Болтали, что Тони-К к ней лез, но судебный психиатр очень в этом сомневался. Короче, девчонка вопит, из дома вылетает мать, тоже с криками, – начинается суший хаос, бедлам, чемпионат мира по истерическим крикам. Разнесчастный Тони-К, виртуоз газонокосилок и садовых ножниц, вдруг превратился в черномордого бугая – ну еще бы, малышку обидел! Добрая леди разом бросает играть в мать Терезу, лезет в драку и каким-то образом падает в бассейн. Картер хочет как лучше, давай ее спасать, но добрая леди шипит, кусается и царапается, словно дикая кошка. Иначе говоря, часть вторая, «Бедлам в воде». Угадай, чем все закончилось? – Дойл вопросительно взглянул на босса.

– Картер утопил хозяйку?

– Бинго! Прямо на глазах у дочки! На крики прибежала соседка, вызывала копов, они приехали и видят: добрая леди плавает в бассейне лицом вниз, а Тони-К спокойненько сидит на бортике... – Дойл покачал головой. – Жуткая картинка!

Пыл, с которым Дойл рассказывал подобные истории, порой не на шутку тревожил Уолгаста.

– Вероятность несчастного случая исключена?

– Студенткой убитая входила в команду пловчих Южного методистского университета и до самой гибели каждое утро наматывала по пятьдесят кругов в бассейне. Эта мелкая подробность здорово помогла обвинению.

– А что сказал Картер, когда его арестовали?

– Он, мол, только хотел, чтобы леди не кричала, – пожал плечами Дойл. – Потом попросил чаю со льдом.

Уолгаст покачал головой. О каких ужасах он только не слышал, но в память врезались именно «невинные» подробности. Холодного чаю попросил... Матерь Божья!

– Сколько, говоришь, ему лет?

– Я еще не говорил. – Дойл пролистнул назад несколько страниц. – Сейчас тридцать два. На момент ареста было двадцать восемь. Вот еще полезная информация: у него нет родственников. В тюрьме Полунски его навещал лишь муж убитой, и случилось это два с лишним года назад. Даже адвокат уехал из Техаса после того, как отклонили апелляцию. Картера передали кому-то из полицейского управления округа Харрис, но, видимо, новый адвокат еще даже дело не изучил. По сути, всем наплевать. Второго июня Энтони Картеру

сделают смертельную инъекцию за преднамеренное убийство, и это никому не интересно. Наш фигурант уже призрак.

До Ливингстона добирались девяносто минут, последнюю четверть часа – по проселочной дороге, петляющей среди островков соснового леса, и степью, усеянной голубым люпином. Еще не перевалило за полдень, и при удачном стечении обстоятельств они могли засветло вернуться в Хьюстон, оставить «понтак» на стоянке и вылететь в Колорадо. Уолгасту нравились короткие задания. Когда они затягивались, а субъект мялся, жался и тянул резину, у него начинало сосать под ложечкой, несмотря на то что они с Дойлом неизменно добивались своего. Уолгасту то и дело вспоминался прочитанный в старших классах рассказ Бене «Дьявол и Дэниел Уэбстер», только теперь роль дьявола исполнял он сам. Вот Дойл был другим, очень молодым, даже для новичка. Эдакий крестьянский паренек из Индианы – еще и тридцати не исполнилось! – румяный, кровь с молоком. Он с удовольствием стал Робинот Бэтмэну-Уолгасту, называя его «шефом» и «боссом». А сколько в Дойле чистого, искреннего патриотизма! Однажды он разрыдался прямо на глазах у Уолгаста: по телевизору – по телевизору! – транслировали матч с участием «Колорадо рокис», и перед встречей, как обычно, играл гимн. Неужели такие, как Фил Дойл, до сих пор не перевелись?! А ведь он еще и умница: окончил Университет Пердью и уже подал документы в юридическую школу. В ФБР он пришел после трагедии в «Молл-оф-Америка», когда иранские террористы застрелили триста мирных посетителей торгово-развлекательного комплекса в Миннеаполисе. Камеры слежения зафиксировали бойню во всех отвратительных подробностях, и едва хронику показали по Си-эн-эн, половина американцев была готова сорваться с места и хоть чем-то ответить на жуткое злодеяние. После подготовки в Квонтико Дойла как молодого специалиста по антитеррористической деятельности направили в денверское отделение ФБР. Когда Пентагону понадобились два местных агента, Дойл первым предложил свою кандидатуру. С какой целью, Уолгаст не понимал: задание, в документах именованное «Проект "Ной"», казалось полной утопией, именно поэтому он сам согласился в нем участвовать. Бред только что развелся: их с Лайлой брак не развалился, а точнее, изжил себя, поэтому депрессия, последовавшая за окончанием процесса, стала для него полной неожиданностью. Что помогает от депрессии лучше, чем месяцы интенсивных командировок? Кроме того, при разделе имущества ему отошла стоимость положенной по закону доли дома в Черри-крик и часть средств на Лайлином пенсионном счете. Бред даже подумывал о жирной точке в карьере агента ФБР: разве плохо вернуться в Орегон и открыть собственный бизнес – небольшой магазин скобяных или спортивных товаров. Если честно, ни в том, ни в другом он не разбирался, но отставные агенты чаще всего попадали в охранные предприятия, а Уолгаст куда охотнее представлял себя в магазине, торгующем чем-то простым и понятным – бейсбольными перчатками или стамесками. К тому же на бумаге этот «Ной» выглядел плевым делом, отличным заданием для последнего года в ФБР, если он действительно решит поставить точку.

Разумеется, все оказалось сложнее обещанной в документах рутины, вытирания носов и сажания на горшки. Неужели Дойл догадывался об этом заранее?

В Полунски им велели предъявить документы и сдать оружие, а затем проводили в кабинет начальника тюрьмы. Мрачное место, хотя, в принципе, все тюрьмы такие. Пока ждали начальника, Уолгаст достал сотовый и просмотрел вечерние авиарейсы: так, Хьюстон – Денвер, вылет в половине девятого – если поторопятся, должны успеть. Дойл молча листал «Спортс иллюстрейтед», словно был не в тюрьме, а в приемной стоматолога. Примерно в час дня секретарь пригласила их войти.

Начальник тюрьмы оказался афроамериканцем лет пятидесяти, с пегой шевелюрой и грудью штангиста, втиснутой в рубашку и жилет. Он даже не поднялся и не пожал гостям руки. Уолгаст протянул документы.

Начальник тюрьмы бегло просмотрел их и взглянул на Брэда.

– Агент Уолгаст, я в жизни такой ерунды не видел! Какого черта вам понадобился Энтони Картер?

– Объяснить, к сожалению, не могу: это не в моей компетенции. Нам с агентом Дойлом поручено лишь организовать передачу Картера.

Начальник тюрьмы отодвинул документы и сложил руки замком.

– Понятно. А если я откажусь его выдать?

– Тогда я продиктую телефонный номер, по которому вам постараются объяснить, что это делается в целях национальной безопасности.

– Телефонный номер?

– Да, именно.

Раздосадованно вздохнув, начальник тюрьмы повернулся в кресле и показал на высокое окно.

– Джентльмены, вам известно, что там?

– Извините, не понимаю, – покачал головой Уолгаст.

Начальник тюрьмы снова взглянул на гостей. Раздраженным он не казался, и Уолгаст понял: этот тип привык настаивать на своем.

– Там Техас. Двести шестьдесят семь тысяч квадратных миль тexasской территории, если быть до конца точным. И прошу принять к сведению: я работаю на Техас. Не на абстрактного начальника из Вашингтона, Лэнгли или с кем там вы предлагаете связаться. Энтони Картер помещен во вверенное мне учреждение, и мой долг перед жителями штата – привести в исполнение вынесенный ему приговор. Без звонка губернатора я намерен поступить именно так.

«Чертов Техас! – подумал Уолгаст. – На целый день здесь застрянем!»

– Это можно устроить, – проговорил он вслух.

– Тогда устраивайте, агент Уолгаст! – кивнул начальник тюрьмы, протягивая ему документы.

Уолгаст с Дойлом вернулись к машине, забрав оружие у входа для посетителей. Брэд позвонил на денверский номер, через станцию прямой конфиденциальной связи попал на криптозащищенный телефон полковника Сайкса и доложил о посещении тюрьмы. Сайкс разозлился, но обещал принять меры.

– Мне нужен максимум день. Никуда не отлучайтесь, ждите звонка и заставьте Энтони Картера подписать соглашение. Кстати, вполне вероятно, вас ждут небольшие изменения маршрута.

– Какие еще изменения?

– Я сообщу, – после секундного колебания ответил Сайкс. – Главное – подпись Картера.

Уолгаст с Дойлом поехали в Хантсвилль и сняли номер в мотеле. Упрямство и несговорчивость начальника тюрьмы не были для них неожиданностью: подобное случалось и раньше. Досадно, конечно, торчать в Хантсвилле, но тут уж ничего не поделаешь. Еще несколько дней, максимум неделя, – и Картер вольется в проект «Ной», а с лица земли исчезнут все следы его существования. Даже начальник тюрьмы начнет клясться, что никогда о нем не слышал. Разумеется, кто-то займется мужем убитой, тем самым адвокатом из Ривероук, который теперь в одиночку растит двух дочерей, только это Уолгаста уже не касается. Наверняка появится свидетельство о смерти и поучительная история о сердечном приступе, быстрой кремации и свершившемся правосудии. Впрочем, какая разница, ведь к тому времени Уолгаст уже выполнит свою работу.

До пяти вечера Сайкс так и не позвонил, и Уолгаст с Дойлом, переодевшись в джинсы, отправились ужинать. После непродолжительных раздумий выбрали стейк-хаус на оживленной улице между «Бест-бай» и «Костко». Кафе оказалось сетевым, что давало допол-

нительный плюс: агентам на спецзадании рекомендуется сливаться с толпой. Если Уолгаста задержка нервировала, то Дойла, судя по всему, не очень. Сытный ужин, свободное время в незнакомом городке, каждый шаг оплачивается щедрым правительством – чем не малина? Дойл расправился с огромным, толстым, как бревно, бифштексом, Уолгаст погрыз ребрышки, рассчитался по счету – наличными, в кармане всегда имелась пачка новеньких банкнот, – и оба пересели в бар.

– Думаешь, Картер подпишет? – спросил Дойл.

– Куда денется, – отозвался Уолгаст, гремя льдом в стакане с виски.

– Да, с вариантами у него не густо: либо мы, либо инъекция. И тем не менее... – Дойл нахмурился. Уолгаст знал, что на уме у напарника: вряд ли тех, кто подписал соглашение, ожидало что-то хорошее. Иначе почему нужны именно приговоренные к казни, люди, которым нечего терять?

– И тем не менее, – согласился он.

Над барной стойкой стоял телевизор. Спортивный канал транслировал баскетбольный матч между «Рокетс» и «Голден стейт». Некоторое время друзья смотрели молча: игра только началась, и игроки обеих команд лениво обменивались пасами, лишь изредка бросая мяч в кольцо.

– Есть новости от Лайлы? – любопытствовал Дойл.

– Угу, – нехотя отозвался Уолгаст. – Она замуж собралась.

– Замуж? – Дойл сделал большие глаза. – За того типа? За доктора?

Уолгаст кивнул.

– Надо же, какие быстрые! А ты молчал... Господи, неужели она на свадьбу тебя пригласила?

– Не совсем. Прислала письмо по электронке, в известность поставила.

– А ты что?

– Ничего, – пожал плечами Уолгаст.

– Ты никак не отреагировал?!

Уолгаст отреагировал, еще как отреагировал, но распространяться об этом не желал.

«Дорогой Брэд! – писала Лайла. – Решила сообщить, что мы с Дэвидом ждем ребенка. На следующей неделе наша свадьба. Надеюсь, ты за нас рад». Прочитав письмо, Уолгаст минут десять тупо смотрел на экран.

– А как мне реагировать? Мы же разведены, Лайла вольна делать, что ей заблагорассудится. Ну, ты идешь? – Уолгаст залпом допил виски и вытащил еще несколько купюр.

Дойл обвел взглядом обеденный зал. Когда они с Уолгастом пересаживались в бар, стейк-хаус практически пустовал, а сейчас посетителей прибавилось. Стайка девушек сдвинула три стола, они не пили, а буквально хлестали «маргариту» и громко болтали. Неподалеку находился университет имени Сэма Хьюстона, и Уолгаст решил: это студентки или служащие какой-нибудь конторы. Мир может катиться в ад, но «счастливый час» никто не отменит, и в Хантсвилле, штат Техас, красотки по-прежнему будут собираться в барах. Девчонки вырядились в обтягивающие блузки, джинсы с низкой посадкой и жадно поглощали «маргариту». Одна из них, полноватая, сидела к агентам спиной, и низкие джинсы позволяли разглядеть сердечки на трусиках. Уолгаст не мог сказать, чего хочет больше: присмотреться внимательнее или прикрыть чем-нибудь бесстыдницу.

– Пожалуй, я задержусь, – задумчиво произнес Дойл, приподнимая стакан, словно для тоста. – Баскетбол посмотрю.

Уолгаст кивнул. Ни жены, ни даже постоянной подруги у Дойла не было. Вообще-то агентам рекомендуется свести контакты к минимуму, только разве он имеет право контролировать, чем занимается Дойл по вечерам? Брэд почувствовал укол зависти, но быстро его подавил.

– Ладно, только помни...

– Да, да, конечно! – закивал Дойл. – Как советует медвежонок Смоуки, «в лесу не курить, не сорить, девочек, пардон, белочек, не обижать!». В данный момент я торговый представитель индианопольской фирмы. Мы оптоволоконную технику производим.

Девушки разразились оглушительным смехом, в котором Уолгасту явственно слышалась текила.

– Славный город Индианаполис, – проговорил Уолгаст. – По крайней мере, лучше, чем этот.

– Ну, я бы так не сказал, – с озорной улыбкой отозвался Дойл. – Уверен, мне тут понравится.

Уолгаст выбрался из ресторана и зашагал к мотелю. Телефон он на ужин не брал – имеют же они право спокойно поесть! – но по возвращении пропущенных вызовов не обнаружил. После шума и суеты стейк-хауса тишина давила на уши, и Брэд пожалел, что не остался с Дойлом. Впрочем, сейчас его душой компании не назовешь. Он разулся, прямо в джинсах упал на кровать и включил баскетбольный матч, хотя ни за одну из команд не болел. Нужно хоть как-то отвлечься! Увы, не получилось, и вскоре после полуночи (в Денвере одиннадцать, поздновато, но какого черта!) он сделал то, что поклялся себе никогда не делать, – набрал номер Лайлы.

– Алло! – ответил мужской голос.

– Дэвид, это Брэд.

– Слушай, уже поздно, – после небольшой паузы заявил Дэвид. – Что ты хотел?

– Лайла дома?

– Она устала! – отчеканил Дэвид. – У нее был тяжелый день.

«Знаю, что устала, – подумал Уолгаст. – Как-никак, шесть лет с ней в одной постели спал!»

– Ну позови ее к телефону, а? – вслух попросил он.

Дэвид вздохнул и грохнул по столу ни в чем не повинной радиотрубкой. Зашуршали простыни, и Уолгаст услышал: «Это Брэд! Ради бога, пусть в следующий раз звонит в нормальное время!»

– Брэд! – позвала Лайла.

– Прости за поздний звонок! Не сообразил, что уже так много времени.

– Не верю ни на секунду.

– Я в Техасе. Из мотеля звоню, не помню, как называется.

– В Техасе, – повторила Лайла. – Ты же ненавидишь Техас, но звонишь не из желания сообщить, что ты в Техасе, правда?

– Извини еще раз, зря я вас разбудил. Дэвид, кажется, не в восторге.

– Ладно! – вздохнула Лайла. – Мы же по-прежнему друзья, а Дэвид – большой мальчик, переживет.

– Получил твой имейл.

– А, понятно, – снова вздохнула Лайла. – Я так и думала, даже ждала, что ты позвонишь.

– Так вы действительно... поженились?

– Да, в минувшие выходные. Скромная церемония: пара друзей, мои родители. Кстати, папа с мамой интересовались, как у тебя дела. Ты всегда им нравился. Возникнет желание – позвони, они обрадуются, особенно папа, он больше всех по тебе скучает.

Уолгаст безропотно проглотил последнюю фразу, хотя она его сильно задела: «Больше всех. Значит, больше тебя, Лайла?» Он ждал, что Лайла скажет что-нибудь еще, но она молчала. Перед его мысленным взором возникла картинка, точнее, образ из памяти: Лайла в старой футболке и носках – ноги у нее мерзнут в любое время года! – лежит в постели, между

коленями подушка. Она так позвоночник разгружает, ну, из-за ребенка. Из-за их ребенка. Из-за Евы...

– Просто хотел сказать, что я...

– Что ты что? – тихо уточнила Лайла.

– Что я... очень за тебя рад. Твое желание исполнилось! На сей раз нужно уйти с работы, отдохнуть, больше заботиться о себе. Я все думаю, ну... если б ты...

– Конечно, Брэд, я так и сделаю, – перебила Лайла. – Не беспокойся, все нормально.

«Нормально... – пронеслось в голове у Уолгаста. – Разве это нормально? Скорее наоборот!»

– Я просто думал...

– Пожалуйста! – Лайла глубоко вздохнула. – Мне грустно от таких разговоров. Завтра рано вставать.

– Лайла...

– Ты не понял? Мне пора спать.

Уолгаст почувствовал, что Лайла плачет. Нет, всхлипываний он не услышал, просто почувствовал. Они оба вспоминали Еву, а от этих воспоминаний Лайла всегда рыдала, поэтому их брак и распался. Сколько же часов он провел, утирая ей слезы? Увы, он не знал, чем ее утешить, не представлял, что и как говорить, и лишь со временем – слишком поздно! – догадался: не следовало говорить ничего.

– Черт подери, Брэд, я не хотела расстраиваться, только не сейчас.

– Извини, Лайла! Я... я о ней думал.

– Знаю... Черт, черт, черт! Пожалуйста, Брэд, не надо! – Лайла всхлипнула.

В трубке раздался голос Дэвида:

– Больше нам не звони! Я серьезно... Ты меня понял?

– Да катись ты! – процедил Уолгаст.

– Говори что хочешь, только Лайлу больше не тревожь! Оставь нас в покое! – Дэвид отсоединился.

Уолгаст мельком взглянул на сотовый и с ненавистью швырнул его через весь номер. Телефон описал красивую дугу – чем не летающая тарелка? – и с грохотом ударился о стену над телевизором. Треск... все, конец аппарату! Брэд тотчас пожалел о своей вспышке, но, опустившись на колени, увидел: открылся отсек для батареек, а других повреждений нет.

* * *

На территории закрытого объекта Уолгаст бывал всего раз, когда прошлым летом встречался с полковником Сайксом. Впрочем, памятная встреча собеседованием не являлась. Брэду заранее дали понять: если он согласен заниматься «Ноем», возражений ни у кого нет. Два солдата везли его в микроавтобусе с тонированными окнами, но Уолгаст догадался: они двигаются на запад от Денвера, в горы. Дорога заняла шесть часов, Брэд даже заснул. Когда автобус затормозил на территории объекта, Уолгаст вышел на летний солнцепек, потянулся и посмотрел по сторонам. Судя по рельефу, он оказался чуть севернее Урея, штат Колорадо. Брэд вдыхал чистейший разреженный воздух и морщился от характерной для большой высоты пульсирующей боли в затылке.

На стоянке его встретил штатский – сдержанный мужчина в джинсах, рубашке цвета хаки с закатанными рукавами и старомодных авиаторских очках на крупном носу картошкой. Звали его Ричардс.

– Надеюсь, поездка вас не слишком утомила, – проговорил Ричардс, когда они пожали друг другу руки. Вблизи Уолгаст заметил: лицо нового знакомого испещрено следами прыщей. – На такой высоте с непривычки бывает тяжело.

Ричардс повел Брэда через стоянку к строению, которое называл Шале, и не случайно: трехэтажное, с деревянной обшивкой стен а-ля Тюдор, оно напоминало устаревшую спортивную базу. Когда-то такие базы встречались в горах на каждом шагу, а сейчас превратились в нескладные памятники эпохи, не ведавшей, что такое таймшеры, кондоминиумы и горнолыжные курорты. За Шале простиралась огромная лужайка, а еще дальше, ярдах в ста, виднелись куда менее величественные строения: казармы из шлакоблоков, полдюжины времянки и приземистое здание, похожее на мотель. «Хаммеры», внедорожники поменьше и грузовики-пятитонки сновали по подъездной дороге, а в центре лужайки несколько широкоплечих мужчин с короткими стрижками, обнажившись по пояс, загорали на шезлонгах.

Интерьер Шале потряс Уолгаста до глубины души: он словно заглянул за театральные декорации или на съемочную площадку. От спортивной базы остались только несущие стены. Вместо перпендикулярного стиля – хай-тек суперсовременного офисного центра: серые ковры, галогенные светильники, навесные потолки из шумопоглощающей плитки. Брэд точно попал в приемную стоматолога или кабинет своего финансового консультанта на последнем этаже небоскреба – именно там он раз в год заполнял налоговые декларации. У стола дежурного Ричардс попросил сдать сотовый и оружие, и парнишка в камуфляже тут же прикрепил к ним бирки. Неподалеку был лифт, но Ричардс прошагал мимо к узкому коридору, упиравшемуся в тяжелую металлическую дверь, за которой скрывалась лестница. Они поднялись на второй этаж и очередным неприметным коридором добрались до кабинета Сайкса.

Едва Брэд с Ричардсом переступили порог, Сайкс, высокий, ладный мужчина в форме, встал из-за стола. На груди Сайкса пестрели разноцветные полоски, значения которых Уолгаст никогда не понимал. В кабинете царил образцовый порядок, а интерьер, вплоть до фотографий в строгих рамках, воплощал стремление к максимальной эффективности. В центре стола лежал пухлый конверт из плотной бумаги, и Уолгаст почти не сомневался: в нем его досье.

Сайкс пожал ему руку и предложил кофе. Уолгаст согласился: хотелось не взбодриться, а унять головную боль.

– Извините за дурацкий цирк с микроавтобусом! – проговорил Сайкс и жестом предложил Брэду сесть. – Так уж у нас заведено.

Солдат принес кофе, пластмассовый графин с водой и две фарфоровые чашки. Ричардс так и стоял за столом Сайкса, у высокого окна, которое выходило на окружавшие объект леса. Сайкс объяснил суть задания: мол, все предельно ясно, тем более для агента с опытом Уолгаста. Пентагону требовалось десять-двадцать приговоренных к смертной казни для участия в третьем этапе испытания экспериментального вида фармакотерапии под кодовым названием «Проект "Ной"». Согласившимся участвовать смертный приговор заменят пожизненным заключением без права досрочного освобождения. Уолгасту следовало лишь собирать у фигурантов подписи. Сайкс заверил: проект одобрен министерством внутренних дел, то есть абсолютно легален, но, поскольку осуществляется во имя национальной безопасности, все участники будут объявлены умершими. Остаток жизни они проведут под вымышленными именами в секретном лагере-тюрьме, подведомственном федеральной пенитенциарной системе. Участники должны соответствовать целому ряду критериев, главные из которых мужской пол, возраст от двадцати до тридцати пяти лет и отсутствие близких родственников. Уолгаст будет починяться непосредственно Сайксу, другие контактные лица проектом не предусмотрены, хотя формально Брэд останется на службе ФБР.

– Так я должен их выбирать? – уточнил Уолгаст.

– Нет, – покачал головой Сайкс, – это наша работа. Вы будете выполнять мои распоряжения. Ваша задача – заручиться согласием кандидатов. С момента подписания документа

подключается Пентагон: сначала фигурантов перевозят в ближайшую федеральную тюрьму, потом сюда.

Уолгаст задумался.

– Полковник, я должен понять...

– Чем мы занимаемся? – перебил Сайкс и улыбнулся, на мгновение превратившись из оловянного солдатика в человека.

Уолгаст кивнул.

– Ясно, подробности не подлежат разглашению, но ведь этим заключенным предстоит описывать свою жизнь. Мне понадобятся веские доводы.

Сайкс взглянул на Ричардса, и тот пожал плечами.

– Я вас оставлю, – объявил он, кивнул Брэду, словно прощаясь, и закрыл за собой дверь.

Сайкс откинулся на спинку кресла.

– Я не биохимик, агент Уолгаст, поэтому вам придется удовольствоваться дилетантским объяснением. Перво-наперво расскажу о предпосылках «Ноя», разумеется, в рамках того, что подлежит огласке. Лет десять назад в Центр контроля заболеваний позвонил доктор из Ла-Паса. К нему обратились четверо американцев, заразившихся, по его предположению, хантавирусом. По крайней мере, проявлялись наиболее характерные симптомы – жар, рвота, мышечная и головная боль, гипоксемия. Все четверо участвовали в экотуре, путешествовали в джунглях. Якобы участников экотура было четырнадцать, но наша четверка отстала от группы и несколько недель блуждала в джунглях. По счастливой случайности они натолкнулись на отдаленную факторию францисканцев, которые доставили их в Ла-Пас. Разумеется, хантавирус не ОРЗ, однако и редким его не назовешь, поэтому звонок боливийского доктора не слишком встревожил бы Центр контроля заболеваний, если бы не одно «но». У каждого из той четверки был рак в конечной стадии, а экотур курировала организация под названием «Последняя воля». Слышали о такой?

– Да, – кивнул Уолгаст. – Только я считал, они устраивают для тех несчастных развлечения вроде прыжков с парашютом.

– Вот-вот, я тоже так считал, но получается, что нет. У одного из той четверки была неоперабельная опухоль мозга, у двоих острый лимфолейкоз, а у четвертой, женщины, – рак яичников. Теперь представьте: все четверо выздоровели – исчез не только хантавирус, но и рак. Бесследно!

– Ничего не понимаю, – озадаченно проговорил Уолгаст.

– В Центре контроля заболеваний тоже не поняли. Однако что-то случилось – на их иммунную систему, вероятно, подействовал некий вирус из джунглей. Как же экотуристы его подхватили? С пищей? С водой? Ответить никто не мог: экотуристы даже не знали, где именно бродили последние несколько дней. Вам известно, что такое тимус? – подавшись вперед, поинтересовался Сайкс.

Уолгаст покачал головой, тогда полковник ткнул себя в чуть выше грудины.

– Это железа размером с желудь, расположена здесь, между грудиной и трахеей. У большинства она полностью атрофируется с наступлением половой зрелости, поэтому о существовании этой железы зачастую знают лишь онкобольные. Функция тимуса практически не изучена, точнее, не была изучена, пока тем туристам не сделали томографию. У них тимус восстановился, да еще стал в три раза больше обычного. Сперва заподозрили злокачественное образование, но анализ ничего подобного не выявил. Зато иммунная система заработала в турборежиме! В результате клеточно-тканевая регенерация не пошла, а понеслась с невероятной скоростью, причем со всеми вытекающими последствиями. Разменявшие шестой десяток, больные раком экотуристы вернулись в раннюю молодость – восстановились зрение, слух, обоняние, кожа, объем легких, физическая сила, выносливость. Вернулось даже половое влечение, а у одного мужчины выросла пышная шевелюра.

– Это действие вируса?

Сайкс кивнул.

– Уже предупреждал: мое мнение дилетантское, но здешние специалисты согласны со мной целиком и полностью. У некоторых научные степени в областях, названия которых я и произнести не в силах. Порой эти доктора-профессора разговаривают со мной, как с малым дитем, и они, в сущности, правы.

– Что стало с четверкой экологов?

Сайкс откинулся на спинку стула и чуть заметно помрачнел.

– Увы, это не самая светлая часть моей истории. Все умерли, не прожив и трех месяцев, кто от мозговой аневризмы, кто от инфаркта, кто он инсульта. Как пробки перегорали...

– А остальная группа?

– Никаких данных, все бесследно исчезли, включая туроператора, являвшегося, как выяснилось, весьма сомнительной личностью. Похоже, он занимался контрабандой наркотиков, а экологизм использовал как крышу. – Сайкс пожал плечами. – Вероятно, я рассказал слишком много, но, думаю, это поможет вам оценить потенциал проекта. Агент Уолгаст, речь о лечении не одной болезни, а всех существующих. Сколько проживет человек, которому не страшен ни рак, ни диабет, ни Альцгеймер, ни пороки сердца? На нынешнем этапе исследований без подопытных людей нам не обойтись. Звучит ужасно, но иначе не скажешь. Нам просто необходимо сотрудничество смертников. И вот тут на сцене появляетесь вы. Я хочу, чтобы вы их убедили.

– Почему бы вам не привлечь к этому судебных исполнителей? Это же больше по их части.

– Доблестных церберов? Уж простите за выражение... – Сайкс категорично покачал головой. – Уверяю, пробовали. Хотел бы диван на второй этаж поднять, вероятно, обратился бы к этим ребятам, а для задания государственной важности – ни за что! – Полковник раскрыл досье и зачитал: – Брэдфорд Джозеф Уолгаст, родился двадцать девятого сентября тысяча девятьсот семьдесят четвертого года в Ашленде, штат Орегон. В тысяча девятьсот девяносто шестом году получил степень бакалавра по уголовному праву в Буффальском отделении Университета штата Нью-Йорк (диплом с отличием), предложение служить в ФБР отклонил. Получил стипендию на обучение в аспирантуре университета Стони Брук (специальность – политология), но через два года покинул университет ради службы в ФБР. Прошел подготовку в Квонтико, направлен... – Сайкс изумленно вскинул брови: – В Дейтон?

– Так получилось, – пожал плечами Уолгаст.

– Ясно, служба есть служба! Так, два года у черта на куличиках, то да се, паршивые задания, но в целом отличные характеристики и рекомендации. После трагедии одиннадцатого сентября запросил перевод в антитеррористический отдел, восемнадцать месяцев переподготовки в Квонтико, в сентябре 2004 года направлен в денверское отделение для помощи Казначейству США в борьбе с отмыванием денег гражданами России (вообще-то русской мафией, но подобных выражений мы избегаем!) в американских банках. Дополнительная информация: в партиях и общественных движениях не состоит, даже газет не выписывает. Родители умерли. Гетеросексуален, долговременных связей избегает. Зарегистрировал брак с Лайлой Кайл, хирургом-ортопедом, через четыре года развелся. – Сайкс закрыл досье и взглянул на Брэда. – Агент Уолгаст, если честно, то нам нужен человек интеллигентный, способный убеждать не только заключенных, но и тюремную администрацию, действовать деликатно, не оставляя следов. Разумеется, наш проект на сто процентов легален – черт подери, вероятно, это важнейшее медицинское исследование в истории человечества! – но казусы и недоразумения, увы, не исключены. Я так откровенен с вами, потому что считаю: это поможет вам понять, насколько высоки ставки.

По мнению Уолгаста, полковник сообщил далеко не все известные ему факты; получилось весьма убедительно, но тем не менее...

– А риск есть? – спросил Брэд.

Сайкс лишь плечами пожал:

– Риск риску рознь. Не стану лгать, риск, конечно, присутствует, но мы делаем все возможное, чтобы свести его к минимуму. В провале или трагедии никто не заинтересован. Однако напомним: речь о приговоренных к смертной казни, не самых приятных людях на свете. Только выбор у них небогат, а мы предоставляем шанс прожить, сколько отведено, и внести существенный вклад в развитие медицины. В конечном итоге предложение весьма неплохое. Мы тут все на стороне ангелов.

Уолгаст задумался, осознавая: другого шанса отказаться не будет. Но все услышанное так просто не осмыслить...

– Если честно, не понимаю, при чем тут военные?

Лицо Сайкса заметно напряглось, а в голосе послышалась обида.

– Не понимаете?! А вы напрягитесь, агент Уолгаст! Подключите воображение и представьте солдата, которого в Хорремабаде или под Грозным ранило взрывом самодельной бомбы, осколком шрапнели, фугасом или еще какими русскими боеприпасами с черного рынка. Поверьте, я собственными глазами видел, как это случается. Раненого срочно эвакуируют с места трагедии, нередко по дороге он умирает от кровопотери, но порой удача улыбается и его доставляют в полевой госпиталь, где хирург-травматолог с двумя помощниками и тремя медсестрами наскоро латают несчастного, а потом его переправляют в Германию или Саудовскую Аравию. Больно, ужасно, обидно, да и на войну такой солдат вряд ли вернется. Отныне он подпорченный товар, и средства, вложенные в его подготовку, идут коту под хвост. А бывает и страшнее. Солдат возвращается домой морально сломленным, обожженным, без руки, ноги, почки и хороших воспоминаний об исполнении воинского долга. Сидит такой солдат с приятелями в кабаке и сетует: «Вот, ногу потерял, до конца жизни придется ссать в баночку, а ради чего?» – Сайкс снова откинулся на спинку стула, явно желая, чтобы Брэд прочувствовал глубинный смысл его слов. – Война длится уже пятнадцать лет, агент Уолгаст, и в лучшем случае продлится еще пятнадцать. Увы, я вас не пугаю! Главной задачей военных было, есть и будет сохранить живую силу, удержать солдат на поле боя. Теперь представьте, что тот же раненый шрапнелью восстанавливается за день, возвращается в свою часть и воюет за Бога и родину. По-вашему, военные могли не заинтересоваться подобным проектом?!

– Теперь понял, – пристыженно кивнул Брэд.

– Вот и славно, потому что вам-то как раз и следует понимать. – Лицо Сайкса просветлело: лекция закончилась. – Платят за все тоже военные – и слава богу. Мы уже потратили такую сумму, что у вас глаза из орбит вылезут. Не знаю, как вы, а я мечтаю увидеть прапрапраправнуков! Черт подери, на сотый день рождения хочу попасть в лунку с трехсот ярдов, вернуться домой и любить жену так, чтобы у нее потом неделю ноги заплетались! Да и кто этого не хочет? – Полковник испытующе взглянул на Брэда. – Мы на стороне ангелов, агент Уолгаст, и этим все сказано. Так мы договорились?

Они пожали друг другу руки, и Сайкс проводил Уолгаста до двери. В коридоре ждал Ричардс, чтобы «под конвоем» доставить гостя на стоянку.

– Последний вопрос, – вскинулся Уолгаст. – Почему проект называется «Ной»? Что это означает?

Сайкс мельком взглянул на Ричардса, и Уолгаст ощутил, как меняется соотношение сил. Наверное, формально главным считался Сайкс, но Брэд не сомневался: в определенной степени бравый полковник подчиняется Ричардсу, представлявшему здесь тех, кто на деле командовал парадом, – Научно-исследовательский институт инфекционных заболева-

ний Медицинской службы Вооруженных сил США, Департамент внутренней безопасности или Агентство национальной безопасности.

– Скажем так: никакого особого значения название не имеет, – ответил Сайкс. – Библию читали?

– Немного. – Уолгаст смотрел то на Сайкса, то на Ричардса. – Еще в детстве. Мама была методисткой.

– Тогда разыщите историю о Ное и его ковчеге, – во второй и последний раз улыбнулся полковник. – Посмотрите, сколько прожил Ной. Большого сказать не могу.

Тем же вечером, вернувшись в свою денверскую квартиру, Уолгаст выполнил мини-задание Сайкса. Библии у него не было (в последний раз он видел ее в день свадьбы), но информация нашлась в Интернете.

«И во все дни Ноя было девятьсот пятьдесят лет, и он умер»¹. Тут он понял, что опустил, о чем тактично умолчал Сайкс. Разумеется, в досье об этом упоминалось: смерть дочери. Вот почему из всех федеральных агентов выбрали и предпочли именно его – из-за Евы.

* * *

Утром Брэда разбудил бодрый стрекот сотового. Ему снилась Лайла: она позвонила и сказала, что родился ребенок, ребенок не от Дэвида, а от Брэда! Целый миг Уолгаст наслаждался безоблачным счастьем, потом проснулся окончательно, сообразил, где находится – в хантсвилльском мотеле, черт его дер! – нащупал сотовый и, даже не взглянув на экран, нажал кнопку «прием». Из-за криптозащиты он сперва услышал лишь треск, но через пару секунд связь установилась.

– Все улажено, – объявил Сайкс. – Только убедите Картера подписать соглашение. Багаж сразу не пакуйте: наклеывается еще одно задание.

Брэд взглянул на часы: 6:58. В ванной закрыли кран – плеск воды стих, но тут же загудел и завыл фен. Возвращение Дойла Уолгаст помнил смутно: уличный шум из распахнутой двери, чуть слышное «извини», а потом плеск воды. Тогда на часах было два с небольшим.

Из ванной вышел Дойл с полотенцем вокруг бедер, а следом вылетело облачко пара.

– Проснулся наконец! – бодро проговорил он. Глаза молодого агента сияли, кожа покраснела от горячего душа. Каким образом парню удастся кутить целую ночь, а наутро быть как огурчик, оставалось для Брэда загадкой.

– Как торговля оптоволоконной техникой? – откашлявшись, поинтересовался Уолгаст. Дойл плюхнулся на соседнюю кровать и пригладил влажные волосы.

– Ты не представляешь, насколько увлекателен этот бизнес. На мой взгляд, люди недооценивают его потенциал.

– Попробую угадать. Та с трусиками?

Дойл ухмыльнулся и шаловливо вскинул брови.

– Босс, трусики были на каждой! – Он кивнул Уолгасту: – А с тобой что стряслось? Вид такой, слово мешком по голове ударили!

Мельком взглянув на себя, Брэд обнаружил, что спал в одежде. Это уже вошло в привычку: с тех пор как Уолгаст получил и-мейл от Лайлы, он все чаще засыпал на диване перед телевизором, будто потерял право отдыхать на удобной кровати, как все нормальные люди.

– А-а, ерунда! – буркнул Брэд. – Наверное, баскетбол наскучил и я вырубился. – Он встал и потянулся. – Сайкс звонил. Говорит, все улажено, так что собирайся!

¹ Бытие 9:29. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

После завтрака они вернулись в Полунски. Начальник тюрьмы уже ждал в кабинете, усталый и какой-то осунувшийся. «Дело в погоде или он тоже плохо спал?» – подумал Уолгаст.

– Присаживаться не стоит, – процедил начальник тюрьмы, вручая гостям конверт. Содержимое полностью соответствовало ожиданиям Картера: приказ о смягчении наказания, подписанный губернатором Техаса, и распоряжение суда о передаче Картера в ведение ФБР как обвиненного по нормам федерального уголовного права. Если Картер распишется где следует, к ужину они с Дойлом доставят его в федеральную тюрьму Эль-Рено, что в Оклахоме. Оттуда его поэтапно переведут еще в три федеральных заведения. След будет понемногу затираться, и недели через две-три, максимум через месяц, на территорию секретного объекта въедет черный микроавтобус и из него, жмурясь на колорадское солнце, выберется человек, отныне именуемый Номером Двенадцать.

Помимо этого в конверте лежали свидетельство о смерти Картера и отчет судмедэксперта, датированные двадцать третьим марта. Утром двадцать третьего марта, то есть через три дня, Энтони Ллойд Картер умрет в камере от аневризмы сосудов головного мозга.

Уолгаст сложил документы в конверт и спрятал его в карман, чувствуя неприятный холодок. Как легко стереть человека с лица земли: раз – и все!

– Спасибо, сэр! – поблагодарил он начальника тюрьмы. – Мы ценим вашу помощь.

Стиснув зубы, начальник тюрьмы по очереди оглядел агентов.

– Мне также велено говорить, что я никогда вас не видел и не слышал!

Уолгаст растянул губы в улыбке.

– У вас с этим какие-то сложности?

– Если бы были, в конверте лежало бы два свидетельства о смерти, и одно из них – на мое имя. У меня дети, агент Уолгаст. – Начальник тюрьмы взял трубку и, набрав номер, приказал: – Двум надзирателям доставить Энтони Картера к «клеткам»! – Он отсоединился и взглянул на Уолгаста. – Не могли бы вы подождать в приемной? Еще немного, и мне будет трудно забыть о нашем знакомстве. Всего хорошего, джентльмены!

Минут через десять в приемную вошли два надзирателя: лицо старшего было добрым, как у Санты из детской книжки, зато озлобленная физиономия второго, еще не справившего двадцатипятилетие, Уолгасту совершенно не нравилось. Придурков и извращенцев среди надзирателей хватало, и этот был явно из их числа.

– Это вы Картера ищете?

Уолгаст кивнул и показал удостоверение.

– Да, мы. Специальные агенты Уолгаст и Дойл.

– Имена не имеют значения, – буркнул Санта. – Начальник велел вас сопровождать, мы и сопровождаем!

Вслед за надзирателями Уолгаст с Дойлом прошли в зал свиданий. Картер сидел за стеклянной перегородкой, зажав телефон между плечом и ухом. Далеко не бугай, как и говорилось в досье, – спортивный костюм болтался на нем, как на Кене, дружке Барби. Смертники бывают разными, но Картер, в отличие от большинства, ни испуганным, ни озлобленным не выглядел. Скорее, он казался смирившимся и безучастным, точно жизнь уже давно откусывала от него по кусочку.

– Пожалуйста, снимите с него кандалы! – попросил надзирателей Уолгаст.

– Нельзя, – покачал головой старший, – это запрещено правилами!

– Меня ваши правила не интересуют. – Уолгаст снял трубку с прикрепленной к стене базы. – Энтони Картер? Мы из ФБР, я специальный агент Уолгаст, это специальный агент Дойл. Сейчас надзиратели войдут в «клетку» и по моей просьбе снимут с вас наручники. Обещаете не оказывать сопротивление?

Картер кивнул и тихо, будто нехотя ответил:

– Да, сэр.

– Без кандалов вам будет удобно разговаривать или есть другие пожелания?

Во взгляде Картера отразилось искреннее изумление: давно же ему не задавали подобных вопросов!

– Все в порядке, – прошелестел он.

Уолгаст повернулся к надзирателям.

– Ну, в чем дело? Я что, сам с собой разговариваю? Может, стоит позвонить вашему начальнику?

Надзиратели переглянулись, решая, что делать, затем Деннис-мучитель вышел из комнаты и секундой позже появился за стеклянной перегородкой. Уолгаст поднялся и, не отрываясь, смотрел, как с Картера снимают кандалы.

– Ну что, довольны? – осведомился Санта.

– Да, – кивнул Уолгаст. – Пожалуйста, оставьте нас одних. Когда закончим, доложу дежурному.

– Как угодно, – проговорил надзиратель и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Стул имелся лишь один, складной, металлический, точь-в-точь как в школе. Уолгаст придвинул его вплотную к стеклу и сел, а Дойл застыл за его спиной. Брэд знал: разговор предстоит вести ему, и снова взял трубку.

– Так лучше?

Осторожный Картер окинул его оценивающим взглядом и только потом кивнул.

– Да, сэр. Спасибо! Клещ всегда кандалы и наручники слишком туго надевает.

«Клещ... Надо запомнить», – подумал Уолгаст, а вслух спросил:

– Есть хотите? Вас здесь завтраком кормят?

– Да, я оладьи ел. Пять часов назад.

Уолгаст взглянул на Дойла и многозначительно поднял брови. Тот кивнул и вышел из комнаты. Несколько минут Брэд переживал, не говоря ни слова. Вопреки большому знаку с перечеркнутой сигаретой, стойка у окошка пестрела от подпалин.

– Так вы из ФБР?

– Да, верно.

– Как в том кино? – с болезненной улыбкой уточнил Картер.

Уолгаст понятия не имел, о чем речь, но ничуть не переживал: главное, чтобы Картер говорил и в себе не замыкался.

– В каком кино, Энтони?

– Ну, там агент-женщина и в каждой серии пришельцы.

Теперь Уолгаст догадался: «Секретные материалы», разумеется! Когда этот сериал шел в последний раз? Лет двадцать назад? Значит, Картер видел его в детстве, как раз повторный показ застал! Подробностей Брэд уже не помнил, только основу сюжета – похищенные пришельцами люди, заговор политической элиты, не желавшей огласки этих фактов... Так вот как Картер представляет себе ФБР!

– Мне это кино тоже нравилось. Его здесь показывают?

– Вы приехали для того, чтобы об этом меня спросить? – расправив плечи, поинтересовался Картер.

– Молодец, Энтони! – похвалил Уолгаст. – Дело и впрямь не в этом.

– А в чем?

Брэд вплотную придвинулся к стеклянной перегородке и заглянул Картеру в глаза.

– Энтони, про Террелл и местные нравы мне известно все. Хочу убедиться, что с тобой нормально обращаются.

– Ну, тут вполне терпимо, – с явным недоверием ответил Картер.

– Надзиратели не очень лютуют?

– Клещ наручники слишком туго надевает, а так ничего. – Картер пожал костлявыми плечами. – С Деннисом мы не ладим, кое с кем из других – тоже.

Дверь за спиной Картера открылась, Дойл внес желтый поднос из столовой и поставил перед Картером. В пластмассовой корзинке лоснились от жира чизбургер и жареная картошка в вошеной бумаге, рядом примостилась картонная пачка шоколадного молока.

– Налетай, Энтони! – Уолгаст кивнул на поднос. – Поговорим, когда наешься.

Картер положил трубку на стойку, поднес чизбургер ко рту, три раза откусил, и половина исчезла. Он вытер рот тыльной стороной ладони и взялся за картофель. «Кроме еды ничего не видит! – подумал следивший за ним Уолгаст. – Совсем как отощавший пес на помойке!»

– Вот что значит голод! – пробормотал Дойл.

– Десерта у них не нашлось?

– Засохшие пирожки да эклеры, внешне неотличимые от собачьего дерьма.

– Пожалуй, лучше не десерт, а чай со льдом, – задумчиво произнес Уолгаст. – Принесишь? Если получится, налей в стакан покрасивее.

– Он же молоко пьет, – нахмурился Дойл. – Не уверен, есть ли здесь чай со льдом. Честное слово, не столовая, а скотный двор!

– Фил, мы же в Техасе. – Уолгаст с трудом сдержал нарастающее раздражение. – Чай со льдом у них есть. Принеси, пожалуйста!

Дойл пожал плечами и снова исчез. Картер справился с едой, облизал жирные пальцы и глубоко вздохнул. Трубки они с Уолгастом подняли почти одновременно.

– Как самочувствие, Энтони? Получше?

В трубке слышалось тяжелое, с присвистом, дыхание Картера. Его глаза, еще десять минут назад по-звериному настороженные, покрылись поволокой. Калории, молекулы белка и сложные углеводы оказали на ослабевший от дрянной еды организм эффект разорвавшейся бомбы. Уолгаст все равно что неразбавленным виски Картера напоил!

– Да, сэр. Спасибо.

– Человеку нужно есть. Нельзя же одними оладьями питаться!

Возникла пауза. Картер медленно облизал губы, а потом чуть слышным шепотом спросил:

– Так что вы от меня хотите?

– Не-ет, Энтони, ты все напутал, – покачал головой Уолгаст. – Это я должен понять, что могу для тебя сделать.

Картер вперил глаза в стойку – перемазанный жиром памятник недавней трапезе.

– Это ведь он вас послал?

– Кто «он», Энтони?

– Муж хозяйки. – Картер поморщился: воспоминание было не из приятных. – Мистер Вуд. Однажды он навестил меня и сказал, что обрел Иисуса.

Да, в досье это свидание упоминалось. Два года прошло, а Картер по-прежнему о нем думает!

– Нет, Энтони, клянусь, он меня не посылал.

– Я сказал ему, что раскаиваюсь! – не унимался Картер, хотя его голос предательски дрожал. – Всем сказал, но повторять не собираюсь, сколько можно?!

– Никто тебя не заставляет повторять. Я знаю, что ты раскаиваешься, именно поэтому и приехал сюда из такой дали.

– Из какой еще дали?

– И дальней дали. – Уолгаст медленно кивнул. – Из дальней-предальной дали... – Брэд сделал паузу, изучая лицо Картера. Этот кандидат отличался от других, явственно отличался. Уолгаст почувствовал: вот он, шанс, подобный внезапно распахнувшейся двери.

– Энтони, а что, если мне по силам вытащить тебя отсюда?

– О чем это вы? – уточнил Картер, буравя гостя настороженным взглядом.

– О том самом. Мне по силам тебя вытащить. Сегодня, сейчас. Ты уедешь из Террелла и никогда не вернешься.

В глазах Картера читалось замешательство: слова Уолгаста казались ему совершенно непостижимыми.

– По-моему, вы просто дурака валяете!

– Нет, Энтони, это правда. Потому я и приехал из такой дали. Ты человек особенный, хотя сам вряд ли это осознаешь. Ты особенный, можно даже сказать, уникальный.

– Я выберусь отсюда? – нахмурился Картер. – Нет, даже пробовать не стоит, прошло столько времени... Мою апелляцию отклонили – адвокат в письме так и написал.

– Энтони, речь не об апелляции! Предлагаю кое-что получше – выбраться отсюда. Ну, что скажешь?

– Скажу, что звучит здорово! – Картер откинулся на спинку стула и, вызываясь засмеявшись, скрестил руки на груди. – Скажу, что звучит слишком здорово, на правду не похоже. Это же Террелл!

Брэда всегда изумляло, сколь реакция на новость о смягчении приговора напоминает пять стадий горя. Сейчас Картер проходил стадию отрицания: разум отказывался воспринимать информацию.

– Я прекрасно помню, где ты находишься, и знаю, что это за заведение. Это тюрьма для смертников, Энтони. Тебе здесь не место. Поэтому я и приехал. Не ради других заключенных, а исключительно ради тебя.

Картер заметно расслабился.

– Никакой я не особенный, и я... в курсе этого.

– Нет, особенный, ты сам этого не понимаешь, но так оно и есть. Видишь ли, Энтони, мне нужна твоя помощь, точнее, небольшая услуга. Сделка будет двухсторонняя: я вытащу тебя отсюда, а ты взамен кое-что сделаешь.

– Помощь? Услуга? – тупо повторил Картер.

– Мои начальники узнали, что тебя ждет в Террелле. Они четко представляют, что случится в июне, и считают это несправедливым. Да, с тобой обошлись несправедливо. Несправедливо, что твой адвокат сбежал и бросил тебя. Мои начальники хотят помочь, у них есть для тебя работа.

– Работа? – недоуменно переспросил Картер. – Лужайки стричь, как у той леди?

«Святые небеса! Он считает, я предлагаю ему косить траву!» – подумал Брэд и ответил:

– Нет, Энтони, это важная, серьезная работа. В чем она заключается, сказать не могу, потому что не знаю сам.

– Как же вы решили, что работа важная, если не знаете, в чем она заключается?

– Энтони, ты чертовски умный парень и задаешь умные вопросы. Но тут тебе придется положиться на меня. Я могу сегодня же вытащить тебя из Террелла. Ты лишь должен сказать, что этого хочешь.

Уолгаст достал из кармана конверт и извлек содержимое. В такие моменты он чувствовал себя фокусником, вытаскивающим из шляпы белого кролика. Брэд прижал документ к стеклу, позволяя Картеру прочесть текст.

– Знаешь, что это? Приказ о смягчении наказания, подписанный губернатором Дженной Буш. Вот тут внизу сегодняшнее число. Понимаешь, что из этого следует?

Картер взгляделся в документ.

– Что мне не сделают инъекцию?

– Верно, Энтони! Ни в июне, ни в другом месяце – никогда.

Уолгаст спрятал приказ в карман пиджака. Ну вот, крючок с наживкой заброшен! Другой документ, который Картеру следовало подписать, – и Уолгаст несколько не сомневался, что тот подпишет, когда надоест мяться и жаться, – лежал там же. Условиями этого документа Энтони Ллойд Картер, техасский заключенный номер 999642, отдавал себя с потрохами на милость проекта «Ной». Поэтому, когда Брэд жестом фокусника вытащил второй документ, он вовсе не хотел, чтобы Картер его прочитал.

– Дженна мне всегда нравилась, – медленно кивнул Картер. – Еще когда была первой леди.

Заострять внимание на ошибке Уолгаст не стал.

– Дженна лишь одна из моих начальников, есть и другие. Их имена тебе наверняка тоже знакомы, но я не вправе их назвать. Мне поручено встретиться с тобой и сказать, что мы очень нуждаемся в твоей помощи.

– Значит, я оказываю вам услугу, и вы вытаскиваете меня отсюда. Но какую услугу, объяснить не можете.

– Да, Энтони, условия именно таковы. Откажешься – я уеду, согласишься – покинешь Террелл сегодня же. Все элементарно просто.

Дверь «клетки» распахнулась, и вошел Дойл с чаем. Он сделал, как велел Уолгаст, – поставил стакан на блюдце, украсил ломтиком лимона, а рядом положил длинную ложку и пакетики с сахаром. Дойл осторожно водрузил все на стойку. Едва Картер взглянул на угощение, его лицо превратилось в безвольную маску. Тут Уолгаста осенило: Энтони Картер невиновен, по крайней мере в том, что взвалил на него суд. С другими кандидатами сомнений не возникало: досье соответствовало действительности; с другими, но не с Картером. Тем утром в Ривер-Оукс страшная трагедия унесла жизнь женщины, только случилось все иначе, чем излагалось в досье; вероятно, совершенно иначе. Картер напоминал Брэду открытый космос, темную комнату без окон и с единственной запертой дверью. Да, именно там он найдет Энтони Картера – в темноте, и, когда это случится, Картер даст ему ключ от двери...

– Мне нужно... – начал Картер, не сводя глаз со стакана с чаем.

Уолгаст ждал продолжения, но его не последовало.

– Что именно, Энтони, говори!

Картер поднес свободную руку к стакану и коснулся его кончиками пальцев. Прохладное стекло запотело. Картер отпустил стакан и медленно растер капельки воды большим и указательным пальцами. Он полностью отрешился от происходящего вокруг, и Уолгаст почувствовал, как жадно сознание заключенного-смертника впитывает свежесть воды. Со стороны казалось, именно в тех каплях скрыта разгадка всех тайн его жизни.

Картер поднял глаза на Уолгаста.

– Мне нужно время... нужно разобраться, что произошло с леди... – медленно проговорил он.

«И во все дни Ноя было девятьсот пятьдесят лет, и он умер...»

– Я дам тебе время, Энтони, – сказал Уолгаст. – Сколько захочешь. Целый океан времени!

После небольшой паузы Картер кивнул.

– Что я должен сделать?

* * *

В Хьюстонский международный аэропорт имени Джорджа Буша Уолгаст с Дойлом попали вскоре после семи вечера. Несмотря на ужасные пробки, добрались с полуторачасовым запасом, оставили «понтиак» на стоянке, автобусом доехали до терминала, обслужива-

ющего «Континентал эрлайнс», предъявили удостоверения, чтобы избежать предполетного досмотра, и сквозь толпу пробились к выходу на посадку.

Дойл отлучился перекусить, а вот Уолгаст и думать не мог о еде, хотя понимал: если рейс задержат, сидеть голодным не самая радужная перспектива. Он достал сотовый: от Сайкса ни звонков, ни сообщений не поступило, и это радовало. Эх, поскорее бы убраться из Техаса! Пассажиров на денверский рейс собралось немного: несколько семейных пар, студенты с блю-реями и айподами, бизнесмены в строгих костюмах, не выпускающие из рук сотовые и ноутбуки. Уолгаст взглянул на часы: двадцать пять минут восьмого. Микроавтобусу с Энтони Картером в этот момент следовало всю гнать в Эль-Рено, оставляя за собой шлейф уничтоженных документов и стремительно тающих воспоминаний о его существовании. К концу дня исчезнет даже налоговый идентификационный номер, и человек по имени Энтони Картер станет абстракцией, тенью, неуловимой радиоволной на огромном радаре земли.

Уолгаст откинулся на спинку сиденья и почувствовал, что смертельно устал. Утомление всегда накатывало внезапно, словно разжимался огромный кулак. Помимо морального и физического опустошения все эти поездки вызывали угрызения совести, подавить которые удавалось с трудом. Задание Сайкса он выполнял мастерски, виртуозно, – безошибочно находил нужные слова и жесты. Человек годами сидит в цементном пенале-камере, превращаясь в белесый порошок, словно налет от воды, выкипевшей в забытом на плите чайнике. Чтобы понять смертника, нужно проанализировать состав порошка, осевшего после того, как вся жизнь заключенного – и прошлое, и будущее – превратились в пар. Состав, как правило, элементарный: злость, стыд, гнев или потребность в прощении. У некоторых испаряются абсолютно все желания и чувства за исключением тупой звериной злобы на мир и жизнь в любых проявлениях. Далеко не сразу Брэд почувствовал, что Энтони Картер принципиально другой. Он напоминал живой вопросительный знак, воплощение неопределенности и замешательства. Картер действительно не понимал, за что попал в Террелл. Нет, суть приговора он понял и принял; ее понимает подавляющее большинство смертников, потому что альтернативы просто-напросто нет. Лучшее доказательство тому – последние слова приговоренных к казни: «Передайте родным, что я их люблю и раскаиваюсь. Ладно, чего ждать, приступим!» Сколько леденящих душу заявлений перечитал Уолгаст? Целые страницы, десятки, сотни страниц. А вот у Картера ясности и окончательной уверенности не было, Брэд это почувствовал, когда Энтони коснулся стакана с чаем. Нет, даже раньше, – когда Картер спросил о муже Рейчел Вуд и дал понять, что раскаивается, не сказав об этом прямо. То ли Картер не помнил, что именно случилось во дворе Вудов, то ли помнил, но не мог сопоставить с представлениями о собственной личности. В одном Брэд не сомневался: прежде чем Энтони Картер распрощается с жизнью, он имеет право разобраться в себе и получить ответы на все вопросы.

Уолгаст расположился у окна, поэтому прекрасно видел взлетное поле и последние лучи заходящего солнца, которые ярко вспыхивали на фюзеляжах самолетов. Перелеты в Денвер всегда действовали на него как лекарство: несколько часов в воздухе – и все вставало на свои места. По дороге домой Брэд никогда не пил спиртное, не спал и не читал. Он неподвижно сидел в кресле, вдыхал спертый воздух и смотрел, как за иллюминатором постепенно исчезает из вида земля.

Однажды при перелете из Таллахасси самолет Уолгаста обогнул огромный грозовой фронт, центр которого ярко, как рождественский вертеп, озаряли зигзаги молнии. Дело было сентябрьской ночью над какой-то пологой пустошью – Оклахомой, Канзасом или чуть западнее. В салоне погасили свет, и почти все пассажиры спали, включая Дойла, который сидел рядом с Брэдом, подоткнув подушку под небритую щеку. Целых двадцать минут самолет двигался по самому краю грозы, но при этом ни разу не дернулся. Никогда в жизни Уол-

гаст не видел ничего подобного, не ощущал, сколь безгранична сила природы. Судя по яркости молний, внутри фронта происходили электрические разряды колоссальной мощности, а Брэд в тридцати тысячах футов над землей смотрел как будто не в иллюминатор, а на экран телевизора, где мелькали кадры немого фильма. Он ждал, что вот-вот раздастся тягучий голос пилота, который скажет что-нибудь про погоду, дабы пассажиры оценили всю серьезность момента, но переговорное устройство так и не включилось. Сорок минут спустя самолет совершил посадку в Денвере, и своими переживаниями Уолгаст не поделился ни с кем, даже с Дойлом. Сейчас ему захотелось позвонить Лайле, поговорить с ней. Желание было необычайно острым и отчетливым, поэтому Брэд не сразу осознал его нелепость и сообразил: в нем снова «включилась машина времени». «Машину времени» придумала семейный психолог, Лайлина коллега, у которой они пару раз консультировались. Брэд без труда вспомнил женщину с длинными седыми волосами (а ведь она едва разменяла четвертый десяток!) и огромными глазами, неизменно влажными от слез сочувствия. В начале каждого сеанса она скидывала туфли и забиралась в кресло с ногами, словно вожатая в летнем лагере, которая собирается затянуть песню. Говорила она тихо, и Брэду приходилось напряженно вслушиваться в ее слова. Не повышая голоса психолог периодически объясняла, что сознание способно на неприятные шутки и фокусы, причем не запугивала, а просто констатировала факт. Они с Лайлой могут куда-нибудь поехать и увидеть нечто, ассоциирующееся с прошлым. Например, во время шопинга могут неожиданно обнаружить подгузники в тележке с покупками или пройти на цыпочках мимо детской, словно там спит Ева. Психолог предупреждала: такие моменты весьма болезненны, потому что заставляют заново пережить трагедию, но с каждым месяцем их будет все меньше и меньше.

Поразительно, но Уолгасту подобные моменты мучительными не казались. Они возникали то и дело, хотя прошло уже три года, и Брэд нисколько не возражал, скорее наоборот, считал неожиданными подарками сознания. А вот Лайла воспринимала их иначе.

– Агент Уолгаст?

Брэд повернулся на голос. Простой серый костюм, недорогие, но удобные полуботинки на шнуровке, неброский галстук – Уолгаст будто в зеркало смотрел, а вот лицо было незнакомым.

Брэд встал и предъявил удостоверение.

– Да, это я.

– Специальный агент Уильямс, хьюстонское отделение. – Они обменялись рукопожатиями. – Боюсь, в Денвер вы не полетите. У терминала ждет машина.

– У вас есть соответствующее распоряжение?

Уильямс достал из кармана конверт.

– Вот, речь, вероятно, об этом.

В конверте лежало факсимильное сообщение. Брэд сел, внимательно прочел его, потом еще раз. За этим и застал его Дойл, когда вернулся с бумажным пакетом из «Тако Белл», потягивая кока-колу через соломинку.

Уолгаст взглянул на Уильямса.

– Агент, вы не оставите нас на минутку?

– В чем дело? – тихо спросил Дойл. – Что-то не так?

Уолгаст покачал головой и вручил ему факс.

– Господи! Это не заключенный...

4

Сестра Лейси Антуанетт Кудото не знала, что хочет Бог, но не сомневалась: что-то он хочет.

Сколько она себя помнила, мир всегда говорил с ней шепотом – шелестом пальмовых листьев на океанском ветру у родной деревни, журчанием прохладного ручейка среди скал за отчим домом и даже беспокойными звуками мира людей с их станками и моторами. Еще малышкой, лет в шесть-семь, она спросила сестру Маргарет, заведовавшую католической школой в Порте-Локо, чей это шепот. «Ну и вопрос, Лейси Антуанетт! – засмеялась монахиня. – Неужели сама не знаешь? Это же глас Господа!»

Конечно, Лейси знала, точнее, выслушав объяснение сестры Маргарет, поняла, что знала всегда. Больше про это она не рассказывала никому: конфиденциальный тон монахини дал понять то, что слышится в шуме ветра, шелесте листьев и самом течении дней, касается лишь их двоих. Порой удивительное ощущение пропадало на пару недель, а то и на месяц, и жизнь превращалась в заурядное прозябание среди заурядных предметов. Лейси понимала: именно так существует большинство людей, даже самые близкие – родители, сестры, школьные подруги, – они влачат свой век в заунывной тишине и не слышат чудесного шепота. От этого понимания становилось так грустно, что порой девочка плакала по несколько дней кряду, и перепуганные родители водили ее к доктору, французу с длинными баками, который вечно сосал пахнущие камфарой леденцы. Доктор осматривал Лейси и так, и эдак, тыкал ледяным диском стетоскопа, но проблем со здоровьем не находил. «До чего жутко и тоскливо жить без Его голоса!» – думала девочка. А потом, когда возвращалась из школы через поля какао-бобов, ужинала с сестрами, бесцельно смотрела на лежащий у дороги камень или ворочалась ночью без сна, она снова слышала голос. В сердце девочки и вокруг нее раздавался едва уловимый шепот, который состоял не из звуков, а из солнечного света и перемещался с легкостью ветерка над водой. К восемнадцати годам, когда девушка вступила в монашеский орден, она разобрала, что голос зовет ее по имени.

«Лейси! – говорил ей мир. – Слушай внимательно, Лейси!»

Сейчас, через десятки лет и целый океан, на кухне монастыря сестер милосердия в Мемфисе, штат Теннесси, она снова слышала голос.

Записку в рюкзаке девочки Лейси нашла вскоре после побега ее матери. В поведении незваных гостей что-то смущало и настораживало. Взглянув на малышку, монахиня поняла, в чем дело: женщина не назвала имени дочери. В том, что это были мать и дочь, сомнений не возникало: одинаковые темные волосы, бледная кожа и длиннющие, загнутые на концах ресницы. Лейси присмотрелась к малышке повнимательнее: хорошенькая, но неухоженная – в волосах колтуны, плотные, как у бездомной собаки; худенькая, но, похоже, здоровая. Куртку малышка держала наготове: она явно умела собираться и исчезать за считанные секунды. Брючки были ей коротковаты, на штанинах засохла грязь. Когда девочка выпила молоко и расправилась с печеньем – на тарелке не осталось ни крошки, – Лейси взяла стул, села рядом и спросила, нет ли в рюкзаке книжки, которую они могли бы вместе почитать, или игрушки. Девочка, до сих пор не проронившая ни слова, лишь кивнула и отдала ей рюкзачок. Он был ярко-розовый, с героинями какого-то мультфильма, большеглазыми, как сама малышка. Лейси вспомнила: женщина сказала, что везла дочь в школу.

Расстегнув молнию рюкзака, Лейси увидела плюшевого кролика, аккуратно свернутое белье, носки и полупустую коробку клубничных батончиков-мюсли. В самом рюкзаке больше ничего не обнаружилось, но снаружи был накладной кармашек на молнии. «В школу они уже опоздали, – подумала монахиня. – А где же ланч и книжки с тетрадками?» Затаив дыхание, она расстегнула кармашек и вытащила сложенный пополам листок из блокнота.

«Простите меня, пожалуйста! Ее зовут Эми. Возраст – шесть лет».

Лейси долго смотрела на записку. Даже не на текст – такой невозможно не понять! – а на пустое пространство под ним. Вся жизнь маленького человека свелась к трем коротким предложениям и жалкому содержимому рюкзачка. Лейси Антуанетт Кудото в жизни не встречала ничего печальнее – от избытка чувств она не могла даже плакать.

Бежать за кукушкой-матерью не имело смысла, да и след ее уже наверняка простыл! Да и если Лейси чудом ее разыщет, что говорить? «Вы кое-что забыли. По-моему, вы совершили большую ошибку». Нет, ошибки не было: женщина явно сделала именно то, что хотела.

Монахиня спрятала записку в карман юбки.

– Эми, – произнесла она и, наклонившись к девочке, улыбнулась, точь-в-точь как сестра Маргарет во дворе сьерра-леонской школы несколькими десятилетиями раньше. – Тебя ведь зовут Эми? Красивое имя!

Девочка быстро, чуть ли не украдкой оглядела комнату.

– Можно мне Питера?

«Что еще за Питер? – недоумевала Лейси. – Брат или, может, отец?»

– Эми, а кто такой Питер? – вслух спросила она.

– Он в рюкзаке! – заявила малышка.

Лейси вздохнула с облегчением – хоть одну просьбу Эми удастся выполнить без труда! – и достала из рюкзака кролика с черными глазами-бусинками, длинными, жесткими от проволоки ушами и затертой до блеска плюшевой шкуркой. Девочка схватила его и усадила на колени.

– Эми, – снова начала Лейси, – куда пошла твоя мама?

– Не знаю, – отозвалась девочка.

– А Питер знает? Может, он мне скажет?

– Питер ничего не знает, он же плюшевый! – Эми вдруг насупилась. – Я хочу обратно в мотель.

– А где ваш мотель?

– Мне нельзя говорить.

– Это секрет?

Девочка кивнула, не сводя глаз со стола. «Секрет такой важный, что она и сказать об этом не может!» – про себя отметила Лейси.

– Как же тебя туда отвезти, если я не знаю, где этот мотель? Ты очень хочешь туда вернуться?

– Он у дороги, где всегда много машин, – объяснила девочка, дергая себя за рукав.

– Ты живешь там с мамой?

Эми не ответила. Никогда в жизни Лейси не встречала людей, которые в присутствии других умели настолько уходить в себя. Даже оторопь брала: девочка словно не видела ее и не слышала. Лейси чувствовала себя исчезнувшей с лица земли.

– Я знаю одну игру, – наконец объявила монахиня. – Давай сыграем!

– Что за игра? – недоверчиво спросила малышка.

– Я называю ее секретки. Я рассказываю тебе свой секрет, а ты мне свой. Ну как, согласна?

– Угу, – пожала плечами девочка.

– Ладно, договорились. Чур, я первая! Однажды, совсем маленькой, примерно в твоём возрасте, я сбежала из дома. Дело было в Сьерра-Леоне, откуда я родом. Я страшно разозлилась на маму, потому что она не пускала меня в луна-парк, пока не сделаю уроки. Мне страшно хотелось пойти, ведь подружки рассказывали про разные аттракционы с лошадьми, которых я обожала. А ты лошадёй любишь?

– Наверное, – кивнула Эми.

– Лошадёй все девочки любят, а я ими просто бредила. Назло маме я отказалась делать уроки, а она без лишних церемоний отправила меня спать. Я разозлилась, шумела, топала ногами, а потом решила: вот убегу от них, тогда мама пожалеет, что не пустила меня в луна-парк. Глупости, конечно, но именно так я рассуждала в тот момент. Ночью, когда родители и сестры заснули, я выскользнула из дома. Не зная, куда бежать, я спряталась в соседнем

поле. Хотела просидеть там всю ночь, чтобы утром услышать, как мама, не обнаружив меня в кроватке, испугается и начнет громко звать по имени. Ничего не получилось: в поле было холодно и страшно, поэтому я тихонько вернулась домой и шмыгнула в свою комнату. – Лейси посмотрела на Эми, которая не сводила с нее глаз, и заставила себя улыбнуться. – До сегодняшнего дня я никому об этом не рассказывала, никому на свете. Ты первая об этом слышишь. Ну, как тебе мой секретик?

Девочка буквально сверлила монахиню взглядом.

– Ты... Ты вернулась домой?

– Угу, – кивнула Лейси. – Злость куда-то исчезла, и утром ночные приключения казались страшным сном. Я даже сомневалась, что впрямь убежала в поле. Зато сейчас, много лет спустя, не сомневаюсь: убежала, действительно, убежала! – Монахиня ободряюще похлопала Эми по руке. – Теперь твоя очередь. Какой секрет расскажешь?

Девочка потупилась и ничего не ответила.

– Любой, можно даже маленький.

– Мама за мной не вернется, – проговорила Эми.

* * *

Ничего не добились и прибывшие на вызов полицейские. Старшая из них, плотная белая женщина с по-мальчишески короткой стрижкой, беседовала на кухне с Эми, а ее коллега, симпатичный афроамериканец с правильными чертами лица и гладкой кожей, расспрашивал Лейси о беглянке-матери. «Она нервничала? Находилась в состоянии алкогольного или наркотического опьянения? Во что была одета? На какой машине приехала?» Вопросы сыпались как из рога изобилия, но Лейси чувствовала: полицейский задает их лишь потому, что этого требует протокол, а в возвращение матери Эми не верит. Ответы Лейси он записал в блокнот и чересчур поспешно спрятал его в карман. На кухне полыхнула вспышка: сотрудница полиции сделала фотографию Эми.

– Вы сами позвоните в Отдел по защите прав детей или этим заняться нам? – спросил полицейский у Лейси. – Понимаете, в сложившейся ситуации разумнее всего подождать. Сию секунду определять девочку в приют бессмысленно, тем более что завтра – выходной. Пусть лучше побудет в монастыре, если, конечно, вы не возражаете. Мать мы объявим в розыск, посмотрим, что получится, а девочку пробьем по базе данных о пропавших детях. Не исключено, что мать вернется сюда, – в этом случае девочку ей не отдавайте и свяжитесь с нами.

Едва перевалило за полдень, а в час должны были вернуться сестры, которые по четвергам и пятницам до обеда работали в местном благотворительном фонде – раскладывали по полкам товар, раздавали бедным семьям консервы, пакеты с крупой, соус для спагетти и упаковки подгузников. Лейси всю неделю мучилась насморком – три года прошло, а она так и не привыкла к сырым мемфисским зимам! – поэтому сестра Арнетт велела остаться в монастыре: к чему усугублять простуду? Очень в духе сестры Арнетт, хотя с утра Лейси никакого насморка не чувствовала.

Монахиня взглянула на полицейского, и в следующую секунду решение было уже принято.

– Да, конечно, так и сделаю!

Вероятно, из-за скоропалительности решения Лейси не сказала вернувшимся сестрам, откуда в действительности взялась девочка. «Это Эми, – представила она, когда сестры снимали в фойе шарфы и пальто, – дочь моей подруги, которой пришлось срочно уехать к заболевшей родственнице. На субботу-воскресенье Эми останется с нами». «Сказка» сочинилась на диву легко, Лейси сама удивилась: ни привычки, ни практики не было, а слова собрались

в гладкие фразы и без малейших усилий скользнули с губ. Монахиня с тревогой взглянула на Эми: не выдаст ли ненароком, но в глазах девочки читалось понимание. Малышка умела хранить секреты!

– Сестра, – с типично старушечьим неодобрением начала сестра Арнетт, – хорошо, что вы помогаете девочке и ее матери, однако верно и то, что следовало заранее попросить у меня разрешения.

– Извините! – пролепетала Лейси. – Произошел несчастный случай... Девочку заберут уже в понедельник.

Сестра Арнетт недоверчиво посмотрела сперва на Лейси, потом на прижавшуюся к ее юбке Эми и принялась снимать перчатки, высвобождая один палец за другим. В тесном фойе до сих пор было по-уличному холодно.

– Это монастырь, а не приют, – напомнила сестра Арнетт. – Детям здесь не место.

– Понимаю, сестра, и еще раз прошу прощения. Я просто не смогла придумать ничего другого.

Возникла пауза, показавшаяся Лейси бесконечно долгой. «Милый Господи, – молилась она про себя, – помоги мне возлюбить сестру Арнетт больше, чем сейчас. Она деспотичная и надменная, но ведь, как и я, служит Тебе».

– Хорошо, – наконец проговорила сестра Арнетт и раздраженно вздохнула, – пусть остается до понедельника. Устройте ее в свободной келье.

Лишь тогда сестра Лейси задумалась, зачем солгала и почему ложь сочинилась так легко, словно и не была ложью в некоем, более глубоком аспекте соотношения правды и неправды. Дыр в ее истории хватало с лихвой. Что случится, если полицейские вернутся или перезвонят и сестра Арнетт поймет: ее обманули? Что случится в понедельник, когда придется уведомить Отдел по защите прав детей? Малышка казалась тайной, ниспосланной им Господом, даже не им, а ей, Лейси. Ее задача – разгадать загадку. Солгав сестре Арнетт, – возможно, это и не ложь, где гарантия, что мать Эми впрямь не отправилась к больной родственнице? – Лейси выиграла время на размышление. Наверное, поэтому она соврала, как по шпаргалке: ее устами говорил Святой Дух, это он открыл ей по-настоящему важную истину, сообщил, что девочка в опасности и нуждается в помощи.

Остальные сестры обрадовались: в монастыре гости появлялись редко, и в основном так или иначе связанные с религией – священники, сестры из других монастырей. А тут маленькая девочка! Едва сестра Арнетт поднялась в свою келью, монахини заговорили чуть ли не хором. Как и когда сестра Лейси познакомилась с матерью Эми? Сколько девочке лет? Что она любит делать? А есть? А по телевизору смотреть? А носить? В накале страстей никто не заметил, что Эми отмалчивается. Сама девочка не сказала ни слова, на вопросы отвечала Лейси. Итак, по ее версии, на ужин Эми желала гамбургер и хот-дог – мол, это ее любимая еда – с жареным картофелем, а на десерт – мороженое с шоколадными чипсами. Ей нравится рисовать, рукодельничать и смотреть фильмы про принцесс и про кроликов. Если, конечно, на складе благотворительного фонда что-нибудь подобное найдется. Понадобится одежда: в суматохе подруга совсем потеряла голову и не взяла сумку с детскими вещами. Немудрено, ведь у бабушки Эми (она живет близ Литл-Рока) диабет и больное сердце. Подруга хотела вернуться за вещами, но Лейси заверила, что проблем не возникнет, и отправила ее в Арканзас. На диву складная ложь ласкала слух доверчивых монахинь, и каждая из них запомнила ее по-своему. Через час сестры Луиза и Клэр взяли пикап и отправились сперва в «Пиггли-Виггли» за хот-догами и гамбургерами, потом в «Вол-март» за одеждой, игрушками и фильмами на дисках. Дежурная по кухне сестра Трейси объявила, что помимо обещанных гамбургеров-хот-догов-мороженого на ужин будет шоколадный торт в три коржа. (Пятниц, когда у плиты колдовала сестра Трейси, сестры ждали с особым нетерпением, ведь у родителей Трейси в Чикаго имелся собственный ресторан, а прежде чем стать монахиней, девушка

училась в кулинарной школе «Кордон-Блэ»). Даже сестра Арнетт не осталась в стороне и, пока готовился ужин, вместе с сестрами и Эми смотрела «Принцессу-невесту». А вот Лейси было не до кино: все это время она думала о Господней воле. Когда прекрасный, по всеобщему мнению, фильм закончился, сестры Луиза и Клэр повели Эми на кухню разбирать покупки: раскраски, карандаши, клей, цветную бумагу и «Зоомагазин Барби». Сестра Луиза добрых пятнадцать минут вытаскивала из пластиковых гнезд зверюшек, гребешки-расчески для собак и мисочки для других животных. Тем временем Лейси поднялась в свою келью и стала молиться за тайну Эми в надежде услышать глас Господа и узнать Его волю. Лейси сосредоточилась, но конкретных ответов на вопросы так и не получила. Но ведь Бог говорит с человеком и иначе. Зачастую Его воля непостижима – сколько ни горюй и ни мечтай о том, чтобы Он яснее выражал Свои намерения, уповать на это не стоит. Как правило, Лейси молилась в часовенке за кухней вместе с другими сестрами, но самые искренние и важные просьбы обращала к Господу в тиши своей кельи. Она даже на колени не вставала – садилась на узкую кровать или за стол, клала руки на колени, закрывала глаза, возносила мысли как можно выше – с детства мысли представлялись ей воздушным змеем: разматываешь веревку, и он поднимается к небесам – и ждала. Сегодня Лейси отпустила змея к самому солнцу – веревка размоталась, и он превратился в цветную крапинку, – но чувствовала лишь порывы ветра, упивающегося своей силой.

После ужина сестры вернулись в гостиную смотреть сериал про скорую помощь, за перипетиями которого следили целый год, и Лейси повела Эми наверх. Сериал начинался в восемь, а в девять монахини ложились спать, чтобы подняться в пять на утренний молебен. Лейси казалось, что шестилетней девочке в восемь вечера пора готовиться ко сну. Она выкупала Эми, вымыла ей голову малиновым шампунем, нанесла кондиционер, чтобы распутать колтуны, затем тщательно расчесала волосы – от каждого движения гребня смоляные пряди блестели все сильнее – и отнесла старую одежду в прачечную.

К ее возвращению Эми переделалась в пижаму, купленную сестрой Клэр в «Вол-марте», – розовую, со звездами и улыбающимися лунами. Ткань блестела и шуршала, как шелк. Девочка озадаченно смотрела на рукава: слишком длинные, они закрывали пальцы и болтались, словно у клоуна. Пришлось их закатать. Эми вычистила зубы, убрала щетку в футляр и повернулась к Лейси.

– Я буду спать здесь?

В последний раз они разговаривали несколько часов назад, и Лейси подумала, что ослышалась. Она взглядела в лицо девочки: что за странный вопрос?

– Кто же спит в ванной, Эми?

Девочка потупилась.

– Ну, чтобы я никому не мешала.

Лейси не знала, что и думать.

– Нет, спать ты будешь в своей келье, то есть комнате. Она рядом с моей, я тебе покажу.

В келье было чисто, но пустовато: голые стены, кровать, комод и маленький письменный стол. «Эх, даже коврика на полу нет!» – с досадой подумала Лейси. Завтра она попросит у сестры Арнетт разрешения купить половичок, чтобы девочка не ступала по холодным плитам. Она накрыла Эми одеялом и присела на краешек кровати. За стеной гудели трубы, с первого этажа доносилось бормотание телевизора, с улицы – шепот ветра, перебирающего мартовскую листву на кленах и дубах, и негромкий гул вечернего транспорта на Поплар-авеню.

В двух кварталах от монастыря находился зоопарк, и летними ночами, когда окна были открыты, порой слышались вопли колобусов. Поначалу они очень радовали Лейси, потому что напоминали о далеком родном доме на другом берегу океана. Но зоопарк оказался ужасным местом, сущей тюрьмой для животных. Хищников держали в тесных плексигласовых

клетках, жирафов и слонов – в крохотных загонах, с цепями на ногах. Вялые апатичные звери едва шевелились, и шумные бесцеремонные посетители позволяли детям кидать в клетки попкорн, чтобы растормошить их сонных обитателей. Расстроенная, потрясенная до глубины души, Лейси не вынесла там и получаса. Она чуть не плакала: животные – твари Божьи, почему же люди к ним так жестоки и безжалостны?

А вот Эми в зоопарке могло понравиться. Вполне вероятно, она только по телевизору зверей видела! На первую мысль тут же нанизалась вторая: раз облегчить страдания бедных животных она не в силах, почему бы не доставить немного радости малышке, которой не слишком повезло в жизни, и не показать ей зоопарк? Завтра она поговорит с сестрой Арнетт сперва про коврик, потом про зоопарк.

– Ну вот, – Лейси поправила одеяло. Эми лежала совершенно неподвижно, точно боялась шевельнуться. – Все хорошо. Если что, я в соседней келье. Завтра мы с тобой отправимся в одно чудесное место, только ты и я.

– Пожалуйста, не гаси свет!

– Договорились! – Лейси поцеловала девочку в лоб. После мытья от нее пахло малиновым вареньем.

– Мне нравятся твои сестры, – заявила Эми.

Лейси невольно улыбнулась: события развивались стремительно, и она даже не подумала, что малышка видит монахинь в первый раз.

– Ну... Как бы лучше объяснить? Мы не настоящие сестры, по крайней мере в твоём понимании. Видишь ли, родители у нас разные, но мы все равно сестры.

– Как же так?

– Скорее мы сестры по духу, сестры в глазах Господа. – Лейси похлопала Эми по руке. – Даже сестра Арнетт!

– Она сердитая, – нахмурилась девочка.

– Да уж какая есть! Она тебе тоже рада. Все рады! Мы даже не представляли, какой радости лишены, пока не появилась ты. – Лейси еще раз коснулась руки девочки и встала. – Довольно разговоров! Пора спать.

– Обещаю вести себя тихо.

Лейси так и застыла на пороге.

– Слишком не старайся, – покачала головой она.

* * *

Той ночью Лейси приснилось, что она снова стала ребенком и сидела у поля за родительским домом, спрятавшись под невысокой пальмой. Длинные жесткие листья раскинулись вокруг нее наподобие балдахина – касались и лица, и босых ног. Сестры были рядом, но не прятались, а убегали. За ними гнались солдаты; Лейси их не видела, но присутствие ощущала. Вокруг трещали выстрелы, а сквозь них пробивался мамин голос. «Бегите, девочки, бегите!» – кричала, просила, умоляла она, но маленькая Лейси не могла и шевельнуться. Она застыла от страха и точно приросла к пальме. Снова затрещали выстрелы, и каждый из них вспарывал ночной мрак ослепительно-яркой вспышкой. В те мгновения Лейси видела все: родительский дом, поля и бредущих по ним мужчин. Одетые не по-военному, они шагали шеренгой, как солдаты, вороша редкую поросль дулами ружей. Окружающий мир распался на жуткие неподвижные кадры, Лейси умирала от страха, но глаз не отводила. Ногам стало мокро, но не холодно, а горячо, и девочка сообразила, что описалась, хотя в памяти это не отложилось. В носу и рту было горько от дыма и солоно от пота. Девочка ощущала что-то еще: и вкус, и запах она узнала, а назвать не смогла. Кровь...

Потом Лейси почувствовала: кто-то приближается, кто-то страшный, один из тех мужчин. Она слышала хриплое дыхание, крадущиеся шаги, ощущала флюиды злобы и страха, которые, словно пар, исходили от его тела. «Не двигайся, Лейси! Не шевелись!» – приказал строгий, не допускающий возражений голос. Девочка зажмурилась, боясь даже вздохнуть. Сердце билось в таком бешеном темпе, что, казалось, от нее остался лишь этот безумный перестук. Вот на Лейси упала чужая тень, заслонив ее подобно гигантскому черному крылу. Когда девочка разомкнула веки, мужчина исчез, а в поле не осталось никого, кроме нее.

Лейси проснулась, дрожа от страха, и, даже когда поняла, где находится, сон отступил не сразу. Сперва исчезло прикосновение пальмовых листьев, затем шепчущий голос и последним – металлический привкус крови.

Только... В келье кто-то был!

Лейси резко села и увидела стоящую в дверях Эми. Монахиня взглянула на будильник: почти полночь. Значит, она спала лишь пару часов.

– В чем дело, Эми? – тихо спросила Лейси. – Что с тобой?

Девочка переступила порог. В свете уличного фонаря пижама Эми мерцала, точно сотканная из луны и звезд. «Неужели во сне бродит?» – подумала монахиня.

– Приснился плохой сон? – спросила она, но малышка не ответила. В разбавленном жидким фонарным светом мраке лица Эми монахиня не увидела и решила, что девочка плачет. Лейси откинула одеяло, освобождая место для Эми. – Иди сюда! – позвала она.

По-прежнему не говоря ни слова, девочка забралась на узкую кровать. Ее тело буквально пылало – жара вроде не было, только разве у здоровых детей такая температура?

– Ничего не бойся, – велела монахиня. – Здесь ты в безопасности.

– Я хочу остаться, – проговорила Эми, и Лейси поняла: речь не об этой келье и сегодняшней ночи. Эми хотела жить в монастыре. Что тут ответишь? К понедельнику следовало сказать сестре Арнетт правду, альтернативы не просматривалось. Что случится потом с ними обеими, Лейси не представляла, зато точно знала одно: солгав о появлении Эми, она переплела судьбу девочки со своей.

– Посмотрим.

– Я тебя не выдам, а ты не отдавай меня. Не отдавай меня им!

Лейси содрогнулась от страха.

– Кому, Эми? Кто хочет тебя забрать?

Малышка промолчала.

– Ни о чем не беспокойся! А теперь спи, нам обоим нужно отдохнуть. – Лейси обняла Эми и прижала к себе, но сама еще много часов, не смыкая глаз, лежала в темноте без сна.

* * *

Утром, в начале четвертого, Уолгаст с Дойлом добрались до Батон-Ружа и оттуда повернули на север к границе Миссисипи. От Хьюстона до восточных предместий Лафайетта машину вел Дойл, а Уолгаст пытался уснуть. Около двух ночи они остановились у придорожной забегаловки, поменялись местами, и с тех пор Дойл почти не шевелился.

За окнами сеял мелкий дождь, покрывая лобовое стекло потеками воды. К югу от трассы лежал промышленный район Нового Орлеана, который Уолгаст с удовольствием обогнул: зачем терзать душу воспоминаниями? Прежде он был в Новом Орлеане всего раз – приезжал на Марди-Гра с друзьями из колледжа. Пульсирующая энергия города, жизнелюбие и полная вседозволенность накрыли молодого Уолгаста с головой. Целых три дня он почти не спал и не ощущал усталости. Однажды утром он забрел в клуб «Презервейшн-холл» с габаритами амбара и температурой огненной геенны послушать, как джазовый секстет играет «Сент-луисский блюз», и понял, что бодрствует уже двое суток. В душном, как парник, зале

люди разного возраста и цвета кожи танцевали шаффл и прихлопывали в такт музыке. Где еще встретишь группу чернокожих стариков – каждый не моложе восьмидесяти! – играющих джаз в пять утра? Но в 2005 году на Новый Орлеан обрушился ураган «Катрина», а еще через несколько лет – «Ванесса», полновесной пятой категории. Ветер со скоростью под двести миль в час поднял трехсотфутовый штормовой нагон, и «Презервейшн-холла» не стало. Теперь в том районе располагался гигантский нефтеперегонный завод, окруженный затопленными низинами, вода которых разъедала кожу быстрее серной кислоты. В самом городе уже никто не жил. Запрещалось находиться даже в воздушном пространстве Нового Орлеана – его день и ночь стерегла эскадрилья истребителей с авиабазы «Кеслер». Опясанный колючей проволокой город патрулировали до зубов вооруженные бойцы отряда Департамента внутренней безопасности, а от заграждения на десятки миль во всех направлениях расплзалась Особая жилая зона Нового Орлеана, целое море трейлеров, в которых некогда ютились эвакуированные горожане, а теперь – тысячи рабочих. Это их силами кругло-суточно функционировал огромный промышленный комплекс. Особая жилая зона на деле была трущобами под открытым небом, чем-то средним между лагерем беженцев и отдаленным поселением на Диком Западе в период освоения Фронттира. Большинство полицейских знали: по уровню смертности в результате убийств эта зона занимает первое место в стране, но, поскольку в состав ни одного из городов или даже штатов она официально не входила, огласке этот факт не предавали.

Незадолго до рассвета впереди замаячил контрольно-пропускной пункт штата Миссисипи – горстка электрических огней в предрассветном сумраке.

Даже в этот час у КПП были огромные очереди: в основном автоцистерны, направляющиеся на север, в Сент-Луис и Чикаго. Вдоль очередей прохаживались пограничники с собаками, счетчиками Гейгера и зеркалами на длинных ручках. Уолгаст пристроился за полуприцепом, на брызговиках которого красовался Неуправляемый Сэм, а на бампере – стикер с надписью: «Не повезло с женой, зато везет моя ласточка».

Дойл наконец пошевелился и разлепил веки.

– Папочка, мы уже приехали?

– Нет, это только КПП, спи!

Уолгаст выбрался из очереди, подкатил к стоящему ближе всех пограничнику, открыл окно и показал удостоверение.

– ФБР! Можете нас пропустить?

Пограничник оказался совсем пацаном с детским прыщавым лицом. В бронежилете он выглядел крупнее, но Уолгаст наметанным глазом определил: до полусреднего веса не дотянет. Мальчишке следовало спать в теплой постели и видеть во сне девчонку из параллельного класса, а не стоять на межштатном шоссе в тридцатифунтовом кевларовом бронежилете, держа в руках штурмовую винтовку.

Мальчишка без особого интереса взглянул на удостоверение Уолгаста и кивнул на железобетонное строение чуть в стороне от шоссе.

– Сэр, вам нужно подъехать к станции.

– Сынок, у нас нет времени! – раздраженно проговорил Уолгаст.

– Придется, если не хотите дожидаться очереди.

Тут в свете фар показался еще один пограничник, повернулся к ним и снял с плеча винтовку. «Проклятье!» – беззвучно выругался Уолгаст.

– Господи, это еще зачем?

– Держите руки на виду! – рявкнул второй пограничник.

– Вот, будешь права качать! – шепнул Дойл.

Мальчишка-пограничник махнул коллеге рукой, опусти, мол, пушку.

– Спокойно, Дуэйн, они из ФБР.

После секундного колебания Дуэйн пожал плечами и отошел.

– Извините, сэр! Подъезжайте к станции, проверка много времени не отнимет.

– Надеюсь, – процедил Уолгаст.

Дежурный по станции взял удостоверения Уолгаста и Дойла и попросил подождать. Стандартная проверка заключалась в пробивании номеров документов по базе: данные ФБР, министерства национальной безопасности, полиции штата и местной полиции сводились в единую систему, поэтому отслеживать их перемещения не составляло ни малейшего труда. Брэд налил себе мутного кофе, сделал пару глотков и швырнул стаканчик в мусорный контейнер. На стене красовался плакат с перечеркнутой сигаретой, но табачным дымом в приемной воняло словно от старой пепельницы. Часы показывали начало седьмого, значит, рассвет примерно через час.

Вернулся дежурный, опрятный, но довольно непримечательный мужчина в серой форме Департамента внутренней безопасности, и протянул удостоверения.

– Порядок, джентльмены, не смею задерживать. Только один момент: тут сказано, что вчера вы должны были вылететь в Денвер. Вероятно, ошибка закралась, а потому я должен внести изменения.

Уолгаст выдал заранее подготовленный ответ.

– Никакой ошибки нет. Нас перенаправили в Нашвилл забрать свидетеля.

Дежурный на секунду задумался, потом кивнул и ввел новые данные в систему.

– Да, вполне логично. Конечно, напрасно они вас самолетом не отправили. Путь-то неблизкий.

– А что делать?! Приказано – надо выполнять.

– Оно и понятно, брат.

Уолгаст с Дойлом вернулись к машине, мальчишка-пограничник помахал им рукой, и через несколько секунд они снова неслись по шоссе.

– В Нашвилл? – спросил Дойл.

Уолгаст кивнул, не сводя глаз с дороги.

– Ты только подумай! Если ехать по Пятьдесят пятой трассе, наткнемся на КПП в Арканзасе и в Иллинойсе – один к югу от Сент-Луиса, второй на полпути между Нормалом и Чикаго. А если пересечь Теннесси по Сороковой трассе, первый КПП попадет на другом конце штата, на пересечении с Семьдесят пятой трассой. Иными словами, отсюда до Нашвилла КПП больше не будет и данные о том, что мы туда не доехали, в единую систему не попадут. Мы заберем субъекта в Мемфисе, свернем на территорию Арканзаса, обогнем оклахомский КПП, сделав большую петлю вокруг Талсы, к северу от Уичито вернемся на Семидесятую трассу и встретимся с Ричардсом на колорадской границе. Следующий КПП ждет нас в Теллуриде, Сайкса это устраивает: никто не скажет, что мы были в Мемфисе!

– А как насчет моста на Сороковой трассе? – озабоченно поинтересовался Дойл.

– Придется объехать, благо крюк небольшой. Милях в пятидесяти южнее Мемфиса есть старый мост через Миссисипи, на арканзасском берегу сообщающийся с внутриштатным шоссе. Большие автоцистерны из Нового Орлеана на мост не допускаются, он предназначен только для легковушек и почти полностью автоматизирован. Разумеется, нас засечет сканер штрих-кода и камеры слежения, но эту проблему мы потом решим, если потребуется. От моста отправимся на север, так что к югу от Литл-Рока попадем на Сороковую трассу.

Они поехали дальше. Уолгаст уже собрался включить радио и послушать погоду, но передумал. Несмотря на ранний час, сонливости он не чувствовал и отвлекаться не желал. Когда небо посветлело до серовато-голубого, они были чуть севернее Джексона, то есть преодолели почти две трети пути. Дождь перестал, затем начался снова. Вдоль шоссе тянулись холмы, уходящие к самому горизонту, словно морские волны. Казалось, сообщение Сайкса

пришло не накануне, а несколько дней назад, но Уолгаст думал о нем практически беспрестанно.

«Эми БФ, белая. Криминальное досье отсутствует. Поплар-авеню 20323, Мемфис, Теннесси. Забрать не позднее субботнего вечера. В контакты не вступать. ТВНТ. Сайкс»

ТВНТ значило «тише воды, ниже травы», мол, ваша задача, агент Уолгаст, не охотиться за призраками, а стать призраком самому.

– Хочешь, я за руль сяду? – прервал молчание Дойл, и по его голосу Уолгаст понял: коллегу терзают те же мысли. Эми БФ... Кто такая эта Эми БФ?

Брэд покачал головой. Утреннее солнце все увереннее пробивалось сквозь мокрое одеяло туч над дельтой Миссисипи. Уолгаст включил «дворники», сгоняя с лобового стекла дождевые капли.

– Нет, – сказал он, – все в норме.

5

С Субъектом Ноль что-то творилось.

Целых шесть дней он сидел в углу и не выходил даже на кормежку – просто сидел там, словно гигантское насекомое. На ИК-локаторе он выглядел сияющим пятном среди теней. Время от времени Субъект Ноль менял позу – сдвигался на пару футов вправо или влево, и только. Раньше он вел себя совсем иначе: бывало, оторвет Грей взгляд от монитора или отлучится из отсека выпить кофе или покурить в комнате отдыха – вернувшись к наблюдению, обнаруживает Ноля в новом месте.

Что он делал? Висел? Лип к стеклу? Летал, мать его?

Грею ничего не объяснили. Ни словечком не обмолвились! Для начала, кто такой Ноль? Что-то человеческое в нем определенно имелось: к примеру, две руки, две ноги, голова в нужном месте, уши, глаза, рот. Наличествовал даже поникший член, формой напоминающий морского конька. Однако тут аналогии заканчивались и начинались отличия.

Отличие первое: Ноль сиял. Вообще-то на ИК-локаторах сияют все источники тепла, но фигура Субъекта Ноль пылала, словно спичка, так ярко, что болели глаза. Даже его дерьмо сияло и пылало. Гладкое, зеркально-блестящее, безволосое тело казалось витым – именно это слово пришло на ум Грею, – точно кожу натянули на витки веревки, а оранжевые глаза цветом напоминали дорожные конусы. Сильнее всего пугали зубы. Когда из стереосистемы слышалось серебристое звяканье, Грей не сомневался, в чем дело, – это на цементный пол падал очередной зуб Ноля. За день зубов выпадало штук пять, и в обязанности Грея входило собирать их и выбрасывать в мусоросжигатель. Бедняга каждый раз содрогался от ужаса: длинные зубы вызвали в памяти шпакки из коктейлей – именно такие нужны, чтобы за две секунды оставить от кролика лишь ошметки меха.

Еще Ноль чем-то отличался от других. Нет, не внешностью: красотой никто из «светлячков» не блистал, но за шесть с лишним месяцев работы на Уровне 4 Грей привык к их виду. Безусловно, небольшие различия имелись, точнее, просматривались при внимательном наблюдении: Номер Шесть был пониже остальных, Номер Девять – поактивнее, Номер семь любил есть вниз головой и жутко сорил, а Номер один трещал без умолку, но странные звуки и горловое бульканье, которые издавал он и его собратья, никакого смысла для Грея не имели.

В самом деле, выделялся Ноль не физическими данными, а ощущениями, которые вызывал. Другого объяснения Грей подобрать не мог. Его «собратья» интересовались людьми за стеклом не больше, чем шимпанзе в зоопарке, а вот Ноль явно обращал на людей внимание. Каждый раз, когда решетка опускалась и блокировала Ноля в глубине гермозоны, а Грей, натянув биозащитный костюм, через шлюз входил, чтобы убраться или принести

кроликов, – Господи, почему именно кроликов? – в затылке покалывало, словно там ползала целая стая муравьев. Грей быстро расправлялся с работой, стараясь не отрывать глаз от пола, но, когда выбирался в зону деконтаминации, сердце неслось бешеным галопом, а лицо покрывалось испариной. Даже сейчас, когда их разделяло стекло двухдюймовой толщины и Ноль повернулся так, что виднелась лишь его блестящая спина и длинные ноги, или, скорее, лапы, Грей ощущал, как разум «светлячка» рыщет по темному отсеку и, словно радар, пеленгует все происходящее.

Тем не менее нынешняя работа Грея вполне устраивала, особенно по сравнению с некоторыми из предыдущих. Здесь он всю смену решал кроссворды, глазел на монитор и составлял отчеты – что Ноль съел, что не съел, сколько раз ссал и срал – да копировал файлы жестких дисков, когда многочасовая видеохроника, фиксирующая почти неподвижного Ноля, сжирала всю память. Интересно, а другие «светлячки» едят? Спросить бы кого-нибудь из лаборантов... Может, «светлячки» бастуют, может, устали от кроликов и хотят белок, опоссумов или кенгуру? Прикольно догадки строить, особенно с учетом того, как они едят. За трапезой Ноля Грей наблюдал только однажды – и этого оказалось более чем достаточно, чуть вегетарианцем не стал! – но запомнил, что у светящихся тварей имелись свои причуды, взять хотя бы «правило десятого кролика». Кто объяснит, в чем тут дело? Даешь «светлячкам» десять кроликов, девятых они уминают сразу, а десятого оставляют, словно про запас берегут. Когда-то у Грея жил пес, который вел себя точно так же. Грей звал его Мишкой, хотя медведя он напоминал не очень, шерсть, например, была не бурой, а рыжеватой, с подпалинами на морде и груди. Утром Мишка съедал полмиски корма, а вторую половину уничтожал ночью. Грей в это время уже спал, но порой часа в два-три просыпался от хруста гранул, перетираемых собачьими зубами. Наутро миска у плиты оказывалась пустой. Мишка был славный пес, лучший из всех, что жили у Грея. Сколько воды утекло с тех пор... Мишку пришлось бросить, и он наверняка давно сдох.

Все гражданские работники – и обслуга, и кое-кто из лаборантов – жили вместе в казармах у южной границы объекта. Комната Грея вполне устраивала: и тебе кабельное телевидение, и горячий душ, и никаких счетов! Покидать территорию запрещалось, но Грея это особо не напрягало – все необходимое под рукой, платят хорошо, не хуже, чем на нефтяной вышке. Денежки исправно капали на офшорный счет. С гражданских лиц, принятых на работу согласно особому соглашению в рамках Закона о защите в чрезвычайных ситуациях, даже налоги не взимались. Еще год-два, и, если не тратить слишком много на конфеты-сигареты, он отложит достаточно, чтобы убраться подальше от Ноля и К°. Другие ребята из обслуги были ничего, но Грейс держался особняком. Вечерами он отсиживался в своей комнате и смотрел «Трэвел чэннел» или «Нэшнл географик», выбирая, куда отправится, когда поднакопит денег. Сперва думал о Мексике: места там предостаточно, ведь все население здесь, вокруг «Хоум депо» околачивается в поисках работы. Но на прошлой неделе показали программу о Французской Полинезии – невероятной голубизны вода, домики на сваях, – и бедный Грей растерялся: что же выбрать? Сорокашестилетний, он дымил как паровоз и чувствовал: наслаждаться праздником жизни осталось лет десять. Его отец курил не меньше, последние годы жизни не мог ни ходить, ни дышать самостоятельно, а за месяц до шестидесятилетия упал ничком и не поднялся.

Время от времени возникало желание выбраться на волю и хотя бы оглядеться. Грей знал, что он где-то в Колорадо, во-первых, по номерам машин, во-вторых, по свежим номерам «Денвер пост», которые периодически оставляли научные сотрудники: этим покидать объект не запрещалось. В общем, тот еще секрет, что бы ни твердил Ричардс. Однажды после сильной метели Грей с другими ребятами из обслуги убирал снег с крыш и над вершинами деревьев увидел что-то вроде лыжного курорта – подъемник и фигурки, несущиеся вниз по склону. До курорта было миль пять, не больше. «Надо же, где-то война и разруха, а где-то

идиллия!» – удивился Грей. Сам он в жизни на лыжах не катался, но знал: за побелевшими от снега деревьями наверняка увидит бары, рестораны, джакузи, сауны и счастливых людей, которые потягивают вино в клубах ароматного пара. По «Трэвел ченнелу» такое постоянно показывают.

Стоял март, зимний для гор месяц, снег и не думал таять, а едва садилось солнце – температура кубарем катилась вниз. Сегодня еще и ветер дул. По дороге к казармам Грей спрятал руки в карманы парки и поднял воротник повыше. Метель напоминала череду пощечин и булавочных уколов, а перед глазами стоял остров Бора-Бора и домики на сваях. Плевать, что Ноль потерял интерес к крольчатине! Ест он или голодает – какая разница? Скажут кормить «светлячка» яйцами Бенедикт – пожалуйста, слушаюсь и повинуюсь! Вот бы узнать, сколько стоит такой домик? В нем и канализация не нужна. Понадобилось отлить – выбрался на крылечко и с богом... Во время работы на нефтяной вышке в Персидском заливе Грей придумал себе забаву: выберется на платформу рано поутру или поздно вечером и с высоты двести футов справит нужду. Кайф – словами не передать! Струйка изгибалась дугой и летела в далекую синь. В такие моменты Грей одновременно казался себе великаном и букашкой.

Сейчас нефтяную промышленность интенсивно опекало государство, и все экс-коллеги Грея как сквозь землю провалились. После трагедии в Миннеаполисе, взрыва на складе горючего в Сикокусе, теракта в лос-анджелесском метро и, разумеется, событий в Иране, Ираке и бог весть где еще экономику заело, как неисправную передачу. С травмированными коленями, прокуреными легкими и отнюдь не безупречной биографией хлебная должность Грея не светила. Когда ему позвонили, он почти год сидел без работы. Грей не сомневался: опять позовут на вышку, вероятно, иностранную. По телефону толком ничего не объяснили, а приехав по указанному адресу, Грей с удивлением обнаружил неприглядное помещение с замазанными мылом окнами, расположенное в заброшенном молле недалеко от далласской ярмарочной площади. Когда-то здесь был магазин видеотехники «Киномир Дикого Запада» – название Грей с трудом распознал в полуосыпавшейся буквенной абракадабре на почерневшем фронтоне. Рядом прежде находился китайский ресторан, чуть дальше – химчистка. Грей попросил таксиста пару раз объехать молл: вдруг он адрес неверно записал, а просто так выбираться из прохладного салона не хотелось. Стояла тридцатипятиградусная жара – обычное для техасского августа дело, только к такому не привыкнешь. Неподвижный воздух пах копотью, а солнце сияло, как головка молотка, который вот-вот опустится на затылок. Дверь оказалась закрыта – Грей нажал на кнопку звонка и целую минуту обливался потом, прежде чем на массивной связке зазвенели ключи и щелкнул замок.

В торговый зал поставили письменный стол и пару шкафчиков, но первыми в глаза бросались пустые полки, где некогда лежали диски, и паутина проводов, болтающихся в прорехах между потолочными плитами. У дальней стены притаилась большая картонная фигура – неизвестная Грею кинозвезда, лысый негр в солнечных очках. Бицепсы бугрились так, словно хлыщ спрятал под футболку консервы, чтобы вынести из супермаркета. Фильм, который представлял хлыщ, Грею не вспомнился. Он заполнил анкету, но мужчина и женщина, проводившие собеседование, едва на нее взглянули. Пока данные вносились в базу, Грея попросили пописать в стаканчик, а потом выдали ему полиграф. Что же, ничего нового, главное не сомневаться в себе, даже когда говоришь правду. Разумеется, Грея спросили об отсидке в Бивилле – как же иначе! – и он выложил все начистоту. Полиграфу не совершь, особенно если речь о документально подтвержденном факте и особенно в Техасе, где, используя Интернет, можно получить абсолютно любую информацию. Как ни странно, отсидка никого не смутила. Судя по всему, представители работодателя уже многое знали, поэтому в основном задавали вопросы личного характера, какие редко включают в анкеты. Есть ли у него друзья? (Почти нет.) С кем он в данный момент живет? (Один, как и всегда.) Есть ли у него родственники? (Тетка в Одессе, штат Техас, которую Грей не видел уже лет двадцать,

и какие-то двоюродные... Черт, как же их зовут?) Кто его соседи по трейлерному парку в Аллене? (Какие еще соседи?) И так далее и тому подобное. Каждый его ответ все больше радовал интервьюеров. Они пытались это скрыть, но радость читалась в их лицах, как в раскрытой книге. Тогда Грей окончательно решил, что эти двое не из полиции, а он напрасно беспокоился об этом с самого начала собеседования.

Через пару дней – к тому времени Грей сообразил, что не знает имен интервьюеров и даже не может описать их внешность, – он уже летел в Шайенн. Ему рассказали о размере жалованья, о годичном запрете покидать территорию объекта (Грей совершенно не возражал) и болтать о том, куда направляется (как же болтать, если сам не знаешь?). В аэропорту Шайенна его встретил жилистый насупленный коротышка в черном спортивном костюме. Он представился Ричардсом и повел на стоянку к микроавтобусу, где уже ждали двое мужчин, вероятно прилетевших другими рейсами.

Ричардс распахнул водительскую дверь, вытащил холщовую сумку размером с наволочку и открыл ее, словно голодный рот.

– Кладем сюда бумажники, сотовые, фотографии, другие личные вещи и, если есть, любые предметы с надписями: ручки из банка, печенья-гадания – короче, все! – велел он.

Они покорно выпотрошили карманы, сложили сумки в багажник и сели в автобус. Лишь когда двери захлопнулись, Грея осенило: окна-то затонированы! Снаружи микроавтобус выглядел совершенно непримечательно, а вот внутри... Кабину водителя заблокировали, а в салоне оставили лишь привинченные к полу виниловые сиденья. Ричардс позволил назвать друг другу только имена, фамилию с биографией следовало держать при себе. Попутчиков звали Джек и Сэм. Оба очень напоминали Грею самого себя и казались чуть ли не близнецами: белые парни среднего возраста с короткими стрижками, грубыми натруженными руками и «рабочим» загаром до запястий и по вырезу футболки. Грей привык, что его зовут по фамилии, а имя Лоренс использовал так редко, что оно стало почти чужим. Едва он произнес его, пожимая руку Сэму, как сразу почувствовал себя иначе, словно в Далласе на самолет сел один человек, а в Шайенне приземлился другой.

Тонированные окна не позволяли определить, куда их везут, и на душе кошки скребли. Грей чувствовал: микроавтобус нарезает круги возле аэропорта. Не представляя, что делать и о чем говорить, он и его попутчики скоро уснули. Проснувшись, Грей не смог даже приблизительно определить, который час, и умирал от желания отлить. Вот, пожалуйста, побочный эффект Депо-Поверы! Он поднялся и постучал в раздвижную перегородку между салоном и кабиной.

– Эй, мне нужна санитарная остановка!

Ричардс отодвинул перегородку, позволив Грею взглянуть в лобовое стекло микроавтобуса. Солнце село, и двурядная асфальтовая дорога была темной и пустой. Вдали, там, где небо соприкасалось с горной цепью, Грей заметил полоску малиновых огней.

– Простите, но мне срочно нужно отлить! – объяснил он, слыша, как за спиной просыпаются попутчики.

Ричардс нагнулся и протянул Грею прозрачную пластиковую бутылку с широким горлом.

– Сюда писать?

– Ага, – коротко ответил Ричардс и без лишних слов задвинул перегородку. Грей опустился на сиденье и внимательно изучил бутылку: объем вроде бы достаточный, но вытаскивать своего дружка здесь, перед парнями... От негодования мышцы вокруг мочевого пузыря судорожно сжались.

– Ни за что в нее срать не буду, – процедил Сэм. Он сидел с закрытыми глазами, прижав ладони к коленям. Лицо буквально дышало напряжением. – Лучше потерплю.

Микроавтобус покати́л дальше. Грей заставлял себя думать о чем угодно, только не о разрывающемся мочевом пузыре, но разве организм обманешь? Казалось, внутри плещется целый океан! Вот автобус подскочил на кочке, «океан» обрушился на берег, и Грей непроизвольно застонал.

– Эй! – закричал он, снова стуча в перегородку. – Эй, мистер, послушайте!

– В чем дело? – недовольно осведомился Ричардс.

Грей просунул голову в кабину и шепотом, чтоб другие не слышали, взмолился:

– Послушайте, я не могу в бутылку... Действительно, не могу! Пожалуйста, остановите!

– Тогда терпи, мать твою!

– Я серьезно... Прошу вас, умоляю! Не могу, не могу терпеть! У меня проблемы с мочевым пузырем!

Ричардс раздраженно вздохнул. На миг их взгляды встретились в зеркале заднего обзора, и Грей принялся гадать, знает ли Ричардс правду.

– Ладно, но встанешь так, чтобы я видел, и смотри, по сторонам не оглядываться! Я серьезно!

Микроавтобус притормозил у обочины.

– Ну, скорее... Скорее... – бормотал Грей. Едва открылась дверь, он вылетел из салона, бросился прочь от фар микроавтобуса и осторожно спустился по насыпи, чувствуя, как внутри тикает часовой механизм бомбы. Пастбище... Он попал на пастбище, залитое холодным сиянием новорожденного месяца. Хотелось уйти футов на пятьдесят, а то и дальше, чтобы расслабиться по-настоящему. Дорогу загородил невысокий забор, и, несмотря на травмированные колени и разрывающийся мочевой пузырь, Грей перемахнул через него с легкостью оленя. «Стой, мать твою, стой сейчас же!» – орал ему вслед Ричардс, потом кричал на Сэма с Джеком, чтобы не следовали дурному примеру. Росистая трава шуршала о штанины и мочила сапоги. На полшага впереди по полю метался красный огонек, бог знает от чего. Грей чувствовал и запах коров, и их присутствие. Они были совсем рядом. Душа всколыхнулась от паники: вдруг коровы за ним следят?

Следят, не следят, Грей больше не мог терпеть ни секунды. Он остановился, расстегнул ширинку и, справляя нужду, застонал от облегчения. Никаких изящных золотых дуг – из него хлестало, как из неисправного гидранта. Он писал, писал и писал. Боже милостивый, какое восхитительное, прекраснейшее на свете чувство, из него же словно затычку вынули! Грей чуть ли не радовался, что пришлось так долго ждать.

А потом все кончилось: внутренняя канистра опустела. Грей на миг застыл, обнаженной плотью ощущая свежесть ночного воздуха. В душе воцарилась абсолютная, почти божественная благодать. Перед ним огромным скрипучим от хора сверчков ковром расстилалось поле. Грей вскрыл пачку «Парламента», вытащил сигарету и, закурив, посмотрел на горизонт. В спешке он едва заметил месяц, похожий на светящуюся сырную корку или кончик женского ногтя, приклеенный к небу над горами. А звезды... Надо же, сколько звезд высыпало!

Грей развернулся и взглянул на шоссе. В свете фар виднелся застывший у обочины микроавтобус и одетый в спортивный костюм Ричардс с чем-то блестящим в руках. Грей перемахнул через забор и заметил бредущего по полю Сэма, а потом Джека: тот бежал через дорогу с противоположной стороны. Вся троица вернулась к автобусу практически одновременно.

Ослепительно-яркие фары озарили Ричардса – он стоял, уперев руки в бока. Неизвестная блестящая штукавина исчезла из вида.

– Спасибо! – прокричал Грей сквозь урчание работающего вхолостую мотора, докурив сигарету и отшвырнул бычок. – Я правда не мог терпеть.

– Да пошел ты, придурок! – буркнул Ричардс. Джек с Сэмом не отрывали глаз от асфальта. Ричардс кивнул на микроавтобус. – В салон, живо! И больше ни единого слова, ясно?

В подавленном молчании они расселись по местам, микроавтобус тронулся и отъехал от обочины. Тут Грея осенила догадка, даже на попутчиков смотреть не потребовалось. Во-первых, эти двое, Джек и Сэм, напоминали его не только внешне. Во-вторых, блестящая штукавина, которую недавно сжимал в руке Ричардс, сейчас наверняка лежала в кармане его спортивного костюма или в бардачке. Красный танцующий по пастбищу огонек принадлежал ей.

Одно неосторожное движение, и Ричардс бы его пристрелил.

* * *

Раз в месяц Грей колол себе Депо-Поверу, а каждое утро принимал по маленькой звездочкообразной таблеточке спиронолактона. Это было основным условием его освобождения и продолжалось уже много лет, но, откровенно говоря, Грей ничуть не возражал. Теперь даже бриться так часто не приходилось. От спиронолактона, блокиратора андрогенных рецепторов, яички уменьшились, а щетина появлялась лишь на второй, а то и на третий день, волосы стали тонкими и мягкими, как у ребенка, а кожа чище и нежнее, несмотря на курение. Разумеется, имелись и «психологические плюсы», как их называл тюремный психотерапевт. Он стал куда спокойнее, чем прежде. Теперь проблемы пару дней кружили вокруг него назойливыми мухами и лишь потом проникали в сознание. Грей спал как убитый и никогда не помнил сны. Непонятное чувство, пятнадцать лет назад заставившее притормозить у обочины – в тот день все и началось, – давно исчезло. Возвращаясь к тому жизненному периоду и случившемуся впоследствии, Грей по-прежнему морщился от неприятного ощущения. Однако даже оно стало неопределенным, как смазанная картинка или недовольство плохой погодой, которую все равно не исправить.

Зато Депо-Повера, подобно всем стероидам, творил с мочевым пузырем черт знает что. Подружки тоже не появлялись, но, вероятно, Грей сам никого к себе не подпускал. Психотерапевт предупреждал, что так случится, и, подобно всем остальным, это предупреждение сбылось. Неудобства оказались минимальными, хотя спокойно воспринимать источники раздражения он научился не сразу: детей (поэтому и стал работать на нефтяных вышках), беременных женщин, площадки отдыха у шоссе, телепрограммы, которые раньше смотрел без задней мысли (не только эротику, но и кое-что из спорта и даже выпуски новостей). Греху запрещалось подходить к школам и детсадам ближе чем на двести ярдов, и его это устраивало. В два-три часа дня он старался не садиться за руль и порой делал крюк в несколько кварталов, только чтобы не встретить школьный автобус. Он даже желтый цвет разлюбил! Короче говоря, ощущения странные, совершенно необъяснимые, но лучше так, чем в тюрьме. Да и вообще, лучше так, чем жить, как прежде, чувствуя, что вот-вот съедешь с катушек.

«Видел бы отец, каким паинькой я стал от лекарств, – подумал Грей. – Может, и простил бы!» Доктор Уайлдер, тюремный психотерапевт, день-деньской твердил о прощении. В списке любимых это слово занимало лидирующую строчку. Уайлдер называл прощение первым шагом на длинном и извилистом пути к новому исправленному себе. Мол, порой исправление – это путь, а порой – дверь, лишь открыв которую можно помириться с прошлым и побороть внутренних демонов, «плохого себя», живущего в «себе хорошем». Во время сеансов Уайлдер активно жестикулировал, то и дело ставя в воздухе невидимые кавычки. Грей подозревал, что доктор – тот еще специалист и, вероятно, кормит своей брехней всех заключенных, но не мог не признать, что насчет «плохого себя» он прав. «Плохой

Грей» действительно существовал и иногда – да что там, почти всю прошлую жизнь – был единственной его ипостасью. Встретаться с «плохишом» совершенно не хотелось, поэтому Грей собирался принимать лекарства до конца своих дней, пусть даже предписанные судом десять лет уже давно прошли.

Сквозь метель Грей добрел до казармы и, прежде чем закрыться в своей комнате, съел в столовой порцию тако. По вторникам играли в бинго, но Грею не тянуло. Пару раз он садился играть и потерял как минимум двадцать долларов. Победителями неизменно оказывались солдаты, и Грей решил, что они жульничают. По большому счету бинго – игра глупейшая, предлог курить одну сигарету за другой, а этим можно бесплатно заниматься в своей комнате. Грей лег на кровать. Так, теперь подушку под голову, пепельницу на живот и включить телевизор! На территории объекта многие каналы не транслировались: ни тебе Си-эн-эн, ни Эм-эс-эн-би-си, ни Эм-ти-ви, ни правительственного, ни развлекательного канала. Впрочем, ни один из них Грею больше не интересовал. Рекламные ролики блокировали: пару минут голубел пустой экран, а потом снова начиналась передача. Грей щелкал кнопками пульта, пока не остановился на военном канале, где рассказывали об операции «Нептун» – высадке десанта союзных войск в оккупированной фашистами Нормандии. Грей с детства любил историю, в школе даже отметки хорошие получал. Имена и даты он запоминал без труда, а остальное сводилось к элементарной писанине.

Растянувшись на кровати – даже форму не снял! – Грей курил и смотрел, как солдаты на лодках плывут к берегу, палят, швыряют гранаты. Пехотинцы высаживались с кораблей, поливающих скалы оккупированной Нормандии шквалистым огнем. «Вот это война!» – с восхищением подумал Грей. Кадры хроники дрожали и расплывались, но на одном Грей отчетливо увидел руку – руку фашиста, – высунутую из укрытия, которое бравый американский солдат только что обстрелял из огнемета. Обугленная рука дымилась, как куриное крылышко, случайно оставленное на гриле. Отца Грею дважды посылали военным фельдшером во Вьетнам. Интересно, что бы он сказал про эту руку? Порой Грей забывал, что отец был фельдшером: ссадины-раны-порезы всегда обрабатывала мать.

Грей закурил последнюю сигарету и выключил телевизор. Два дня назад Джек и Сэм сбежали, не сказав никому ни слова. Грей согласился работать двойную смену, что означало: к шести утра следовало вернуться на Уровень 4. Напрасно они так, ведь полный год еще не отработали, значит, теряли все жалованье. Ричардс без обиняков заявил: подобное развитие событий его совершенно не радует и мечтающим о побеге нужно хорошо подумать, очень хорошо, на совесть! Маленькое выступление состоялось во время завтрака. Ричардс обвел столовую пронизывающим взглядом, словно рассерженный физрук на уроке, и Грей вперил глаза в тарелку с яичницей. Поступок Сэма с Джеком его не касался, предупреждение тоже: он-то никуда бежать не собирается! Да и с парнями теми он по-настоящему не дружил, так, перекинется парой слов, чисто чтобы время убить. По сути, их побег для него означал лишь одно – дополнительный заработок. За каждый сверхурочный выход давали пять сотен, в неделю таких выходов набиралось три плюс еще сотня премиальных. Пока деньги капали на счет, а банковские выписки радовали глаз, Грей был готов сидеть в горах хоть до светопреставления.

Грей снял форму и выключил свет. Метель стучала в окно, шуршала, словно песок в бумажном пакете. Каждые двадцать секунд жалюзи окрашивались в красный цвет: вспыхивал сигнальный огонь на западной границе объекта. Порой лекарства вызывали бессонницу и судороги в ногах, но пара таблеток ибупрофена устраняла проблемы. Иногда Грей просыпался среди ночи, чтобы отлить или выкурить сигарету, хотя чаще всего до утра спал как убитый.

Сегодня он лежал в темноте, пытался успокоиться, но мысли упорно возвращались к Нолю. Вероятно, это обугленная рука фашиста из передачи заставляла думать о «светлячке»,

о пленнике-Ноле. Вести себя за столом того явно не учили, и расправа над кроликами была зрелищем не для слабонервных, но ведь есть надо, а Ноль есть отказывался. Он день-деньской торчал за стеклом и якобы спал, только Грей в это не верил. Из чипа в шее Ноля на пульт управления поступали данные; в одних Грей разбирался, в других – нет. Тем не менее он понимал, какие показатели означают сон: они не соответствуют показателям бодрствования. К примеру, пульс Ноля отличался стабильностью – сто два удара в минуту с минимальным отклонением в ту или иную сторону. Лаборанты, заглядывавшие в диспетчерскую снять данные с чипа, не говорили об этом ни слова, только делали пометки в своих наладонниках. Но разве сто два удара в минуту – это сон? Грей так не считал.

Но самое главное, Ноль не казался спящим. Ну вот, опять он думает об ощущениях, которые вызывает Ноль! Ерунда ведь, зачем из-за ерунды париться? Эх, ладно, пусть... Так вот, ощущения... Нечто подобное Грей чувствовал, глядя на кошек, которых терпеть не мог. Спящая на крыльце кошка на самом деле не спит. Спящая на крыльце кошка караулит неосторожную мышь. А кого караулит Ноль? Вдруг ему просто кролики надоели? Вдруг ему хочется шоколадного пирожного, бутерброда с колбасой или индейки тетрацини? Грей чувствовал, этот парень и бревно готов сожрать! Конечно, с такими зубами ему и бревна нипочем!

«Брр, зубы!» – содрогнулся Грей и тут же одернул себя: нужно спать, а не загадки разгадывать. На часах полночь, еще немного покрутишься, и настанет утро, а в шесть начинается смена. Грей встал, выпил два ибупрофена, выкурил сигарету, помочился, чтобы до утра не беспокоиться, и юркнул под одеяло. Проекторы скользнули по окну раз, другой, третий... Грей закрыл глаза и представил себе эскалатор. Этой уловке его научил Уайлдер. Он твердил, что Грей внушаемый, то есть легко поддается гипнозу, и частенько использовал «эскалаторный гипноз». «Ты на эскалаторе, на медленно ползущем вниз эскалаторе...» И Грей представлял эскалатор. Какой именно, значения не имело: Грей видел себя то в аэропорту, то в торговом центре. В общем, следовало представить, что ты на эскалаторе и медленно едешь вниз, причем «вниз» означало не на первый этаж или к выходу, а в прохладное, озаренное голубоватым светом место. Иногда Грей видел длинный эскалатор, иногда несколько коротких, на которых спускался на один этаж, поворачивался и спускался ниже. Сегодня представился длинный. Ступени негромко щелкали под ногами, а резиновый поручень был гладким и холодным. Эскалатор двигался плавно и медленно, Грей уже чувствовал манящую голубизну, но рассмотреть не пытался: на нее не смотрят, в нее погружаются. Если она накрывает с головой и заполняет изнутри, значит, ты уже спишь.

«Грей!»

Свет заполнил его изнутри, но, как ни странно, не голубой, а теплый оранжевый, пульсирующий, словно сердце. Часть сознания говорила: «Грей, ты спишь и видишь сон», но другая, которая в том сне находилась, слушать не желала. Грей спускался, двигался сквозь пульсирующий оранжевый свет.

«Грей, я здесь!»

Оранжевый свет стал золотым. Солома... Амбар... Грей попал в амбар! Сон оказался воспоминанием, но не совсем обычным. Грей валялся в соломе, и она липла к рукам, лицу, волосам. Рядом лежал другой мальчишка, кузен Рой. На самом деле Рой кузеном не был, но Грей его так называл. Рой очень напоминал соломенное пугало и смеялся во все горло. Они кувыркались, тузили друг друга, дурачились, а потом настроение изменилось, резко, как меняются песни на диске. Грей чувствовал запах соломы, запах собственного пота, смешавшегося с потом Роя, вместе они сложились в аромат летнего вечера и стали частью воспоминаний о детстве. «Ну, снимай джинсы! – тихо сказал Рой. – Я тоже сниму. Не бойся, нас не засекут! Я покажу, что и как, а ты повторяй. Кайф обалденный!» Грей опустился на колени перед кузеном.

«Грей! Грей!»

Рой не обманул, кайф и впрямь был обалденный, даже лучше, чем от лазанья по канату на физкультуре. Как сильное чихание, которое нарастает, нарастает, а потом пробивает насквозь, заставляя петь все тело. Грей закрыл глаза и окунулся в негу.

«Грей! Слушай меня, Грей! Я уже близко!»

Но рядом с ним уже был не Рой. Песня сменилась снова – послышался рев мотора и тяжелые шаги на лестнице. Вот он в последний раз увидел Роя, потом тот обуглился и задымился, как крылышко. Отец орудовал ремнем, большим черным ремнем, это Грей определил, не глядя. Он зарылся лицом в солому – ремень коснулся обнаженных ягодичек, потом еще, еще и еще. Но вот вместо ремня появилось нечто другое, вспарывающее, раздирающее изнутри. «Тебе же это нравится, правда? Не ори, лучше давай по-хорошему!» Это не отец... Теперь Грей вспомнил: его терзал не только черный ремень и не только отец. Отца заменили мучителем: «Его зовут Курт, теперь он твой папа» и разрывали изнутри, как далеким снежным утром настоящий отец разорвал себя на водительском сиденье грузовика. Это случилось, когда Грею едва исполнилось шесть. Однажды, проснувшись раньше всех, он увидел: комнату заливают невесомая сияющая белизна, и сразу понял, что его разбудило. Ночью шел снег! Грей откинул одеяло, раздвинул шторы и, мигая, уставился на ослепительный ковер. Снег! В Техасе никогда не выпадал снег. Лед иногда намерзал, но разве сравнить его со снегом из книжек и телепередач – белоснежным пухлым покрывалом, без которого невозможны санки, лыжи, снежные бабы и снежные горочки?!

Сердце трепетало от счастья, от самого шанса попробовать что-то новое, от чудесного подарка, который ждал на улице. Грей коснулся стекла и почувствовал, как пальцы пронзили острые стрелы холода. Он отлепился от подоконника, поспешно натянул джинсы и сунул ноги в кроссовки, не потрудившись завязать шнурки. Быстрее, быстрее в сказку! Он выбрался из комнаты и по лестнице спустился в гостиную. Стояло субботнее утро. Накануне вечером родители собрали вечеринку. Позвали много гостей – громкие голоса Грей слышал даже в своей комнате, а сигаретный запах до сих пор не выветрился и клубился под потолком грязной дымкой. Родительская спальня наверху, но встанут они нескоро...

Грей распахнул дверь и выбрался на крыльцо. Ветра не было, студеный воздух пах свежим бельем. Мальчишка жадно вздохнул полной грудью.

«Смотри, Грей, смотри!»

Тут мальчик и увидел отцовский грузовик. Он, как всегда, стоял на подъездной дорожке, но выглядел иначе. Окно, боковое окно с водительской стороны, забрызгано темно-красным, будто краской из баллончика! На фоне снежной белизны она казалась еще краснее и темнее. Неужели это шутка или игра, которую придумал отец, чтобы рассмешить и удивить его, Грея? Знал ведь, что сынишка проснется раньше всех! Мальчик спустился с крыльца и пересек двор. В кроссовки тотчас набился снег, но Грей не сводил глаз с грузовика. Со дна души поднималась тревога. Вдруг его разбудил не снег, а что-то другое? Мотор грузовика работал вхолостую, пачкая снег под выхлопной трубой, а лобовое стекло запотело. За залитым краской окном смутно виднелась темная фигура. Особой силы в маленьких ручках не было, но дверцу грузовика Грей все же распахнул, и отец тут же вывалился на снег.

«Грей! Посмотри, посмотри на меня, посмотри!»

Папа упал навзничь. Один глаз, казалось, смотрел на Грея, но на самом деле в пустоту, мальчик сразу это понял, а второй и вовсе исчез вместе с доброй половиной лица. Создавалось впечатление, что левую половину лица вдавили, как у целлулоидной куклы. Грей знал о смерти не понаслышке: сколько раз видел у дороги раздавленных зверюшек: енотов, опоссумов и даже кошек с собаками. Папа чем-то их напоминал. Он умер, но в правой руке по-прежнему сжимал пистолет, указательным пальцем оплетая колечко, как показывал в тот день на крыльце. «Чувствуешь, какой тяжелый? На людей его наставлять нельзя! Никогда,

ни при каких обстоятельствах, понял?» Кровь, смешанная с кусочками – неужели мяса? – и еще чего-то желтого, залила и папино лицо, и куртку, и водительское сиденье, и дверцу с внутренней стороны – все, на что ни посмотри. Тяжелый запах заполнил ноздри и обволакивал рот, словно растаявшая мятная пастилка.

«Грей! Я здесь, Грей!»

Картинка снова изменилась, и Грей почувствовал движение, причем двигался не сам он, а земля. Земля растягивалась, снег шевелился. Грей поднял голову и чуть не ахнул: снег превратился в кроликов, в тысячи пушистых белых кроликов! Они сбежались со всего света и жались друг к другу так, что можно было пройти по двору, ни разу не наступив на землю. Кролики заполнили двор, а потом, словно по команде, повернули к Грею белые мордочки с черными глазками. Они знали, что за фрукт Грей и как он развлекался не только с Роем, но и с другими мальчиками – с теми, что несли из школы тяжелые ранцы, с теми, что отставали от приятелей, с теми, что возвращались домой поодиночке. Тут Грей понял: в луже крови лежит не папа, а Ноль. Ноль был повсюду: разрывал изнутри, пронизывал взглядом, как армия кроликов... Грей открыл рот, чтобы закричать, но не издал ни звука.

«Грей! Грей! Грей! Грей! Грей! Грей! Грей!»

* * *

Ричардс сидел за компьютером в своем кабинете на Уровне 2, сосредоточившись на раскладывании пасьянса «Свободная ячейка». Следовало признать: расклад № 36592 оказался сложным и основательно напрягал мозги. Сколько ходов он уже сделал, сколько раз подбирался к цели, но сложить «дома», в нужный момент открыть тузов или достать красную восьмерку из начала ряда не получалось. Вспомнился расклад № 14712: там тоже возникла загвоздка с красными восьмерками, Ричардс чуть ли не сутки голову ломал!

Однако главная прелесть «свободной ячейки» заключается в том, что пасьянс сходится при любом раскладе. Раздаются карты, и, если правильно проанализировать сложившуюся ситуацию и выработать тактику, рано или поздно пасьянс сойдется. Победный клик мышью – и «дома» сгруппированы. Ричардс плотно подсел на «Свободную ячейку» и никак не мог наиграться. Тем лучше, ведь, включая этот, ему осталось 91048 раскладов. Двенадцатилетний пацан из штата Вашингтон хвастал, что менее чем за четыре года прошел все существующие расклады, в том числе и № 64523, камень преткновения для большинства игроков. Получается, ежедневно он расправлялся с восьмьюдесятью восьмью раскладами, при условии что не пропускал ни Рождество, ни Новый год, ни День независимости. А если время от времени он тратил день-другой на разные пацановские глупости и зимой болел гриппом, в день набегало до сотни раскладов. Разве такое возможно? Этот вундеркинд забил на школу? Или только на домашку? Или он ночами не спит?

Кабинет Ричардса – унылая клетушка, как и все на подземном Уровне 2, в которую закачивались переработанные, отфильтрованные и обогащенные воздух и вода. Порой возникало ощущение, что даже свет люминесцентных ламп здесь используется повторно. Часы показывали половину третьего ночи, но Ричардс, долгие годы довольствовавшийся менее чем четырьмя часами сна, совершенно не тревожился. К стене у его рабочего места крепились тридцать шесть мониторов. На них поступали изображения со всех уголков объекта: от главных ворот, где морозила задницы охрана, и столовой с пустыми столами и сонными дозаторами напитков до лежащих двумя этажами ниже кабинета гермозон с их сияющими обитателями и ядерных аккумуляторов, спрятанных еще ниже, под пятьюдесятью футами голого камня, которые снабжали и были способны снабжать объект энергией еще целый век плюс-минус десять лет. Ричардсу нравилось иметь все уровни перед глазами, анализировать их, как карточный расклад. С пяти до шести утра ожидался новый субъект, так что ложиться

спать не имело смысла. «Теплый прием» и регистрация займут не более пары часов, а потом, если захочется, можно вздремнуть прямо на рабочем месте.

Вот он, нужный ход! Под шестеркой лежит черная дама, которая передвинет валета, который откроет двойку, и так далее. Пара кликов мышкой, и пасьянс сошелся. Карты запорхали по экрану, словно пальцы пианиста по клавишам, и появилась надпись: «Начать новую игру?»

Да, черт подери, начать! Ведь игра – самое естественное состояние мира, игра – это война, так было, есть и будет. Разве можно представить ситуацию, чтобы где-то не шла война и люди вроде Ричардса не чувствовали бы себя архивостребованными? Последние двадцать лет оказались весьма удачными, как двадцать удачайших раскладов в пасьянсе. Вооруженные конфликты произошли в Сараево, Албании, Чечне, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Пакистане, Сьерра-Леоне, а еще в Индонезии, Никарагуа и Перу.

Ричардс вспомнил день, великий и ужасный день, когда самолеты врзались в башни-близнецы. Услужливое сознание снова и снова воспроизводило жуткие кадры хроники: огненные шары взрывов, падающие тела, разжижение миллиарда тонн бетона и стали, вздымающиеся облака пыли. Чем не киношедевр наступившего тысячелетия? Это гиперэкстремальное реалити-шоу транслировали по всем каналам мира семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки! В тот день он, Ричардс, оказался в Джакарте, сейчас уже не вспомнить, зачем и почему. Он сразу понял, спинным мозгом почувствовал: все должно быть именно так. Военных нужно постоянно чем-то занимать, иначе они к черту перестреляют друг друга! Однако с того дня ситуация изменилась до неузнаваемости. Отныне в войне – настоящей, которая шла уже тысячелетие и обещала продлиться еще тысячу тысячелетий, войне между Ими и Нами, Имущими и Неимущими, их богом и нашим и так далее – воевали люди вроде Ричардса, тихие, неприметные, одетые почталыонами, таксистами или официантами, с глушителями за пазухой или в почтовой сумке. Отныне в ней воевали юные мамочки, везущие в колясках по десять фунтов взрывчатки С4, и школьницы, садящиеся в метро с флакончиками зарина в рюкзаках «Хелло, Китти». Отныне войну вели из кузовов грузовиков, из больших мотелей рядом с аэропортами, из пещер рядом ни с чем; она обрушивалась на железнодорожные платформы и круизные лайнеры, на супермаркеты, кинотеатры и мечети, на города и села, днем и ночью. Отныне ее вели во имя Аллаха или курдского национализма, христианской миссии «Евреи за Иисуса» или бейсбольной команды «Нью-Йорк янкиз» – причины не изменились и не изменятся никогда: смоешь высокопарную муть, и все снова упирается в размер чьего-то жалования или незаслуженно полученную должность. Только сейчас война шла повсюду, миллионом метастазных клеток расплзалась по планете, поражая всех и каждого.

В свете этих изменений проект «Ной» казался вполне целесообразным. Ричардс участвовал в нем с самого начала, с тех пор, как получил первое сообщение от Коула, покойся с миром, говнюк! Важность затеи он осознал, когда Коул собственной персоной навестил его в Анкаре. Пять лет назад Ричардс сидел за столиком у окна, когда в ресторан вошел Коул, размахивая портфелем, в котором наверняка лежали лишь сотовый и дипломатический паспорт. Лыняной костюм, гавайская рубашка – ни дать ни взять герой романа Грэма Грина, Ричардс едва не расхохотался. Они заказали кофе, и Коул принялся его просвещать. По-юношески свежее, привлекательное лицо дышало искренним воодушевлением. Коул был родом из маленького городка в Джорджии, но за годы учебы в Академии Филлипса и Принстоне приобрел волевой подбородок и теперь говорил, как Бобби Кеннеди, в которого вселился дух героя-конфедерата Роберта Эдварда Ли. С зубами парню повезло: ровные, прямые, как частокол, и белоснежные, хоть вечерами без света читай – очень в стиле Лиги плюща! Итак, начал Коул с атомных бомб, с того, как мир изменило само их наличие. Пока в сорок девятом русские не провели ядерные испытания под Семипалатинском, мы творили что взду-

мается – да здравствует «Пакс американа»! Зато теперь каждый первый собирает в своем подвале бомбу, а как минимум сотня допотопных ядерных боеголовок советских времен продается совершенно открыто, и это лишь официально объявленное число! Индия и Пакистан тоже как с цепи сорвались, ну конечно, разве они в стороне останутся? Спасибо, ребята, что превратили уничтожение сотни тысяч человек в будничное событие, очередной пункт в повестке дня второго заместителя главы директората по готовности к чрезвычайным ситуациям и немедленному реагированию.

«Но это, – Коул хлебнул кофе, – под силу лишь нам!» Это означало новый Манхэттенский проект, только помасштабнее. Подробности Коул сообщить не мог – пока не мог, – но в качестве наводки советовал подумать над использованием самого человеческого организма в качестве оружия, а вдобавок и о возвращении «Пакс американы», но уже не на короткое время. Навсегда!

Поэтому Коул и прилетел в Анкару. Он искал такого, как Ричардс, – во-первых, лицо неофициальное, а во-вторых и в главных, обладающее практическими навыками, житейской мудростью, если так можно выразиться. Коул уточнил: проект стартует не сию секунду, а через несколько месяцев, когда все кусочки соберутся в цельную картинку. Безопасность имела колоссальное значение, Коул считал ее приоритетом номер один. Ради нее он пошел на личную встречу и вырядился в нелепую гавайскую рубаху, чтобы закупить недостающий актив, чтобы вложить в картинку еще один кусочек.

Увы, красивый план так и остался планом, а события развивались иначе, причем очень давно, начиная с момента гибели Коула. Погибли многие участники проекта, а некоторые превратились... трудно сказать, в кого. Из джунглей вернулись лишь трое, не считая Фаннинга, который уже тогда перерождался... опять-таки, в кого или во что?

Определенно в нечто большее, чем рассчитывал Коул. Возможно, уцелел кто-то еще, но из Управления по специальным видам оружия поступил четкий приказ: опоздавших к вертолету поджарить до хрустящей корочки. Об этом позаботилась разорвавшаяся в горах ракета. Интересно, что бы сказал Коул, если б догадывался, что ему из Боливии не вернуться?

Фаннинга благополучно упрятали в надежное место, Лира доставили в Колорадо, данные о боливийской экспедиции уничтожили, но Ричардс тоже не сидел сложа руки и успел разобраться, из-за чего весь сыр-бор. Из-за ВЗС, или Вируса замедленного старения. Что за умник ввел эту аббревиатуру? Возможных расшифровок-то миллион, например Весьма Запутанное Словосочетание. Это вирус, точнее семейство вирусов, скрывающихся то ли в птицах, то ли в обезьянах, то ли в грязных туалетах. При соответствующих структурных изменениях ВЗС полностью восстанавливает тимус. Ричардс прочел первые работы Лира на эту тему, которые и привлекли внимание Коула, – статьи в журналах «Сайенс» и «Вестник палеовиолога». В них выдвигалась гипотеза о существовании «агента, способного значительно продлить человеческую жизнь, повысить физическую силу и выносливость». Дескать, мировой истории уже известны случаи действия таких агентов. Даже без научной степени по микробиологии Ричардс понимал: затея рискованная, мерзко пахнущая вампирами, хотя в Управлении по специальным видам оружия это слово не употребляли. Попадись оно в работе менее уважаемого ученого, чем Лир, – гарвардский микробиолог все-таки! – статьи прозвучали бы в духе бульварной «Уикли уорлд ньюс». Тем не менее гипотезы Лира равнодушным Ричардса не оставили. Мальчишкой он читал вампирские истории запоем, не только комиксы вроде «Баек из склепа» и «Мрачных теней», но и Брэма Стокера. Разумеется, фильмы тоже смотрел и даже в детстве понимал: на девяносто процентов это ерунда вперемешку с порнухой, но разве не было в них чего-то вызывавшего смутные ассоциации? Торчащие клыки, кровожадность, бессмертие в обмен на душу – вдруг все это не фантазии, а воспоминания или даже инстинктивное чувство некой темной силы, таящейся в человеческом существе? Силы, которую можно разбудить, упорядочить, направить в нужное русло?

В это верили Лир с Коулом. Верили настолько, что отправились в боливийские джунгли искать мертвых туристов, которые оказались немертвыми (дурацкое слово, но ничего лучше в голову не приходит, тем более оно вполне точно описывает состояние «не-смерти») и погубили – буквально на части разорвали – уцелевших членов научной экспедиции: всех, за исключением Лира, Фаннинга, одного из спецназовцев и молодого аспиранта по фамилии Фортс. Если бы не Фаннинг, экспедиция увенчалась бы полным крахом.

Вот Лира было искренне жаль. Вероятно, он по-прежнему думал, что спасает мир... Только ведь он предал свою же мечту, когда связался с Коулом и Управлением по специальным видам оружия! С другой стороны, о чем сейчас думает Лир, не знал никто. Доктор безвылазно сидел на Уровне 4, ел и спал прямо в лаборатории. Небось целый год солнечного света не видел! В самом начале проекта Ричардс покопался-покопался и вытащил на свет немало любопытных фактов. Находкой номер один стал некролог жене Лира, напечатанный в «Бостон глоуб» за шесть месяцев до приезда Коула в Анкару, то есть за целый год до боливийского фиаско. «Элизабет Мейком Лир, сорок один год, диплом бакалавра гуманитарных наук колледжа Смита, диплом магистра гуманитарных наук университета Беркли, доктор философии (диссертация защищена в Чикагском университете), преподаватель английской литературы в Бостонском колледже, помощник редактора «Ренессанс куотерли», автор монографии «Шекспировские чудовища: метаморфозы и раннее Новое время» («Кембридж юниверсити пресс», 2009). Долго, но безуспешно лечила лимфому...». И так далее и тому подобное. Фотографию тоже напечатали – Ричардс назвал бы Элизабет Лир если не красивой, то очень милостивой, разве только худоватой... Сомнений не оставалось: серьезная особа с серьезными жизненными установками. Никаких детей – впрочем, тут, вероятно, дело в облучении и химиотерапии.

Значит, если вдуматься, в основном проект «Ной» осуществлял безутешный вдовец, который сутками не вылезал из лаборатории, пытаясь воскресить любимую жену?

На проект ушли уже пять лет и сотни миллионов долларов. Какими же результатами могли похвастать его участники? Наградой за ежедневные мытарства стали лишь тристадохлых мартышек, черт знает сколько собак и свиней, пяток бомжей и одиннадцать бывших смертников, которые светились в темноте и пугали до безумия. Подобно мартышкам, подопытные бомжи «сгорели» за считанные часы: температура у всех зашкаливала, кровь так и хлестала. Зато выжили смертники: сперва Джайлс Бэбкок, полнейший дебил, которого на Уровне 4 звали Болтуном за привычку трещать без умолку, не пропавшую и после опытов; за ним Моррисон, Чавес, Баффс и остальные. С каждой новой мутацией вирус заметно слабел и становился менее опасным для носителя. Одиннадцать новоиспеченных вампиров – почему бы их так не назвать? – по мнению Ричардса, особым дружелюбием не отличались. Однажды Сайкс признался, что не знает, можно ли их уничтожить. Мол, только если реактивную гранату в горло затолкать. ВЗС – Вампиры – Забубенная Сила! Под действием вируса их кожа превратилась в белковый панцирь, в сравнении с которым кевлар был сущим воском! Единственная уязвимая зона «светлячков» – квадрат со стороной три дюйма – располагается над грудиной, там «кожа» тоньше, значит, пробиваема, по крайней мере теоретически.

Еще «светлячки» буквально источали ВЗС. Полгода назад им заразился один из лаборантов. Каким образом – уму непостижимо, но он вдруг начал блевать на забрало гермошлема и биться в судорогах. Бог знает, что бы случилось, если бы Ричардс не заметил, как несчастный дергается на полу, и не заблокировал Уровень 4! А так пришлось лишь очистить зону деконтаминации и наблюдать за предсмертными мучениями лаборанта. Как же его звали? Сэмюэльс? Сэмюэльсон? Впрочем, это неважно. Скрубберы поработали на славу, и после семидесятидвухчасового карантина Ричардс разблокировал Уровень.

Ричардс ни на секунду не сомневался: когда и если понадобится, он загонит объект в тартарары. Именно это подразумевал «Протокол Элизабет». Тому, кто придумал название –

особенно если в шутку, – следовало поставить памятник. В принципе, Ричардс догадывался, как звали героя: Коул, разумеется! Точнее, Коул-в-классическом-варианте, ведь за личиной добродушного завсегдага загородного клуба скрывался страстный любитель стеба. Элизабет, святые небеса! Кто еще назвал бы Протокол в честь покойной жены Лиры?

Ричардс чувствовал, что проект идет не по плану. Наверное, это отчасти из-за монотонности повседневной работы: нельзя же посадить восемьдесят человек на вершину горы, заставив день-деньской считать кроличьи шкурки и помалкивать!

А тут еще сны...

Они снились и Ричардсу, по крайней мере, ему так казалось. Он их не помнил, но порой просыпался с ощущением, что ночью произошло какое-то событие, вроде незапланированной поездки, из которой он только что вернулся. Про сны рассказывали и Джек с Сэмом, отважившиеся на побег уборщики. Нанять в службу кастратов придумал Ричардс, и сначала все было здорово: ребята попались просто золото, сплошь белые и пушистые, а отпадет в них надобность, никто и не хватится. Однако Джек с Сэмом выбрались за территорию объекта в мусорных контейнерах. Ричардс разыскал их следующим же утром в мотеле «Ред руф», милях в двадцати от объекта, – беглецы терпеливо ждали, когда их заберут. Словно заезженные пластинки, они снова и снова говорили о своих снах: об оранжевом свете, зубах, плывущих по ветру голосах, которые звали их по имени. Оба будто умом повредились! Опустившись на краешек кровати, Ричардс терпеливо слушал их болтовню: взрослые ведь, за сексуальные нападения привлекались, а вот поди ж ты – рыдают, шмыгают носом и размазывают соплю по щекам. Кожа бархатная, яйца с горошину – очень трогательно... Вскоре терпение лопнуло. «Ладно, ребята, нам пора, – проникновенно сказал Ричардс. – Никто на вас не сердится!» Он отвез их в чудесное место у реки, чтобы напоследок насладились красотой мира, и застрелил.

Теперь Лиру понадобился ребенок, девочка. От нового требования опешил даже Ричардс. Пьяные бомжи и смертники – это одно, Ричардс считал их утильсырьем, но ребенок... Сайкс объяснил, что все дело в тимусе. Мол, чем меньше ребенок, тем сильнее его тимус, значит, организму проще справиться с вирусом и привести его в латентное состояние. Именно к этому стремился Лир – получить максимум преимуществ без негативных побочных эффектов. Без негативных побочных эффектов! Ричардс чуть не засмеялся. При том, что в прежней человеческой ипостаси «светлячки» были дебилами вроде Бэбкока, за бутылку пива готовыми перерезать горло родной матери?! Впрочем, может, связь здесь и имелась, ведь Лиру понадобился «чистый лист», еще не испачканный и не исписанный гадостями. Что же, если продолжать в таком ключе, в следующий раз Лир потребует младенца! А девочку Ричардс уже присмотрел: пара недель интенсивных поисков, и вуаля! Джейн Доу, белая, около шести лет, словно окуроч, брошена в мемфисском монастыре идиоткой-матерью, которой, вероятно, мешала кайфовать. «Чтобы без криминального досье!» – велел Сайкс, а эта околостилетняя Джейн Доу воды не замутит! Однако уже в понедельник ее собирались передать под опеку Отдела по защите прав детей. Если передадут – все, прощай, шестилетка! Иными словами, в распоряжении оставалось двое суток, при условии, что кайфующая мамаша не потребует дочь обратно, словно забытый на вокзале чемодан. Монахинь Уолгаст утихомирят: пять минут общения, и они за ним не то что на край света, в интим-шоп с радостью пойдут. Ричардс сто раз убеждался: этот парень кого угодно уломает!

Ричардс окинул взглядом мониторы. Все детки лежали в своих кроватках. Бэбкок, по обыкновению, что-то болтал – складки на шее ходили ходуном, как у жабы. Ричардс включил звук и целую минуту слушал рык и клекот, как всегда, гадая, означают ли они, например: «Выпустите меня!», или «Хочу еще кроликов, сейчас же!», или «Ричардс, братан, выберусь – первым делом оторву тебе голову!». Ричардс знал с десятков языков – помимо европейских владел турецким, фарси, арабским, русским, тагальским, хинди и даже немного суахили.

Порой в болтовне Бэбкока он различал искореженные, безбожно перемешанные слова, но сейчас, как ни напрягал слух, ничего внятного не улавливал.

– Не спится?

Ричардс обернулся. В дверях стоял Сайкс с чашкой кофе в руках. Он был по-прежнему в форме, только снял галстук и расстегнул мундир. Сайкс пригладил седеющие волосы и развернул кресло так, чтобы сесть лицом к Ричардсу.

– Если честно, мне тоже, – признался Сайкс.

Ричардс уже собрался спросить Сайкса о снах, но передумал: к чему пустое сотрясение воздуха, если ответ читается на лице полковника?

– Я не сплю, – покачал головой Ричардс. – То есть почти не сплю.

– Ясно... Конечно, когда же вам спать? – Сайкс пожал плечами и, сообразив, что ответа не последует, показал на мониторы. – Внизу все нормально?

Ричардс кивнул.

– Под луной больше никто погулять не желает?

Разумеется, он имел в виду Джека с Сэмом, уборщиков и незадачливых беглецов. Вообще-то любовью к иронии и сарказму полковник не отличался, но имел полное право выпустить пар. Чертовы кретины, в мусорные контейнеры спрятались! Вообще-то караульным полагается проверять все, что покидает объект или проникает на его территорию, но они мальчишки, завербовавшиеся на обычную военную службу, вот и ведут себя, как школьники, потому что жизненного опыта шиш да маленько. Каждого из них следовало постоянно держать за яйца, а Сайкс ослабил контроль.

– Я провел с дежурным разъяснительную беседу и уверен, она запомнится ему навсегда.

– Не расскажете, что стало с беглецами?

На эту тему Ричардс распространяться не желал. Да, Сайкс в нем нуждался, но симпатию вряд ли испытывал и недавний поступок точно бы не одобрил.

Сайкс поднялся, обогнув стол Ричардса, подошел к мониторам и отрегулировал изображение так, чтобы захватить крупным планом гермозону Ноля.

– Лир и Фаннинг дружили, – задумчиво произнес полковник.

– Да, я в курсе, – кивнул Ричардс.

– Э-эх! – не сводя глаз с монитора, вздохнул Сайкс. – Вот тебе и дружеское отношение! – Он повернулся к Ричардсу, который по-прежнему сидел за компьютером. Судя по сизым щекам, полковник не брился уже пару дней. Он близоруко щурился на ярком свете люминесцентных ламп и, казалось, не понимал, где находится. – А как насчет нас с вами? – вдруг спросил он. – Мы друзья?

Ричардс едва не присвистнул: ничего себе, так сны Сайкса еще ужаснее? Дружба... Кого это волнует?

– Разумеется, друзья, – отозвался он и позволил себе улыбнуться.

Сайкс впился в него взглядом.

– Вероятно, это не очень важно, – пробормотал он. – Но все равно спасибо!

Ричардс понимал, что терзает Сайкса – девочка. У полковника было два взрослых сына, оба выпускники Уэст-Пойнта, как и он сам. Старший занимался чем-то связанным с разведкой в Пентагоне, а младший служил в Саудовской Аравии в составе танковой части. Кажется, сыновья успели подарить ему внуков, о которых Сайкс вскользь упоминал. О семьях они говорили крайне редко... Так или иначе, решение привезти девочку полковнику не нравилось. А вот Ричардсу на план Лира было откровенно плевать.

– Вам стоит немного поспать, – посоветовал Ричардс и взглянул на часы. – Очередной теплый прием ожидает нас через три часа.

– Тогда, пожалуй, и ложиться незачем. – Сайкс уже шагнул к двери, но вдруг обернулся и снова поднял усталые глаза на Ричардса. – Строго между нами... Могу поинтересоваться, как вам удалось организовать столь быструю доставку?

– Особых проблем не возникло, – пожал плечами Ричардс. – Из Уэйко его вывезли на военном самолете. Там хоть и резервисты, но воздушная трасса имеет федеральное значение. Самолет приземлился в Денвере вскоре после полуночи.

Сайкс нахмурился.

– Трасса федерального значения – это серьезно, но все равно получилось слишком быстро. Не знаете, из-за чего спешка?

Полной уверенности у Ричардса не было: приказ поступил из Управления по специальным видам оружия, но, если играть в угадайку, он предположил бы, что тут задействованы узкая койка, залитая консервированным супом конфорка переносной плитки, год без солнца и свежего воздуха, кошмары, мотель «Ред руф» и так далее. В принципе, если скрупулезно проанализировать ситуацию (чем Ричардс давно перестал заниматься), то все без исключения события сводились к миловидной заучке Элизабет Мейком Лир, ее долгой битве с раком и прочее, и прочее, и прочее.

– Я заручился поддержкой Лэнгли – за ними должок числился, вот они нам соломку и подстелили, причем всю дорогу, и в прямом и в переносном смысле. Картера будто никогда и не существовало. По большому счету он призрак, даже сигарет купить не сможет.

– Живого человека призраком не назовешь, – нахмурился Сайкс. – У каждого есть знакомые и знакомые знакомых.

– Да, пожалуй, но этот парень буквально на пороге призрачного состояния.

Сайкс промолчал, и оба прекрасно понимали, чем это молчание вызвано.

– Ясно, – вздохнул полковник, – но мне все равно не нравится. Недаром же у нас есть протокол, целый перечень правил. Тридцать дней, три промежуточные тюрьмы, и лишь потом субъекта привозят сюда.

– Это приказ? – в шутку спросил Ричардс. Строго говоря, Сайкс не мог ему приказывать и командиром считался лишь потому, что Ричардс позволял.

– Нет-нет, что вы! – покачал головой Сайкс и подавил зевок. – Не возвращать же субъекта в тюрьму! – Он постучал по косяку. – Дайте знать, когда его привезут. Я буду у себя, спать не лягу.

Поразительно, но едва за полковником закрылась дверь, Ричардс пожалел, что не попросил его остаться. Может, в какой-то степени они действительно друзья? Ричардсу доводилось заниматься самыми разными проектами, и он знал: в определенный момент отношения створаживаются, словно забытое на столе молоко. Работа отходит на второй план, осторожность забывается – так и подмывает излить душу. Это случается, когда к человеку по-настоящему привязываешься, и ни к чему хорошему не приводит. После взаимных откровений все быстро идет под откос.

Картер ничего особенного собой не представлял – так, очередной смертник, утильсырье в человеческом обличье. Но шестилетняя девочка... Она-то Лиру зачем?

Ричардс вновь сосредоточил внимание на мониторах и надел наушники. Бэбкок по-прежнему болтал, забившись в угол. Почему же этот дебил не дает ему покоя? Порой кажется, что Бэбкок владеет его душой, по крайней мере отчасти... Ощущение дурацкое, только как же от него избавиться? Ричардс часами просиживал перед мониторами, вслушиваясь в бормотание, и нередко засыпал прямо в наушниках, за рабочим столом.

Ричардс взглянул на часы. Сколько было времени, он примерно представлял, но удержаться не смог. Начало четвертого. Раскладывать новый пасьянс не хотелось – плевать на малолетнего говнюка из Сизтла! – и время, оставшееся до прибытия микроавтобуса, раскрыло кровожадную пасть. Чуть зазеваешься, и оно проглотит тебя целиком!

Сопротивляться бесполезно. Ричардс отрегулировал громкость и, откинувшись на спинку стула, принялся вслушиваться в невнятное бормотание.

6

Лейси разбудил шелест дождя о листву за окном.

Эми...

Где Эми?

Лейси быстро поднялась и, накинув халат, побежала на первый этаж. Однако с каждой ступенькой паника улетучивалась: девочка наверняка спустилась позавтракать, посмотреть телевизор или просто оглядеться! Так и оказалось: Эми в новой розовой пижаме сидела на кухне и лакобилась горячими вафлями. Во главе стола устроилась сестра Клэр с чашкой кофе и свежим номером мемфисской газеты «Коммершл эпил». Фактически Клэр была еще не сестрой, а послушницей. Влажная футболка, тренировочные брюки и покрасневшее лицо говорили о том, что Клэр только вернулась с пробежки по Овертон-парку.

Послушница отложила газету и улыбнулась Лейси.

– Хорошо, что ты проснулась! А мы уже позавтракали, правда, Эми?

Малышка кивнула, не переставая жевать. Прежде чем стать послушницей, Клэр жила в Сиэтле и занималась продажей недвижимости. Лейси мельком взглянула на газету – ясно, «Дома и квартиры в аренду и собственность». Узнай сестра Арнетт, какой рубрикой интересуется послушница, на-гора выдала бы лекцию о соблазнах и пороках материального мира. Часы над плитой показывали начало девятого, значит, все сестры были на мессе в часовенке. Лейси стало стыдно – как же ее угораздило проспаться?!

– На утренней службе я была, – заявила Клэр, точно прочитав мысли Лейси. Клэр часто ходила на шестичасовую службу, чтобы освободить время для пробежек, которые она называла «молитвой деве Марии Эндорфинской». В отличие от большинства сестер, служивших Господу с детства, Клэр прожила в миру целую жизнь: была замужем, зарабатывала деньги, имела в собственности квартиру, дорогие туфли, «хонду-аккорд» и так далее. Монашеский обет она приняла почти сорокалетней, после того как развелась с «худшим мужем на свете». Подробностей не знал никто, вероятно, за исключением сестры Арнетт, но Лейси нередко задавалась вопросом: разве можно прожить две совершенно разные жизни? Порой у Клэр вырывались фразы вроде «Какие красивые туфли!» или «"Винтаж-парк" – единственный приличный отель в Сиэтле», которые сестры встречали неодобрительно-завистливым молчанием. За подарками для Эми ездила именно Клэр, ведь, по сути, кроме нее, выбирать и покупать подарки никто не умел.

– Если поторопишься, успеешь к восьмичасовой мессе, – сказала Клэр, хотя, разумеется, было уже поздно. Лейси понимала, что послушница имеет в виду другое: «Могу посидеть с Эми».

Лейси взглянула на девочку: за ночь черные волосы спутались, зато, судя по розовым щечкам и блестящим глазам, малышка выспалась.

– Спасибо, Клэр, – проговорила Лейси, поправляя челку девочки, – но, раз уж у меня гостит Эми, я в виде исключения...

– Ни слова больше! – со смехом перебила Клэр. – Я тебя прикрою!

Лейси начала строить планы. Она ведь хотела сводить Эми в зоопарк! Интересно, во сколько он открывается? А дождь им не помешает? Разумеется, удобнее было уйти до возвращения сестер, причем сразу по двум причинам. Во-первых, всех заинтересует, почему Лейси пропустила мессу, а во-вторых, как из рога изобилия посыплются вопросы об Эми. Ложь пока спасала, но Лейси чувствовала ненадежность своего положения. Казалось, она стоит на трухлявых, изъеденных червями половицах.

Когда Эми расправилась с вафлями и большим стаканом молока, Лейси повела ее наверх и быстро передела в новые, еще жестковатые джинсы и футболку с надписью «Шпилька», выведенной крупными блестящими буквами. Решиться на подобную покупку могла только Клэр. Сестре Арнетт футболка бы точно не понравилась – увидев ее, она, как обычно, вздохнула бы и покачала головой, портя всем настроение. Только Лейси знала: футболка прелестна, и именно о такой мечтает каждая девочка! Простая, но благодаря блескам нарядная, Господь наверняка ниспослал бы ее малышке вроде Эми, чтобы подарить хоть немного радости. Лейси умыла Эми, осторожно очищая ее щеки от сиропа, причесала, а потом оделась сама: белая блузка, серая юбка в складку, покрывало – все так же, как вчера. Дождь перестал, погода медленно исправлялась. Лейси поняла, что день будет жарким: на смену холодному фронту, принесшему ночной дождь, с юга надвигалось тепло.

Лейси надеялась, что на билеты и сладости денег хватит, а до зоопарка вполне можно прогуляться пешком. Когда они с Эми вышли из монастыря, на улице было жарковато и пахло влажной травой. Церковные колокола отзвонили девять – вот-вот должна была закончиться месса. В аптекарском огороде, где стараниями сестры Луизы росли розмарин, эстрагон, базилик и другие травы, царил дивный терпкий аромат. Лейси повела Эми к воротам, за которыми начинался парк. Там уже собирались горожане, чтобы насладиться первым по-настоящему теплым весенним днем и ласковым солнцем: молодые люди выгуливали собак и играли с фрисби, бегуны наматывали круги по любимым дорожкам, семьи занимали столики для пикника и площадки для барбекю. Зоопарк примыкал к парку с севера и тянулся вдоль широкого проспекта, который словно острым ножом вспарывал район. Через дорогу раскинулся старый центр города, некогда славившийся элегантными особняками и ухоженными лужайками. Теперь его заполнили наспех возведенные лачуги с продавленными крылечками и развалюхами-машинами в вытоптанных, захламленных двориках. Местные жители, особенно молодые, чем-то напоминали крыс: передвигались стайками, шныряли то в одну подворотню, то в другую и вместе бежали дальше. Все как один казались отупевшими от безделья и озлобленными. Этот район населяли в основном чернокожие, но они так сильно отличались от Лейси! Что такое настоящая бедность, Лейси не знала. Ее отец работал в министерстве, а мать и на матчи по поло, и во фритаунские магазины выезжала на машине с личным водителем. На одном из приемов сам президент танцевал с ней вальс.

У ворот зоопарка весенняя свежесть не ощущалась: ее перебивали запахи животных и жареного арахиса. К входу уже тянулась очередь. Лейси купила билеты, тщательно пересчитала сдачу, затем взяла Эми за руку и провела через турникет. За плечами девочка несла рюкзачок с кроликом Питером. Лейси хотела предложить ей оставить рюкзак в монастыре, но, увидев, как вспыхнули глаза девочки, поняла: это исключено, с рюкзачком Эми не расстанется.

– Ну, кого хочешь посмотреть? – спросила монахиня. Футах в двадцати от турникета стояло табло с большой картой – на ней разными цветами обозначались зоны, где держали тот или иной вид животных и птиц. Карту изучала семейная пара: у мужчины на шее висел фотоаппарат, а женщина осторожно катала туда-сюда коляску, в которой на розовой подушке под розовым же одеяльцем спал малыш. Женщина подозрительно взглянула на Лейси – почему белую девочку сопровождает темнокожая монахиня? – но потом растянула губы в смущенной извиняющейся улыбке, и они с мужем отошли.

Эми взглядела в карту. Лейси не представляла, умеет ли она читать, впрочем, рядом со всеми надписями были картинки.

– Не знаю, – проговорила малышка, – наверно, медведей.

– Каких именно?

Девочка еще внимательнее всмотрелась в картинки.

– Белых медведей, – ответила она, и ее глаза загорелись от нетерпения. Эми радовалась, что попала в зоопарк, и любовь к животным теперь объединяла их с Лейси. По крайней мере, на это искренне надеялась монахиня. Посетители один за другим проходили через турникет, и в зоопарке становилосьлюдно. – А еще зебр, слонов и обезьян.

– Отлично, – улыбнулась Лейси, – посмотрим всех.

Они купили в киоске большую пачку жареного арахиса и зашагали по дорожке в глубь зоопарка, откуда доносились всевозможные звуки и запахи. У вольера с бассейном, где держали белых медведей, слышались смех, плеск воды, вопли притворного ужаса, взрослые и детские голоса. Эми неожиданно выпустила руку Лейси и бросилась вперед.

Лейси протиснулась сквозь толпу посетителей, облепивших бассейн. Эми стояла в паре дюймов от стекла, сквозь которое можно было наблюдать, как медведи плавают и ныряют. Скалы, разрисованные под глыбы льда, «арктическая» голубая вода – зрелище получилось прелюбопытное. Три медведя грелись на солнышке, растянувшись на камнях, словно коврики у камина, а четвертый плескался в бассейне. На глазах у Эми и Лейси он подплыл к бортику, нырнул и прижал нос к стеклу. Вокруг все заохали и заахали, а по спине, рукам и ногам Лейси побежали ледяные змейки страха. Эми прикоснулась к запотевшему стеклу, которое отделяло ее от медвежьей морды. Медведь раскрыл пасть и высунул розовый язык.

– Осторожно! – предупредил кто-то из стоявших сзади мужчин. – На вид они душки, но ты, деточка, для него просто обед.

Лейси обернулась: кто это сказал? Кто решил напугать ребенка? Но в их сторону никто не смотрел: все улыбались и наблюдали за медведями.

– Эми, – тихо начала она, коснувшись плеча малышки, – не стоит их дразнить!

Но девочка ее точно не слышала и еще плотнее прижалась к стеклу.

– Как тебя зовут? – спросила она медведя.

– Эми, пожалуйста, не стой так близко! – попросила Лейси.

Девочка погладила стекло.

– У него есть медвежье имя, но мне его не выговорить.

Потрясенная Лейси не знала, что сказать. Это игра?

– У медведя есть имя?

Девочка прищурилась. Судя по выражению лица, она знала какой-то секрет.

– Конечно, есть!

– Это он тебе сказал?

Во все стороны полетели брызги: в бассейн нырнул второй медведь. Рассекая голубую воду, он – или она? – поплыл прямо к Эми. Через пару секунд в стекло тыкались уже два медведя, каждый размером с легковой автомобиль. Подводные струи теребили их короткий желтоватый мех.

– Смотри, доченька! – воскликнула женщина, которую Лейси видела возле карты. Теперь она стояла у бассейна, приподняв дочку за плечи, словно тряпичную куклу. Молодая мать была в шортах, футболке и шлепанцах, а длинные волосы убрала в тугий хвост. Под тонким трикотажем футболки колыхался обвисший после родов живот. Ее муж ждал неподалеку – охранял коляску и держал наготове фотоаппарат. – Ты им нравишься! – сказала женщина Эми. – Смотри, солнышко! – пропела она, качая дочку так, что руки малышки захлопали, как птичьи крылья. – Смотри, какие мишки! Дорогой, сними нас! Сними!

– Не могу, – отозвался муж. – Вы же обе от объектива отвернулись!

– Да ладно тебе! – раздосадованно проговорила женщина. – Отвернулись, не отвернулись, ты, главное, снимай, пока она улыбается! Неужели так сложно?

Плеск – гигантские брызги, снова плеск – снова брызги, на глазах у изумленной Лейси творилось невероятное. Стекло завибрировало, вода поднялась до самого края перегородки и хлынула наружу. Посетители ошарашенно застыли.

– Берегись!

Вода хлестнула Лейси, словно миллион ледяных ладоней, соленой струей промыла рот и отогнала от стеклянной перегородки. Послышались крики, детский плач ребенка, а потом истерический вопль молодой матери: «Прочь, прочь, мерзкие твари!» Лишь когда Лейси толкнули, она сообразила, что зажмурилась, пряча глаза от соленой воды. Не удержавшись на ногах, она упала на стоящих сзади. Сейчас, сейчас зазвенит битое стекло, хлынет ледяная вода...

– Эми!

Разлепив веки, монахиня увидела прямо перед собой мужское лицо. Это же супруг той женщины с ребенком! Вокруг воцарилась тишина. Стекло, как ни странно, выдержало.

– Извините, – покачал головой мужчина, – я споткнулся и нечаянно толкнул вас. Сестра, что с вами?

– Черт подери! – сверху закричала на них его жена. Ее одежда промокла насквозь, конский хвост превратился в крысиный. Малышка, которую она теперь прижимала к груди, заходила от плача. – Что вытворяет ваша девчонка? – гневно осведомилась она, и Лейси поняла: вопрос адресован ей.

– Простите! – пролепетала она. – Даже не знаю, как...

– Вы только гляньте на нее!

Отпрянувшие от бассейна посетители не сводили глаз от темноволосой девочки с рюкзаком. Эми встала на колени и прижала руки к стеклу, в которое уткнулись четыре медвежьих морды.

Лейси бросилась к ней. Эми наклонила голову, вода ручьем текла с мокрых волос на колени, только девочку это не тревожило. Ее губы шевелились, точно в молитве.

– Эми, Эми, в чем дело?

– Девочка разговаривает с медведями! – крикнул кто-то, и толпа изумленно загудела. – Сами посмотрите!

Вокруг защелкали фотоаппараты. Лейси опустилась на корточки рядом с Эми и осторожно убрала с ее лба мокрую темную прядь. По щекам девочки катились слезы, перемешиваясь с водой из бассейна.

– В чем дело? Скажи мне, дитя!

– Медведи знают! – не отрывая рук от стекла, прошептала Эми.

– Что, что знают медведи?

Девочка подняла глаза. Никогда в жизни Лейси не видела в глазах ребенка столько грусти и безысходности. А вот страха в них не было. Что бы ни сказали ей медведи, она смирилась.

– Они знают, кто я.

* * *

Просидев целый час на кухне монастыря сестер милосердия, сестра Арнетт решила что-то предпринять.

Часы пробили девять, потом полдесятого, потом десять, а Лейси с этой девочкой, Эми, не возвращались. В конце концов сестра Клэр нехотя, но рассказала, как все случилось: Лейси пропустила мессу и вскоре после завтрака увела Эми из монастыря, причем девочка взяла рюкзак. Клэр слышала, как они выходили, а потом, выглянув в окно, увидела обеих у ворот, за которыми начинался парк.

Лейси что-то задумала. Арнетт следовало догадаться. Печальная история о заболевшей матери подруги прозвучала неубедительно, и настоятельница сразу почувствовала фальшь,

ну, если не фальшь, то недоверие, за ночь переросшее в подозрение: тут что-то не так. Подобно мисс Клавель из книжки про Мадлен, сестра Арнетт знала.

Теперь же, опять-таки как в книжке про Мадлен, исчезла маленькая девочка.

О прошлом Лейси никто из сестер не знал, не знала и сама Арнетт, пока из офиса главы ордена не прислали результат психиатрического освидетельствования. Много лет назад настоятельница слышала что-то подобное в новостях. Только ведь «подобное» происходит в Африке сплошь и рядом! В крошечных африканских странах человеческая жизнь не стоит ничего, а пути Господни совершенно непостижимы и неисследимы. От чудовищных историй болело сердце, но их было столько, что сердце болеть устало, и Арнетт мысленно закрыла эту тему, пока ее заботам не вверили Лейси, примерную почти во всех отношениях монахиню, хотя чересчур замкнутую и чересчур увлеченную мистицизмом. Правду о ней знала одна сестра Арнетт. С тех пор как миротворцы ООН отыскивали девочку в поле и отдали в монастырь, Лейси утверждала и, вне всяких сомнений, верила, что ее родные по-прежнему в Сьерра-Леоне, ходят на балы и играют в поло. Разумеется, это Господь Своей милостью защитил Лейси от страшных воспоминаний. Ведь, убив родных девочки, солдаты не ушли, а провели с ней в поле несколько часов, а потом бросили умирать. Лейси умерла бы, не сотри милосердный Господь из ее памяти все воспоминания. Он не забрал девочку к Себе, таким образом выразив Свою волю, в которой сомневаться не пристало. Тайна прошлого Лейси и все вытекающие тревоги были тяжелой ношей, и эту ношу следовало нести безропотно.

А теперь в монастыре неизвестно откуда появилась маленькая девочка Эми, не по-детски вежливая и тихая. Вот только сама ситуация выглядела подозрительной, более того, невероятной. Чем дальше сестра-настоятельница размышляла над рассказом Лейси, тем больше дыр в нем находила. Лейси дружит с матерью девочки? Ложь! За исключением ежедневной мессы, Лейси почти не покидала монастырь. Где и когда могла она подружиться со странной женщиной, да так близко, чтобы та доверила ей дочь? Объяснения у Арнетт не находилось, потому что его просто не существовало. Лейси солгала, а теперь исчезла вместе с девочкой...

Досидев на кухне монастыря до половины одиннадцатого, сестра Арнетт приняла решение. Только что сказать? С чего начать? С Эми? Девочка появилась, когда Лейси была в монастыре одна, что случалось нередко. Сколько раз Арнетт пыталась вытащить ее «в люди»: на склад, на прогулку, в магазин – куда угодно... Лейси вечно отказывалась, делая отрешенное лицо: «Спасибо, сестра, но лучше в другой раз». Три, четыре года подобных отговорок, и вот из ниоткуда появилась Эми, которую Лейси якобы знала. Если звонить в полицию, начать придется с самого начала, то есть с детства Лейси и трагедии на поле.

Арнетт взяла трубку.

– Сестра Арнетт!

Арнетт обернулась: сестра Клэр! Та самая Клэр, которая явилась на кухню в футболке и спортивных брюках, хотя должна была давно переодеться; та самая Клэр, которая продавала недвижимость, которая не только успела побывать замужем, но и развелась, которая до сих пор хранила в шкафу черное платье для коктейлей и туфли на высоком каблуке. Сейчас все эти проблемы отодвинулись на второй план, а мысли сестры Арнетт были о другом.

– Сестра Арнетт, – встревоженно начала Клэр, – на подъездной аллее машина.

Настоятельница положила трубку на базу.

– Какая еще машина?

– Кажется... – Клэр замялась. – Кажется, это полиция.

Сестра Арнетт подошла к двери в тот самый миг, когда непрошеные гости нажали кнопку звонка. Она отодвинула занавеску на торцевом окне и выглянула на улицу. На залитых солнцем ступеньках крыльца стояли двое мужчин: один чуть за двадцать, второй постарше, но по меркам Арнетт все равно молодой. В темных костюмах и галстуках оба напоминали распорядителей похорон. Явно представители закона, но не полиция, а кто-то

серьезнее и официальнее. Старший заметил Арнетт, дружелюбно улыбнулся, но не сказал ни слова. «Симпатичный, хотя, в принципе, ничего особенного», – машинально отметила монахиня, оценивая правильные черты лица и ладно скроенную фигуру гостя. На висках уже появилась седина, сейчас блестящая от капелек пота.

– Так мы откроем? – спросила сестра Клэр. Рядом с ней стояла сестра Луиза, которая спустилась вниз, услышав звонок.

Арнетт сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Да, разумеется! – Дверь она открыла, а сетчатый экран оставила запертым на защелку. Незваные гости приблизились.

– Что вам угодно, господа?

Старший достал из нагрудного кармана небольшой бумажник, раскрыл, и Арнетт увидела крупные буквы: «ФБР».

– Мэм, я специальный агент Уолгаст, а это специальный агент Дойл... – Бумажник тут же исчез в недрах кармана. Арнетт заметила на подбородке агента царапину: вероятно, при бритье порезался. – Простите, что беспокоим вас субботним утром...

– Это из-за Эми! – выпалила Арнетт, сама не зная почему. Просто вырвалось или каким-то образом вырвали специальные агенты. Они молчали, а монахиня не унималась: – Так ведь? Так ведь? Это из-за Эми?

Старший из агентов ободряюще улыбнулся сестре Луизе, которая стояла чуть в стороне, потом переключил внимание на Арнетт.

– Да, мэм, из-за Эми. Вы позволите войти? Хотелось бы задать вам и другим сестрам пару вопросов.

Так они и попали в гостиную монастыря сестер милосердия, двое крупных мужчин в темных костюмах, терпко пахнущие потом. От их присутствия гостиная точно съезжилась, и стало тесно. Единственными мужчинами, регулярно переступающими порог монастыря, были ремонтные рабочие и отец Фаган из местного прихода.

– Извините, но не могли бы вы еще раз назвать ваши имена? – попросила Арнетт.

– Разумеется. – Старший снова одарил монахинь уверенной, обворожительно-вкрадчивой улыбкой. Младший до сих пор не сказал ни слова. – Я агент Уолгаст, это агент Дойл... – Он огляделся по сторонам. – Эми здесь?

– Зачем она вам? – вмешалась сестра Клэр.

– Боюсь, сестры, всего я сообщить не могу. Вам следует знать одно: Эми – свидетель судебного разбирательства, которое проводит ФБР. Нас прислали, чтобы обеспечить ее безопасность.

Свидетель судебного разбирательства... Грудь сестры Арнетт судорожно сжалась: все оказалось куда хуже, чем она представляла. Эми – свидетель судебного разбирательства! Такие выражения она слышала по телевизору в детективных сериалах, которые не любила, но порой смотрела за компанию с другими сестрами.

– Что натворила Лейси?

– Лейси? – Уолгаст заинтересованно изогнул брови.

Арнетт не сомневалась: агент притворяется, что понимает, о ком речь, надеясь разговаривать ее и вытянуть информацию. Она ему только что подыграла – назвала имя Лейси, которое прежде не упоминалось. Арнетт спиной чувствовала неодобрительные взгляды и многозначительное молчание сестер.

– Сестра Лейси, – с преувеличенным спокойствием пояснила Арнетт. – Она заявила, что мать Эми – ее подруга.

– Ах, вот как... – Уолгаст взглянул на молодого коллегу. – Пожалуй, с ней нам тоже стоит поговорить.

– Нам грозит опасность? – не выдержала сестра Луиза.

Арнетт обернулась и обожгла ее свирепым взглядом: молчи, мол.

– Сестра, понимаю, вы хотите как лучше, но, пожалуйста, позвольте мне самой уладить ситуацию!

– Не волнуйтесь, вы вне опасности, – терпеливо объяснил агент Уолгаст, – однако нам необходимо поговорить с сестрой Лейси. Она сейчас в монастыре?

– Нет! – Сестра Клэр вызывающе скрестила руки на груди. – Они с Эми ушли примерно час назад.

– Не знаете, куда они отправились?

Воцарилась тишина, которую нарушил телефонный звонок.

– Прошу меня извинить! – ухватилась за спасительную соломинку Арнетт и чуть ли не бегом бросилась на кухню. Сердце бешено стучало, но монахиня радовалась возникшей паузе, потому что получила время на размышление. Подняв трубку, она услышала совершенно незнакомый голос.

– Это монастырь? Извините за беспокойство, но у нас тут ваши... хм, ваши подопечные.

– Кто это?

– Простите! – Мужчина торопился и частил. – Я Джо Мерфи, начальник охраны мемфисского зоопарка.

В трубке послышался шум. «Откройте ворота! Да, да, сейчас же!» – велел кому-то начальник охраны, а потом обратился к Арнетт:

– Знаете монахиню, которая привела к нам в зоопарк маленькую девочку? Молодая женщина, чернокожая, на голове покрывало...

Жужжащая невесомость роем диких пчел заполнила сознание сестры Арнетт: этим утром, погожим мартовским утром, случилось нечто ужасное. Дверь в кухню распахнулась – вошли агенты ФБР, а за ними сестры Клэр и Луиза. Все четверо смотрели на Арнетт.

– Да, знаю, – Арнетт говорила вполголоса, но особого смысла это уже не имело. – В чем дело? Что стряслось?

На том конце провода воцарилась тишина: начальник охраны прикрыл трубку рукой, но в следующий миг Арнетт услышала детский плач и истерические вопли, фоном которых служили крики, визг и рев животных: обезьян, слонов, львов и неизвестно кого еще. Далеко не сразу монахиня поняла: звуки доносятся не только из трубки, но и в раскрытое окно кухни.

– В чем дело? – испуганно спросила она у охранника.

– Сестра, вам стоит сюда прийти! – заявил тот. – В зоопарке творится черт знает что!

* * *

Насквозь промокшая Лейси прижимала к груди Эми. Девочка крепко обвила ножками ее талию, и Лейси бежала куда глаза глядят, пока не заблудилась в лабиринте дорожек. «Они знают, знают, кто я!» – всхлипывала Эми, уткнувшись в плечо Лейси. Вокруг царил хаос. Начался он с белых медведей, которые как бешеные напирали на стеклянную перегородку, пока Лейси не оттащила Эми подальше, но тут в соседнем бассейне всполошились морские львы – стали не нырять, а испуганно биться о воду. Лейси с малышкой свернули в центральную часть зоопарка, где сразу же занервничали обитатели выгонов: газели, зебры, жирафы и окапи забегали кругами, то и дело бросаясь на ограду. Лейси не сомневалась: каким-то образом Эми вызвала панику, распространившуюся не только на животных, но и на людей. Волна хаоса грозила захлестнуть весь зоопарк. У загона со слонами Лейси тотчас почувствовала силу гигантских животных, которые затопали ножищами и, подняв хоботы, оглушительно затрубили. Носорог снова и снова врезался в ограждение, яростно тараня его

массивным рогом, – ни дать ни взять водитель-камикадзе! Воздух буквально вибрировал от какофонии криков, визга, испуганных воплей. Люди носились сломя голову, агрессивно работали локтями, но, едва завидев Лейси, расступались.

– Вон она! – Истеричный вопль стрелой вонзился в спину монахини. Мужчина с фотоаппаратом стоял рядом с охранником в бледно-желтой футболке и тыкал пальцем в сторону Лейси и Эми. – Вон та девочка!

Крепко прижав к себе Эми, Лейси побежала прочь вдоль клеток с визжащими мартышками и вопящими на разные голоса тропическими птицами, вдоль пруда, где лебеди кричали и хлопали большими, но, увы, бесполезными крыльями. Из террариума поспешно выбирались всполошенные посетители. Путь неожиданно загородила стайка испуганных школьников в красных футболках, и Лейси лишь чудом не упала на асфальтовую дорожку, заваленную ореховой скорлупой, рекламными листовками, всевозможными обертками, включая фольговые фунтики с капельками тающего мороженого. Мимо пронесся отряд запыхавшихся мужчин, один из которых нес ружье. Откуда-то послышался неестественно спокойный механический голос: «Зоопарк закрывается. Всем посетителям пройти к ближайшему выходу! Зоопарк закрывается...»

Лейси в панике кружила по дорожкам: «Где главные ворота? Где хоть какой-нибудь выход? Где?» Вокруг рычали львы, истошно вопили бабуины, сурикаты и колобусы, которых она летними ночами слышала через окно спальни. Звуки доносились отовсюду, нестройным хором наполняли ее сознание, отдавались рикошетом, словно автоматные очереди в поле, словно отчаянный мамин крик: «Бегите, девочки, бегите!»

Лейси остановилась и в ту же секунду ощутила его присутствие. Его, мрачную тень, человека, незримо наблюдающего за происходящим. Он явился за Эми, вот что пытались сказать звери и птицы! Человек из мрака заберет Эми на поле, под пальмовые листья, на которые часами смотрела Лейси, когда лежала на земле, следила, как с наступлением утра бледнеет небо, слушала вопли, стоны и свои крики. Только душа боли не чувствовала: Лейси отправила ее далеко-далеко, выше пальм и облаков, прямо к Богу. В поле лежала совершенно чужая девочка, а саму Лейси окутал теплый золотой свет, дарующий тишину и покой.

Во рту было солоно не только от воды из бассейна: Лейси плакала и сквозь мерцающую пелену слез смотрела на дорожку, по которой убегала, судорожно прижав к себе Эми. Наконец она увидела киоск с большим зонтом, тот самый, где купила арахис, а рядом с ним – широкие, напоминающие разверстую пасть ворота. Охранники в желтых футболках громко переговаривались по рации и отчаянно махали посетителям: выходите, мол, живее! Крепко обняв Эми, Лейси набрала в легкие побольше воздуха и шагнула к воротам.

До выхода оставалась пара футов, когда на плечо легла рука. Лейси резко обернулась и увидела охранника. Он явно не собирался ее отпускать и жестикулировал свободной рукой, подзывая кого-то.

«Лейси... Лейси...»

– Пройдемте со мной, мэм!

Только Лейси и не думала задерживаться. Собрав последние силы, она рванула вперед. За спиной послышался недовольный ропот – от ее стремительного броска многие попадали – и крики охранника, требовавшего остановиться. Поздно! Лейси пулей вылетела за ворота зоопарка и понеслась к стоянке, навстречу реву сирен. Дыхание сбилось, по лицу струился пот, и Лейси чувствовала, что вот-вот рухнет на асфальт. Куда направляется, она не знала, да и разве это имело значение? «Подальше, подальше отсюда!» – подгоняла себя монахиня.

«Быстрее, дочь Моя, быстрее! Беги быстрее и уноси Эми!»

Тут со стороны зоопарка грянул выстрел, и Лейси застыла как вкопанная. Воцарилась тишина, которую нарушил скрип тормозов синего пикапа. От неожиданности Лейси даже ослабила объятия: пикап был монастырский, на нем сестры ездили в благотворительный

фонд и по другим делам. За рулем сидела сестра Клэр, так и не успевшая переодеться после утренней пробежки, а на пассажирском месте – сестра Арнетт, которая тотчас выбралась из машины. Секундой позже рядом с пикапом затормозил черный седан. Тем временем посетители спешно покидали зоопарк: машины одна за другой отъезжали от стоянки.

– Лейси, ради всего святого... – начала сестра Арнетт.

Из седана вышли двое. Двое, окутанные мраком... Сердце Лейси сжалось, крик застрял в горле, словно пробка в бутылке. Кто перед ней, она знала, даже не глядя на приехавших. «Поздно, все пропало!»

– Нет! – Лейси испуганно попятилась. – Нет!

Арнетт схватила ее за запястье.

– Сестра, немедленно возьмите себя в руки!

Двое из мрака приблизились и стали вырывать Эми из объятий Лейси. Та сопротивлялась из последних сил: без боя малышку она не отдаст!

– Не позволяйте им! – кричала Лейси. – Помогите мне, помогите!

– Сестра, эти люди из ФБР, вам следует выполнять их приказы!

– Не трогайте ее! – молила поваленная на асфальт Лейси. – Не трогайте! Не трогайте!

Теперь девочку вырывала сестра Арнетт. Так же, как и в поле, Лейси отчаянно билась, царапалась и рыдала.

– Эми! Эми! Эми!

Лейси громко всхлипнула: силы кончились, и Эми вырвали из ее объятий. «Лейси! Лейси!» – жалобно звала малышка. Сухо и безжалостно хлопнула дверца, взревел мотор, зашуршали колеса, и седан покатил прочь, стремительно набирая скорость. Лейси закрыла лицо руками.

– Не трогайте меня! Не трогайте! Не трогайте! – плача повторяла она.

Клэр опустила на колени и обняла дрожащую Лейси за плечи.

– Все в порядке, сестра, – звенящим от слез голосом проговорила она. – Все в порядке! Все будет хорошо...

Только Лейси знала, что это не так. Зачем себя обманывать? Хорошо теперь не будет ни ей, ни Клэр, ни Арнетт, ни шумной женщине с младенцем, ни охраннику в желтой футболке. Именно это пытались сказать ей голоса с той памятной ночи в поле...

«Лейси Антуанетт Кудото, сейчас ты все увидишь!»

И она увидела, наконец увидела наступающие армии, пламя кровавых битв, окопы и могилы, сотни миллионов погибших, расправляющий крылья мрак, горечь, злобу и жестокость, ужасы последних сражений, торжество смерти, пустые, утонувшие в вековой тишине города. Мир ожидало страшное будущее! Лейси плакала, успокаивалась, снова захлебывалась рыданиями... Лейси плакала, потому что, сидя на обочине дороги в Мемфисе, штат Теннесси, она видела Эми, свою Эми, которую не сумела спасти. Безымянную, безутешную, бесприютную, обреченную на вечные скитания по темному, забытому всеми миру, одинокую, без усталости повторяющую: «Кто я... Кто я... Кто я...»

7

Как же здесь холодно! Картера вытолкнули из самолета – первый в жизни перелет хотелось совершить в кресле у иллюминатора, но его запихнули в багажный отсек, приковали наручниками к какой-то трубе и приставили в надзиратели двух солдат. Что такое холод, Картер знал не понаслышке – как же иначе, если в январе приходилось ночевать под хьюстонской автострадой? – только здесь он ощущался иначе. Губы сохли – такой низкой была влажность, – да еще уши заложило. Сколько времени, Картер не представлял, но предполагал, что стоит глухая ночь, однако взлетное поле освещалось ярко, как тюремный двор. С

верхней ступеньки трапа он насчитал добрую дюжину самолетов, огромных, с огромными же дверями в задней части корпуса. По бетонной площадке сновали автопогрузчики с упакованными в камуфляж баулами. Камуфляж... Неужели ему суждено стать солдатом? В обмен на это ему подарили жизнь?

Уолгаст, того человека звали Уолгаст! Почему он доверился Уолгасту, никогда ведь никому не доверял?! Может, потому, что в глазах агента ФБР мелькнула искра понимания?

На запястьях и лодыжках кандалы – по трапу Картер спускался очень осторожно, боясь споткнуться. Один солдат шел впереди, второй – сзади. Ни с ним, ни между собой они не разговаривали. Поверх тюремной робы на Картера набросили куртку, но цепи кандалов мешали застегнуть молнию, и ветер пробирал насквозь. По взлетному полю Картера провели в ярко освещенный ангар, где ждал микроавтобус, и не просто ждал, а стоял с заведенным двигателем. Едва тройца приблизилась, двери тут же отворились.

– Залезай! – велел шедший сзади солдат и ткнул Картера дулом ружья.

Картер послушался. Двигатель заурчал, двери захлопнулись. В отличие от жесткой скамьи багажного отсека самолета автобусные сиденья оказались на диву мягкими. Единственным источником света была маленькая потолочная лампочка. Микроавтобус тронулся.

Во время перелета Картер выспался и усталости больше не чувствовал. Без окон и часов он не мог определить ни куда его везут, ни сколько миль проехали. Ничего, месяцами же сиднем сидел, потерпит еще немного! Картер полностью отрешился от происходящего, но вдруг почувствовал, что микроавтобус сбавляет скорость. За перегородкой, отделявшей кабину водителя, раздались приглушенные голоса, хотя о чем шла речь, разобрать не удалось. Микроавтобус рванул вперед, потом резко остановился.

Дверцы открылись, и Картер увидел, как выбравшиеся из кабины солдаты, белые парни в куртках поверх формы, топают ногами, чтобы согреться. За их спинами ярко светила неоновая М. «Макдоналдс»! Судя по шуму машин, они были на оживленном шоссе, а чуть посветлевшее небо подсказывало: наступает утро. Как же затекли руки и ноги!

– Держи! – Молодой солдат швырнул в салон бумажный пакет. – Завтрак!

Второй солдат поспешно дожевывал сэндвич.

В пакете обнаружили макмаффин с яйцом, хашбраун в бумажной упаковке и маленькая порция сока. Картер умирал от жажды и тут же пожалел, что сока так мало. Лучше бы дали воды, но побольше! Он жадно осушил пластиковый стаканчик. Даже десны защищало: настолько приторным был сок.

– Спасибо!

Солдат подавил зевок. Интересно, почему они такие любезные? Совсем не похожи на Клеща и других охранников из Террелла! У обоих пушки за пазухой, а они их точно не замечают!

– Ехать еще пару часов, – объявил солдат, когда Картер справился с завтраком. – Тебе отлить нужно?

В последний раз Картер мочился в самолете, но ведь с тех пор он и не пил, поэтому отлить было нечего. К тому же он с детства умел терпеть часами. Но представив «Макдоналдс», беззаботных посетителей, яркие огни и дурманящий запах еды, Картер понял, что хочет все это увидеть.

– Да, пожалуйста!

Солдат забрался в тесный салон, гремя сапогами по металлическому полу, присел на корточки, достал из патронной сумки блестящий ключ и открыл замок на кандалах. С такого расстояния Картер разглядел и рыжие волосы, и совсем юное лицо: да, его охранник едва справил двадцатилетие!

– Только без фокусов, ясно? – строго проговорил солдат. – Вообще-то мы не должны выпускать тебя из салона!

– Ясно, сэр!

– Застегни куртку, на улице собачий холод!

Солдаты повели Картера через стоянку: один шел справа, другой слева, совсем близко, но за локти не держали. Энтони уже не помнил, когда в последний раз наслаждался такой «свободой»: надо же, он делает шаг, второй, третий, и его не удерживают чужие руки! Он огляделся по сторонам: у большинства машин колорадские номера. Воздух пах чистотой, почти как «Клорокс», а по обе стороны от шоссе высились горы. У обочины лежал снег, целые сугробы, покрытые коркой льда. Настоящий снег Картер видел лишь пару раз в жизни.

Солдаты постучали в уборную и, когда никто не ответил, завели туда Картера. Точнее, один вошел вместе с Энтони, а второй остался караулить у двери. Писсуаров оказалось два, как раз для Картера и его молодого охранника.

– Держи руки на виду! – строго велел солдат и тут же захохотал: – Да я шучу!

Картер справил нужду и подошел к раковине. Хьюстонские «Макдоналдсы» чистотой не отличались, а уж их уборные – подавно. В районе Монтроуз был один, где Энтони периодически... нет, не ел, а мылся, пока менеджер не выследил и не прогнал. Зато эта уборная оказалась на диву аккуратной, даже уютной: и тебе жидкое мыло с цветочным запахом, и горшечное растение на подоконнике. Картер мыл руки не спеша, откровенно наслаждаясь теплой водой.

– Теперь во всех «Макдоналдсах» цветы стоят? – спросил он.

Молодой солдат недоуменно на него взглянул и расхохотался.

– Сколько ты за решеткой отдышал?

– Почти всю жизнь, – ответил Энтони, искренне недоумевая, что тут смешного.

Из уборной солдат повел Картера к напарнику, занявшему очередь в кассу. Солдаты по-прежнему не держали его за локти, и Энтони спокойно оглядел обеденный зал. Надо же, все белые – и сидящие в одиночку мужчины, и семейные пары, и женщина с мальчиком подросткового возраста, который играл в игру на сотовом.

Когда подошла очередь, рыжеволосый солдат заказал кофе.

– Что-нибудь еще хочешь? – спросил он у Картера.

Энтони задумался.

– Если только чаю со льдом...

– У вас есть чай со льдом? – спросил солдат у кассирши.

Девушка шумно возила во рту жвачку.

– Чай есть, но горячий, – пожав плечами, ответила она.

Солдат вопросительно взглянул на Картера, но тот покачал головой.

– Тогда только один кофе.

Когда вернулись в микроавтобус, солдаты назвали свои имена: Полсон и Дэвис. Один вырос в Коннектикуте, другой – в Нью-Мексико, впрочем, это Картера особо не интересовало, ведь до сегодняшнего дня для него существовал лишь один штат – Техас. Зато он запомнил главное: рыжеволосый – это Дэвис. Остаток пути Энтони проехал без кандалов, да еще смотрел в лобовое стекло, потому что солдаты решили не задвигать перегородку между салоном и кабиной. Они явно были в Колорадо, только где именно? Завидев впереди указатель, солдаты всякий раз приказывали закрыть глаза и смеялись, словно над удачной шуткой.

Вскоре с межштатного шоссе они свернули на сельскую дорогу, петлявшую у самых гор. С переднего сиденья Картер видел лишь часть окрестностей – ничего похожего на город, только высокие сугробы и редкие машины на встречной полосе: яркий свет фар, потом брызги талого снега. Никогда в жизни он не попадал в столь малонаселенное место! Часы на приборной панели показывали шесть.

– Здесь холодно, – заметил Картер.

За рулем сидел Полсон, а Дэвис читал комиксы.

– Да уж, – отозвался Полсон. – Спинной корсет Бет Поуп и тот теплее был!

– Кто такая Бет Поуп? – полюбопытствовал Картер.

– Моя школьная подружка, – не сводя глаз с дороги, отозвался Полсон. – У нее был этот, как его, сколиоз!

Картер снова не понял, в чем шутка, а Полсон с Дэвисом снова покатались от хохота. Что же, если Уолгаст выгнал его из Террелла ради работы с этой парочкой, ему крупно подфартило!

– Комиксы? Про Аквамэна? – спросил Картер.

Дэвис протянул ему пару журналов из стопки – «Лигу мщения» и «Людей Х». Для чтения не хватало света, но ведь главное в комиксах – картинки, их Картер и разглядывал. Росомаха – задира, и характер у него вспыльчивый, но Картер с детства любил его больше всех и жалел: алмаз алмазом, но каково с металлическим скелетом жить? Да и скольких друзей потерял этот бедняга!

Примерно через час Полсон притормозил у обочины.

– Извини, дружище, но придется снова посадить тебя на цепь.

– Ладно, – кивнул Картер. – Спасибо, что дали отдохнуть!

Дэвис выбрался из кабины, распахнул дверцу, запустив в салон поток холодного воздуха, надел на Картера кандалы и спрятал ключ в патронную сумку.

– Терпимо?

Картер снова кивнул.

– Долго еще ехать?

– Нет, не очень.

Дальше дорога явно пошла вверх. Неба Картер не видел, но чувствовал, что скоро рассветет. Когда сбавили скорость, чтобы пересечь длинный мост, ветер так и хлестал автобус.

За мостом Полсон неожиданно перехватил взгляд Картера в зеркале заднего обзора.

– Слушай, ты совершенно не похож на других, – начал солдат. – Прости за любопытство, но что ты натворил?

– На кого я не похож? На каких «других»?

– Ну, на других эзков. – Полсон повернулся к Дэвису. – Помнишь Бэбкока? – Он покачал головой и засмеялся. – Боже милостивый, ну и навозились мы с ним! – Полсон снова взглянул на Картера. – Тот парень – совсем другая птица, ты на него не похож.

– Я не чокнутый, – отозвался Картер, – судья тоже так сказал.

– Но ведь ты кого-то пришил, – не унимался Полсон. – Иначе бы не попал сюда!

«Наверное, мне и об этом все время рассказывать придется. Такое условие освобождения...» – решил Картер и сказал:

– Говорят, я убил женщину, но, честное слово, так вышло случайно!

– Что за женщина? Жена, подружка, зазноба какая? – Полсон улыбался в зеркало заднего обзора, а в его глазах горел живейший интерес.

– Нет. – Картер судорожно сглотнул. – Я стриг ее лужайку.

Полсон хохотнул и снова переглянулся с Дэвисом.

– Подумать только, он лужайку ей стриг! – Полсон посмотрел на Картера. – Как же ты справился, рост-то у тебя – одни слезы!

Что тут ответишь? У Картера возникло неприятное ощущение: эти двое любезничали с ним не просто так, а чтобы окончательно его запутать.

– Ну, колись, Энтони! Мы ведь и макмаффином тебя угостили, и поссать отвели, давай, колись!

– Заткнись, мать твою! – прошипел Дэвис. – Просто заткнись. Мы почти приехали, зачем сейчас дерьмо ворошить?

– Затем, что я хочу знать, чем отличился этот парень! – запальчиво отозвался Полсон. – Они же все чем-то отличились! Выкладывай, Энтони, что ты натворил? Ты сначала трахнул ее, а потом замочил?

Картер почувствовал, что заливается краской.

– Я бы никогда... никогда так не сделал, – через силу выдавил он.

– Не слушай этого говнюка, – посоветовал Дэвис. – Ты не обязан ему отвечать!

– Да ладно тебе, парень умственно отсталый, неужели не видишь? – подначил напарника Полсон и снова впился глазами в Картера. – Я угадал, да? Уверен, ты трахнул добрую белую леди, у которой стриг газоны. Что, Энтони, так все и было?

Картер чуть не подавился воздухом.

– Не хочу... не хочу больше об этом говорить!

– Знаешь, что они с тобой сделают? – гнул свое Полсон. – Думаешь, тебя просто так самолетом из другого штата доставили?

– Захлопни пасть, мать твою! – зашипел Дэвис. – Ричардс нам обоим задницы намылит!

– Да уж, черт его дери! – вздохнул Полсон.

– Тот человек... говорил о работе, – пролепетал Энтони. – Мол, дело очень важное, а я... особенный.

– Особенный! – заржал Полсон. – Ну конечно, особенный!

Воцарилась тишина. Борясь с подступившей тошнотой, Картер смотрел на пол салона. Зачем он только съел макмаффин! Из глаз покатались слезы. Когда он в последний раз плакал, сейчас и не вспомнить...

Никто, ни один человек в мире не обвинял его в изнасиловании хозяйки. Детективы спрашивали про девочку, но Энтони отвечал твердым «нет» и, бог свидетель, не лгал. Малышке едва пять исполнилось! Он хотел показать девочке лягушонка, которого нашел в траве, думал, ей понравится такой же малыш, как она... и все, ничего плохого вовсе и не замышлял! «Иди сюда, детка, посмотри, что я нашел!»

В Террелле Энтони, по крайней мере, знал, что с ним станет. И в изнасиловании миссис Вуд его никто не обвинял. В тот день она вдруг разозлилась, полезла в драку, начала кричать дочке, чтобы поскорее убегала. В бассейн она упала совсем не по вине Энтони: он лишь пытался ее успокоить, твердил, что ничего страшного не случилось, обещал уйти и больше не возвращаться, если она того желает. Он бы смирился, как смирился со всем, произошедшим впоследствии. Но вот явился Уолгаст, сказал, что укола можно избежать, тем самым направив мысли Энтони в иное русло. И вот к чему это привело! Он перестал что-либо понимать, затрясся, словно в лихорадке, и его все время тошнило.

Подняв голову, Картер увидел ухмылку Полсона. Солдат сделал страшные глаза и хлопнул по рулю.

– Бум! – Полсон залился хохотом, точно выдал лучшую шутку в жизни, и задвинул перегородку.

* * *

Уолгаст с Дойлом застряли где-то на юге Мемфиса, выбираясь из города бесконечным лабиринтом улочек. Операция с самого начала пошла наперекосяк. Уолгаст так и не понял, что стряслось в зоопарке. Посетители словно обезумели, одна монахиня, старуха Арнетт, повалила другую, Лейси, наземь и вырвала у нее из рук девочку.

Девочку... Эми БФ действительно оказалась лет шести. Уолгаст собирался положить бедламу конец, но Лейси отпустила девочку, а старуха Арнетт передала ее Дойлу, который в мгновение ока запихнул ребенка в машину. Пришлось быстро сматывать удочки, пока не

появилась местная полиция и не начала задавать вопросы. Неизвестно, сколько свидетелей осталось: события развивались слишком быстро.

Следовало бросить эту машину и взять новую, следовало позвонить Сайксу, следовало поскорее выбраться из Теннесси – да, действовать следовало именно в таком порядке и приступить немедленно. Эми лежала на заднем сиденье, отвернувшись к стене, и прижимала к груди плюшевого кролика, которого вытащила из рюкзака. Милый Господи, что он наделал?! Это же шестилетний ребенок! Отыскав среди безликих домов и супермаркетов заправочную станцию, Уолгаст заглушил мотор и повернулся к Дойлу. После зоопарка они и словом не перемолвились.

– Что ты натворил, черт подери?

– Брэд, послушай...

– Совсем крышу снесло? Протри глаза, она же ребенок!

– Так само собой получилось. – Дойл покачал головой. – В зоопарке полный хаос царил! Ладно, признаю, облажался, только что мне было делать?

Уолгаст набрал в легкие побольше воздуха и медленно выдохнул, стараясь успокоиться.

– Жди меня здесь! – Не добавив ни слова, он вылез из машины, позвонил на криптозащищенный номер Сайкса и без прамбулы сообщил: – У нас проблемы.

– Субъекта забрали?

– Забрали. Черт подери, она же ребенок!

– Агент Уолгаст, понимаю, вы злитесь...

– Да, представьте себе, злюсь! Осталось как минимум пятьдесят свидетелей, включая монахинь. У меня есть навязчивое желание высадить девочку у ближайшего полицейского участка!

– Агент Уолгаст, пожалуйста, послушайте! – выдержав небольшую паузу, попросил Сайкс. – Перво-наперво вам следует покинуть территорию штата. Дальнейшие действия обсудим потом.

– Дальнейших действий не будет! Меня не для таких заданий нанимали!

– По голосу слышу, вы расстроены. Что же, имеете полное право. Откуда звоните?

Уолгаст снова вдохнул поглубже, пытаясь справиться с эмоциями.

– С заправки на юге Мемфиса.

– Девочка в порядке?

– Физически – да.

– Не совершайте глупостей!

– Вы мне угрожаете? – гневно осведомился Уолгаст и тут же осознал суровую правду нынешней ситуации. Шанс выйти из игры они с Дойлом упустили еще в зоопарке и связали себя по рукам и ногам.

– Разве это необходимо? – отозвался Сайкс. – Ждите моего звонка!

Уолгаст отсоединился и вошел в мини-маркет. Продавец, аккуратный сикх в тюрбане, сидел за пуленепробиваемым окошком и смотрел по телевизору какое-то религиозное шоу. Решив, что девочка проголодалась, Уолгаст взял шоколадное молоко, арахисовые крекеры и понес к кассе. Так, главное не показывать лицо камерам слежения... Где тут они? Определить помешал завибрировавший на поясе сотовый. Уолгаст быстро расплатился и вышел на улицу.

– Могу прислать машину в Литл-Рок, – объявил Сайкс. – Назовите адрес, и вас встретит представитель местного отделения.

До Литл-Рока ехать как минимум два часа. Слишком долго! Двое мужчин в костюмах, маленькая девочка, темный седан – похищение в чистейшем виде, классика жанра, так сказать. Монахини, вероятно, уже номера копам сообщили. Если Эми объявили в розыск, да

еще и с кодом «Эмбер алерт» – экстренный поиск похищенных детей, – то через сканер на мосту им не проехать.

Уолгаст огляделся по сторонам и через дорогу увидел стоянку подержанных автомобилей, украшенную разноцветными флажками. Большинство машин годились только на то, чтобы жрать бензин, и «кормить» их желающих не было. На глаза попалась древняя развалюха, «шеви-тахо» с трафаретной надписью «Лучшая цена» на лобовом стекле.

Уолгаст кратко изложил свой план Сайксу, Дойлу велел дать Эми крекеры и молоко, а сам побежал к стоянке. Едва он приблизился к «тахо», из трейлера вышел мужчина в больших очках. Длинная прядь, зачесанная справа налево, прикрывала лысину.

– Красавец, да?

Уолгаст сбил цену до шести сотен и расстался почти со всеми наличными. Вот еще одна проблема для Сайкса, финансовая. На дворе суббота, значит, документы на «тахо» попадут в отдел транспортных средств не раньше понедельника, а к этому времени их с Дойлом и след простынет.

Дойл проехал вслед за ним около мили до соседнего жилого комплекса, припарковал седан подальше от дороги и перенес Эми в «тахо». Ну вот, вариант, конечно, не идеальный, но, если к концу дня люди Сайкса избавятся от развалюхи и заметут следы, этот маленький маневр пройдет незамеченным. Салон пропах дешевым освежителем воздуха, но оказался чистым и комфортным, да и одометр показывал вполне пристойный пробег – чуть более девяноста тысяч миль.

– Сколько у тебя наличными? – спросил Уолгаст напарника. Вдвоем они наскребли около трех сотен. На заправку полного бака требовалось как минимум двести долларов, зато бензина хватило бы до запада Арканзаса или даже до Оклахомы, а там пусть встречают с деньгами и новой машиной.

Они вернулись на территорию штата Миссисипи и поехали на запад к реке. День выдался ясный, голубизну неба нарушала лишь пара легких облаков. Эми неподвижно лежала на заднем сиденье. К еде она даже не притронулась. Господи, какая маленькая! У Уолгаста отчаянно сосало под ложечкой: эта машина – самое настоящее орудие преступления, а они с Дойлом – похитители. Прямо сейчас следовало убраться подальше от Теннесси, а что потом, Уолгаст понятия не имел. До моста они доехали примерно в час дня.

– Думаешь, пронесет? – с надеждой спросил Дойл.

– Сейчас выясним, – отозвался Уолгаст, глядя прямо перед собой.

Шлагбаум оказался поднят, караулка пустовала. «Тахо» легко скользнул на мост и понесся над широкой мутной рекой, распухшей от весеннего паводка. Под мостом целый караван барж плыл на север, против течения. Сканер считает электронный паспорт «тахо», но ведь он до сих пор числится на владельце автогаража! На восстановление цепочки уйдет несколько дней: нужно будет просмотреть отснятое камерами слежения, связать их с девочкой и с машиной. На другом берегу реки дорога терялась в бескрайних полях западной поймы. Уолгаст тщательно продумал маршрут – ни одного сравнительно крупного города до самого Литл-Рока. Он установил круиз-контроль на предельно допустимые знаками пятьдесят пять миль в час, недоумевая, каким образом Сайкс так здорово все рассчитал.

* * *

Когда микроавтобус с Энтони Каргером затормозил у ворот объекта, Ричардс спал, уронив голову на стол. Разбудила трель внутреннего телефона: звонили из караулки сообщить о прибытии Полсона с Дэвисом. Ричардс протер глаза и попытался сосредоточиться.

– Ведите его прямо ко мне!

Сайкса будить не стоило. Ричардс встал, потянулся, вызвал врача и представителя охраны, затем надел куртку и спустился по лестнице на первый этаж. С юга к зданию примыкал дебаркадер, за ним темнел лес, а еще дальше – речное ущелье. Когда-то на территории объекта располагался оздоровительный комплекс, нечто вроде дома отдыха для глав корпораций и правительственных чиновников. В исторические подробности Ричардс не вдавался, но знал: до того как этот участок выкупило для своих нужд Управление по специальным видам оружия, место пустовало добрый десяток лет. Коул велел аккуратно разобрать шале, снести нижний этаж и фундамент, построить подземную атомную электростанцию, а затем восстановить здание, максимально воссоздав его прежний облик.

Ричардс окунулся в холод предрассветного мрака. Подвесной свод крыши защищал дебаркадер от снега, а остальную территорию – от любопытных глаз. Ричардс взглянул на часы: двенадцать минут восьмого. Энтони Картер, скорее всего, пребывает в полном недоумении. Другим субъектам давалось время на адаптацию, а Картера вытащили из камеры смертников и менее чем за сутки доставили сюда. Мозги небось гудят, как центрифуга. Следовательно, основная задача на ближайшую пару часов – успокоить Картера.

Предрассветную мглу вспороли фары подъезжающего микроавтобуса. Ричардс спустился на бетонную площадку. Из караулки прибежали два охранника с пистолетами в плечевой кобуре. Ричардс велел им держать дистанцию и за оружие без приказа не хвататься. Он изучил досье Картера: тот был не смутьяном, а скорее кротким ягненок.

Полсон заглушил мотор, выбрался из кабины, набрал код на цифровом замке раздвижной двери микроавтобуса, и та медленно открылась.

Картер сидел, низко опустив голову, но Ричардс заметил, что глаза у Энтони открыты. Закованные в кандалы руки он аккуратно сложил на коленях. На полу валялся смятый пакет из «Макдоналдса». Что же, по крайней мере, ребята его покормили. Перегородка между кабиной и салоном оказалась задвинута.

– Энтони Картер!

Ответа не последовало, и Ричардс снова позвал нового субъекта по имени. Тот даже не шевельнулся! Неужели в ступоре?

Ричардс отвел Полсона в сторону.

– Выкладывай, что случилось! – потребовал он.

– Понятия не имею, – с мелодраматичным пафосом отозвался Полсон. – Этот парень явно не в себе.

– Не ври мне, сынок! – сурово посоветовал Ричардс и переключил внимание на рыжеволосого Дэвиса: тот прижимал к груди целую стопку комиксов. «Боже милостивый, комиксы!» – беззвучно вздохнул Ричардс и в тысячный раз подумал, что у местных охранников детство в одном месте играет. – Ну а ты, солдат, что скажешь? – поинтересовался он.

– О чем, сэр? – переспросил Дэвис.

– Не прикидывайся идиотом! Хочешь рассказать, что случилось в дороге?

Взгляд Дэвиса метнулся к Полсону, потом опять к Ричардсу.

– Нет, сэр!

Ладно, с этой парочкой он разберется потом. Ричардс шагнул к открытой двери салона. Картер сидел, не шевелясь, и Ричардс тут же заметил его покрасневший нос и мокрые от слез щеки.

– Энтони, моя фамилия Ричардс, я глава службы охраны данного объекта. Эти двое больше не будут тебе досаждать, обещаю!

– Мы ничего не сделали! – не выдержал Полсон. – Я же просто пошутил. Энтони, ты что, шуток не понимаешь?

Ричардс резко обернулся.

– Внутренний голос не велит тебе держать язык за зубами? Велит? Что же ты его не слушаешь?

– Да ладно вам! – заскулил Полсон. – Видно же, у этого типа не все дома!

Терпение Ричардса улетучивалось, как последняя капля духов из незакрытого флакона. Черт бы подрал бестолкового сосунка! Без лишних слов он вытащил из кобуры пистолет, который использовал в основном для устрашения: «спрингфилд» сорок пятого калибра с длинным затвором, тяжелый, до нелепости громоздкий. Нелепость нелепостью, а в предрасветной мгле титановый корпус «спрингфилда» не давал повода усомниться в эффективности оружия и выглядел весьма угрожающе. За пару секунд Ричардс успел снять предохранитель, послать патрон в патронник, схватить Полсона за ремень, притянуть к себе и ткнуть дулом в шею.

– Неужели не понимаешь, – спокойно, чуть ли не ласково начал Ричардс, – что ради одной улыбки Энтони я готов пристрелить тебя как собаку?

Полсон точно окаменел. Он покосился на Дэвиса и охранников, но, увы, те стояли к нему спиной.

– Какого... – пролепетал Полсон, у которого от страха и горло сжималось, и язык не ворочался. Он судорожно сглотнул, и выпирающий кадык задел дуло «спрингфилда». – Все, все, буду паинькой!

– Энтони! – не сводя глаз с Полсона, позвал Ричардс. – Дружище, решение за тобой. Как, по-твоему, этот кретин – паинька?

Картер молчал целую вечность, а потом чуть слышно ответил:

– Угу, паинька.

– Ты хорошо подумал? Говорю же, решение за тобой!

Снова воцарилась тишина.

– Паинька... – наконец отозвался Картер.

– Слышал? – спросил Ричардс у Полсона, отпустил его ремень и спрятал пистолет. – Энтони называет тебя паинькой!

Казалось, Полсон вот-вот разрешится и позовет маму. Стоявшие поодаль охранники захохотали.

– Ключ! – потребовал Ричардс.

Полсон тотчас повиновался. Руки молодого солдата заметно тряслись, изо рта пахло рвотой.

– А теперь вон отсюда! – Ричардс взглянул на Дэвиса, судорожно вцепившегося в свои комиксы. – И ты, сосунок, убирайся! Чтобы духу вашего здесь не было!

Горе-вояки поплелись прочь. Вскоре после прибытия фургона встало солнце и воздух наполнился бледным сиянием.

Ричардс заглянул в салон и быстро снял с Картера кандалы.

– Ты в порядке? Эти двое руки не распускали?

– Они просто дурачились... – Картер вытер мокрое лицо, неловко встал на бетонную площадку и, подслеповато шурясь, огляделся по сторонам. – Вы их прогнали?

Ричардс кивнул.

– Что это за место?

– Вопрос хороший, но немного преждевременный. Есть хочешь?

– Они кормили меня, в «Макдоналдсе». – Картер скользнул взглядом по охранникам. Что именно выражает его лицо, Ричардс определить не мог. – Кто это?

– Обслуживающий персонал. Мы приставим их к тебе как к почетному гостю.

– Вы правда застрелили бы тех ребят, если бы я велел? – прищурившись, спросил Картер.

Чем-то этот тип напоминал Ричардсу Сайкса в момент, когда тот, совершенно растерянный, стоял у него в кабинете и допытывался, друзья ли они.

– А ты как думаешь? Думаешь, застрелил бы?

– Даже не знаю...

– Ладно, строго между нами... нет, не застрелил бы. Я тоже просто дурачился!

– Я так и подумал, – усмехнулся Картер. – Получилось смешно, здорово вы его уели! –

Он хохотнул и снова огляделся по сторонам. – А теперь что?

– А теперь мы войдем в помещение, где тепло и уютно, – ответил Ричардс.

8

К вечеру они уже на пятьдесят миль отъехали от Оклахома-Сити и неслись по открытой прерии туда, где грозовые облака поднимались над горизонтом, словно медленно распускающиеся цветы. Дойл крепко спал на пассажирском сиденье. Уткнулся щекой в «подушку» из свернутой куртки, которую пристроил между окном и подголовником, и даже на выбоины на дороге не реагировал. В такие моменты Уолгаст невольно завидовал коллеге: словно десятилетний ребенок, Дойл мог отключаться где и когда угодно. Уолгаст смертельно устал и чувствовал: разумнее всего поменяться местами с Дойлом и немного отдохнуть. Он вел машину от самого Мемфиса – в основном потому, что за рулем меньше ощущал себя пешкой в чужих руках.

Сайкс на связь больше не выходил, но просьбу выполнил: на стоянке близ Литл-Рока их встретил местный агент с тремя тысячами долларов – сплошь пятидесятками и двадцатками – и новой машиной, седаном «полицейской» раскраски. Впрочем, к тому времени Уолгаст уже привык к «тахо» и решил его оставить. Ему нравились и мощный восьмицилиндровый двигатель, и послушный руль, и пружинящая подвеска: Брэд целую вечность не ездил на таком красавце. Разве не жаль отправлять его в металлолом? В общем, когда арканзасский агент, молодой парень с розовым, как ломтик ветчины, лицом, протянул ключи, Уолгаст надменно отмахнулся и спросил:

– В сводках что-нибудь про нас говорят?

– Про вас? – недоуменно переспросил молодой агент. – Я, вообще-то, не в курсе.

«Ну и дела!» – подумал Уолгаст, а вслух сказал:

– Вот и славно! Поверьте, так лучше для всех.

Агент подвел его к багажнику седана, который открылся словно по мановению волшебной палочки. Внутри лежала черная нейлоновая сумка, ее Уолгаст не заказывал, но, увидев, ничуть не удивился.

– Оставьте себе! – только и сказал он.

– Оставить? Я же должен вам ее передать!

Уолгаст посмотрел на «тахо», припаркованный между двумя полуприцепами с дремлющими водителями. В заднее окно он не видел неподвижно лежащую на заднем сиденье девочку, только Дойла. Хотелось поскорее отсюда уехать: соврал ему этот парень или нет, времени терять не следовало. В принципе, сумка могла понадобиться, но интуиция подсказывала: лучше ее не брать.

– Придумаете, что сказать в отделении. Сейчас мне бы больше раскраски пригодились!

– Что, простите?

В любой другой ситуации Уолгаст бы рассмеялся, а тут лишь покачал головой и захлопнул багажник.

– Ничего, не берите в голову!

Нетрудно догадаться, что лежало в сумке – пистолеты, патроны плюс пара бронежилетов. Возможно, и для девочки бронежилетик прислали! После событий в Миннеаполисе

фирма из Огайо наладила выпуск детских бронежилетов. Недавно в новостях передавали, что они даже распашонки из зайлона шьют! Услышишь такое – и поневоле задумаешься, куда катится мир...

Прошло уже шесть часов, а Уолгаст ни разу не пожалел, что не взял сумку. Того, что они сотворили, увы, не исправишь, но в глубине души Брэд хотел, чтобы их с Дойлом оставили. За Литл-Роком он увеличил скорость до восьмидесяти миль в час, лишь смутно осознавая, что провоцирует патрульного, а то и спрятавшегося за рекламным щитом копа, сорвать операцию. К счастью, вмешался Дойл.

– Эй, шеф, полегче!

Уолгаст словно очнулся от наваждения. А ведь он уже представил себе перехват: включатся мигалки, пронзительно завоет сирена, копы прижмут «тахо» к обочине, прикажут ему положить руки на руль, а сами по рации пробьют номера. Двое белых мужчин и девочка в машине с временными мемфисскими номерами – восстановив ход событий, копы обнаружат связь с монахинями и событиями в зоопарке. На этом воображаемый перехват обрывался. Что случится дальше, после того как «главный коп», не снимая руки с табельного пистолета, свяжется с ФБР? Что скажет Сайкс? Что слышать о них не слышал? Наверняка! Вслед за Энтони Картером они с Дойлом отправятся в металлолом.

Оклахома-Сити и, главное, КПП на Сороковой трассе Уолгаст обогнул с северо-востока, а вместо Тридцать пятой трассы срезал по безымянной проселочной дороге, спрятавшись от камер слежения. В «тахо» навигатора не было, поэтому Уолгаст пользовался им с сотового: правил одной рукой, а другой ловко нажимал на крошечные клавиши, то и дело меняя маршрут. Здесь внутриштатное шоссе, там проселочная дорога, асфальтовая, гравийная, а то и грунтовая – какая угодно, только бы на северо-запад вела! Теперь между ними и колорадской границей лежало лишь несколько городков с названиями вроде Вирджила, Рикошета и Бакрэка, затерянных в высокотравной прерии, единственными достопримечательностями которых были церковь, мини-маркет и элеватор. Не города, а сущие островки, разделенные морем пустого пространства. Чем дальше Уолгаст смотрел на него, тем чаще в сознании мелькало слово «вечность». Эта территория всегда выглядела примерно так и вряд ли изменится в будущем, а в любом из этих городков ничего не стоит пропасть, раствориться, прожить остаток жизни невидимкой.

Когда все закончится, он, возможно, сюда вернется. Возможно, именно такое место ему понадобится...

Эми лежала настолько тихо, что Уолгаст забыл бы о присутствии девочки, если бы это присутствие так не терзало. Как можно выбрать в субъекты шестилетнего ребенка?! Как можно сделать девочку подопытным кроликом?! Черт подери Сайкса, ФБР, Дойла и его самого, раз ввязался в эту историю! Темная прядь упала на лицо, но Эми ее не поправляла. Она казалась спящей, только Уолгаст чувствовал: притворяется, следит за ним, как кошка за мышью. В свои шесть лет Эми умела ждать. Всякий раз, когда Брэд спрашивал, не хочет ли она в туалет или есть – к крекерам Эми не притронулась, а молоко в тепле наверняка уже скисло, – девочка открывала глаза, буквально секунду смотрела на него в зеркало заднего обзора, потом снова «засыпала», но мимолетный взгляд острым ножом пронзал сердце Уолгаста. Голос Эми он в последний раз слышал в зоопарке, то есть более восьми часов назад.

Лейси... Так звали монахиню, которая из последних сил прижимала Эми к себе. Воспоминания о битве на стоянке, шуме, гаме и криках причиняли Уолгасту физическую боль. «Представляешь, Лайла, сегодня я украл ребенка. Теперь у тебя один и у меня один, здорово, да?»

На пассажирском сиденье наконец проснулся Дойл, выпрямил спину и протер заспанные, ничего не видящие глаза. Судя по виду, он лихорадочно вспоминал, где находится. Мельком взглянув на Эми, Дойл стал смотреть вперед.

– Похоже, впереди настоящий шторм! – проговорил он.

Гряда грозových туч заслонила заходящее солнце, погрузив мир во мрак еще до наступления ночи. Где-то на горизонте в золотистой полоске света виднелась пелена дождя, поливающего бескрайние поля.

Дойл взгляделся в темное небо.

– Далеко от нас гроза? – тихо спросил он.

– Милях в пяти.

– Может, стоит съехать с дороги? – Дойл посмотрел на часы. – Или ненадолго на юг свернуть?

Через пару минут за окнами мелькнула грунтовая дорога без опознавательных знаков, обнесенная колючей проволокой. Уолгаст притормозил и дал задний ход. Дорога поднималась на невысокий холм и исчезала среди хлопковых полей. Вероятно, за дальним склоном была река или, по крайней мере, овраг. Уолгаст сверился с навигатором, но дорогу на картах не нашел.

– Не зна-аю, – протянул Дойл, когда Уолгаст предложил свернуть. – Может, поискать что-нибудь другое?

Уолгаст все-таки погнал «тахо» на юг. Вряд ли дорога вела в тупик: иначе на перекрестке висели бы почтовые ящики. Ярдов через триста она сузилась в изрытую колеями тропку. Уолгаст не ошибся: за деревьями прятался старый мост через речушку. Красноватый вечерний свет стал блекло-зеленым. В зеркале заднего обзора Брэд видел бушующую грозу; судя по колышущейся траве, она приближалась.

До начала ливня они успели проехать еще миль десять. Навстречу не попалось ни дома, ни фермы – ничего, где же спрятаться посреди этой пустоши? Сперва дождь лишь капал, но через несколько секунд хлынул так, словно разверзлись небесные хляби. Видимость тут же стала нулевой, даже «дворники» не помогали. Едва Уолгаст притормозил у оврага, «тахо» хлестнул сильный порыв ветра.

– Что теперь, шеф? – сквозь шум дождя поинтересовался Дойл.

Уолгаст взглянул на Эми: та по-прежнему прикидывалась спящей. Загремел гром, а она даже не вздрогнула.

– Пожалуй... Пожалуй, я немного вздремну.

Уолгаст закрыл глаза и попытался раствориться в стуке дождя о крышу «тахо». Растворяться в звуках он научился, присматривая за маленькой Евой, чтобы отдыхать, но не засыпать по-настоящему и, если дочка заплачет, тут же подойти к кроватке. Из недр памяти поднимались обрывки воспоминаний, образы и звуки из разных этапов его жизни – Лайла на кухне нового дома в Черри-крик: она только проснулась и заликает корнфлекс молоком; холодная вода реки Кус, в которую он нырнул с мостков, смех и крики приятелей: «Глубже, еще глубже!»; детское, возможно, даже младенческое благоговение перед огромным миром, в котором тепло и уютно. Брэд стоял на самой границе яви, там, где сны смешиваются с воспоминаниями и рассказывают странные истории, но какая-то часть его все это время была в машине и смотрела на дождь.

– Мне нужно выйти.

Уолгаст разлепил веки. Дождь кончился. Сколько времени он спал? В машине было темно: солнце село. Дойл повернулся к заднему сиденью.

– Что ты сказала? – переспросил он у девочки.

– Мне нужно выйти, – повторила Эми. Она так долго молчала, что теперь ее звонкий уверенный голос испугал обоих агентов. – В туалет хочу!

Дойл с беспокойством взглянул на Уолгаста.

– Сводить ее? – предложил он, однако Уолгаст чувствовал: ни малейшего желания сделать это молодой напарник не испытывает.

– Нет, не ты, – заявила Эми, которая сидела, прижимая к груди замусоленного плюшевого кролика. Взглянув в зеркало заднего обзора, она ткнула пальцем в Уолгаста. – Пусть он поведет!

Уолгаст отстегнул ремень безопасности и выбрался из машины. Прохладный воздух казался неподвижным, гроза отступила на юго-восток, окрасив небо в глубокий темно-синий цвет. Брэд разблокировал пассажирские двери, и Эми выбралась из салона. Она застегнула молнию толстовки и натянула капюшон.

– Ну, давай! – проговорил Уолгаст.

– Здесь? Прямо здесь не буду!

Строгих предупреждений вроде «Не смей убежать!» Уолгаст делать не стал. Куда тут сбежишь? Они спустились футов на пятьдесят вниз по дороге, подальше от ярких фар «тахо», Брэд отвернулся, а Эми пристроилась на краю придорожной канавки.

– Помоги мне!

Уолгаст обернулся и покраснел от смущения: Эми стояла лицом к нему, спустив джинсы и трусики до колен.

– Что мне делать?

Эми протянула ему обе руки. Ее пальчики показались Брэду крошечными, а ладошки теплыми и влажными. Он крепко держал девочку, а она подалась назад, согнула ножки и повисла над канавкой, словно рояль на грузоподъемном блоке. Где она так научилась? Кто держал ее за руки?

Уолгаст осторожно поставил Эми на землю и отвернулся, чтобы она натянула трусики и джинсы.

– Ничего не бойся, малышка!

Эми не ответила, но и в сторону «тахо» не сделала ни шагу. Вокруг раскинулись бескрайние поля, а воздух казался совершенно неподвижным. Уолгаст чувствовал себя каплей в безбрежном море пустоты. Вот хлопнула дверца «тахо» – Дойл пошел отлить. На юге загрозотал отступающий гром, а едва раскаты стихли, послышался другой звук, напоминающий звон колоколов.

– Если ты не против, будем друзьями, – нерешительно предложил Уолгаст.

Какая странная девочка! Почему она не плакала? Ни разу! С тех пор как уехали из зоопарка она не позвала маму, не попросилась домой или хотя бы в монастырь. Интересно, где ее дом? В Мемфисе? Почему-то Уолгасту казалось, что нигде, что понятия «дом» для Эми не существует.

– Я не боюсь. Если хочешь, пойдем обратно к машине, – ответила крошка и не по-детски внимательно взглянула на Брэда. Уши Уолгаста привыкли к тишине, и он понял, что слышит не колокольный звон, а искаженную расстоянием музыку. На этой самой дороге играла музыка!

– Меня зовут Брэд, – представился Уолгаст, и собственное имя показалось тяжелым и безвкусным. Девочка кивнула. – А другого парня – Фил.

– Я знаю, как вас зовут. Из ваших разговоров поняла. – Эми переступила с ноги на ногу. – Вы думали, я не слушаю, а я слушала.

Вот так девочка! Мягко выражаясь, странная и очень, очень умненькая. Брэд чувствовал это и по ее голосу, и по глазам: Эми смотрела не по-детски оценивающе и, не говоря ни слова, выворачивала его наизнанку. Казалось, он общается не с шестилеткой, а со взрослым человеком. Впрочем, дело было даже не в этом. В чем именно, Уолгаст пока не понимал.

– Зачем мы едем в Колорадо? Ведь мы едем туда, ты сам сказал.

Ну что тут ответишь?

– Там живет доктор, он тебя посмотрит.

– У меня ничего не болит.

– Ну, он убедиться хочет. Я... я точно не знаю. – Уолгаст едва сдержался, чтобы не поморщиться от собственной лжи. – Ничего не бойся!

– Зачем ты это повторяешь?

Прямота девочки застала Брэда врасплох, и ответил он не сразу.

– Ладно, не буду. Рад, что ты не боишься!

– Я-то не боюсь, а вот ты боишься, – заявила Эми и зашагала к «тахо».

* * *

Через пару миль впереди забрезжило пульсирующее неоновое зарево, которое, стоило им приблизиться, распалось на отдельные кружащиеся точки. Казалось, низко над горизонтом горят созвездия, и не просто горят, а пульсируют. Пока Уолгаст соображал, грунтовая дорога уперлась в перекресток. Он включил верхний свет и сверился с навигатором. Легковые машины и пикапы сплошным потоком неслись по шоссе, причем все в одном направлении. Столько они с Дойлом за последние несколько часов не видели! Уолгаст открыл окно: теперь музыка слышалась отчетливо.

– Что за черт? – вырвалось у Дойла.

Уолгаст молча свернул на запад и влился в поток транспорта. Впереди ехал пикап, в кузове которого на брикетах сена сидели подростки. Справа мелькнул указатель: «Хомер, штат Оклахома. Население 1232 человека».

– Вплотную не подъезжай, – Дойл кивнул в сторону пикапа. – Не нравятся мне они.

Только Уолгаст его не слушал. Эми увидела отражение его лица в лобовом стекле и помахала рукой. Ночной ветер развеивал ее длинные темные волосы. Огни ярмарки приблизились, вдоль шоссе появились признаки цивилизации: водяной бак на сваях, закрытый на ночь магазин сельхозтехники, а чуть в отдалении стояло невысокое современное здание, больница или дом престарелых. Пикап свернул к универмагу «Кейси», на стоянке которого бурлила жизнь, и еще не остановился, а дети уже выскочили из кузова, чтобы скорее встретиться с друзьями. В черте городка транспорт поехал медленнее. Эми сидела неподвижно и с интересом смотрела в окно.

– Эми, ляг на сиденье! – скомандовал Дойл.

– Да ладно тебе, пусть смотрит! – громко сказал Уолгаст, надеясь, что Эми его услышит. – Солнышко, не обращай внимания на Фила! Смотри куда хочешь.

Дойл повернулся к Уолгасту и зашипел:

– Что... Что ты несешь?

– Успокойся! – Брэд как ни в чем не бывало глядел на дорогу.

Солнышко... С каких пор «Эми БФ» для него «солнышко»?

Казалось, на улицу высыпал весь городок. Люди шли в одну сторону, несли одеяла, бутылки с водой, раскладные стулья. Многие вели детей, самых маленьких везли в колясках. Кого здесь только не было: фермеры, скотоводы, кто в джинсах, кто в комбинезоне, многие в ковбойских шляпах и почти все в сапогах. То и дело мелькали лужи, больше напоминающие мини-озера со стоячей водой, но в свежем ночном воздухе влаги практически не чувствовалось. Ливень прошел, ярмарка продолжалась!

Вместе с другими машинами «тахо» обогнул здание школы с козырьком, украшенным вывеской: «Средняя школа округа Бранч. 20–22 марта весенняя ярмарка. Вперед, дикари!» Мужчина в светоотражающем оранжевом жилете махнул Брэду в сторону парковки, а оттуда его направили на дополнительную стоянку посреди заболоченного поля. Уолгаст заглушил мотор и в зеркало заднего обзора взглянул на Эми. Девочка, не отрываясь, смотрела на огни ярмарки.

– Надеюсь, ты шутишь? – откашлявшись, спросил Дойл.

Уолгаст обернулся к девочке.

– Эми, нам с Филом нужно поговорить. Мы выйдем на секунду, ладно?

Девочка кивнула: между ней и Уолгастом точно возник тайный сговор, в котором Дойл не участвовал.

– Мы недолго, – пообещал Брэд.

Дойл поджидал его за машиной.

– Никакой ярмарки! – заявил он.

– А что в этом плохого?

– Хорошо хоть на копов пока не напарывались! – прошипел Дойл. – Сам подумай: двое мужчин в костюмах и девочка – разве мы не будем выделяться из толпы?

– Можно, во-первых, переодеться, во-вторых, разделиться. Я поведу Эми, а ты выпей пива, отдохни!

– Босс, у тебя наваждение какое-то. Она же пленница!

– Не говори так!

– Ты понимаешь, о чем я! – вздохнул Дойл.

– Нет, не понимаю. Это ребенок, Фил. Шестилетняя девочка!

Они стояли лицом к лицу, и Уолгаст почувствовал, что от Дойла пахнет потом. Разумеется, целый день в машине, какая уж тут свежесть! Мимо прошмыгнула стайка подростков, и на секунду оба агента замолчали. Импровизированная стоянка быстро заполнялась машинами.

– Слушай, у меня тоже сердце не каменное, – тихо начал Дойл. – Думаешь, не понимаю, в какое дерьмо мы вляпались? Да меня буквально тошнит!

– И тем не менее тошнота не мешает тебе расслабляться. Ты от самого Литл-Рока спал, как невинный младенец!

– Что мне теперь, стреляться?! – бросился в контратаку Дойл. – Да, я устал! Но на качели-карусели мы девочку не поведем. Они в задании не обозначены.

– Дай мне час! – попросил Брэд. – Нельзя же ребенка сутками взаперти держать! Пусть забудет обо всем, повеселится. Сайксу об это знать не обязательно. Всего час, и снова в дорогу. После прогулки она проспит до самого Колорадо.

– А если сбежит?

– Не сбежит.

– С чего ты так уверен?

– А ты на что? Попробует сбежать от меня, ты поймаешь!

Дойл нахмурился.

– Ладно, шеф, ты главный, тебе и командовать. Только мне затея очень не нравится.

– Всего час! – взмолился Уолгаст. – Потом снова в путь!

Они вернулись в салон и, велев Эми отвернуться, натянули джинсы и рубашки-поло. Уолгаст объяснил девочке, чем они займутся.

– Не отходи от меня ни на шаг и ни с кем не разговаривай. Поняла?

– Почему нельзя разговаривать?

– Таковы правила. Если не пообещаешь слушаться, мы останемся в машине.

Эми на секунду задумалась, потом кивнула:

– Обещаю!

Дойл задержался у «тахо», а Уолгаст с Эми зашагали к входу на ярмарку. В воздухе витали соблазнительные запахи попкорна и хот-догов. Из громкоговорителя раздавался унылый, как оклахомский пейзаж, голос диктора, который выкликал номера в бинго: «Бэ-семь! Гэ-тридцать! О-шестнадцать!»

– Эми, – начал Уолгаст, едва Дойл оказался вне пределов слышимости, – знаешь, я попрошу тебя кое-что изобразить. Ну, притвориться, как в кино. Согласна?

Они стояли на дорожке, и Уолгаст, заметив, что волосы Эми совсем растрепались, старательно их пригладил и убрал с глаз. На ее футболке красовалась крупная надпись «Шпилька», обведенная блестками. Брэд застегнул девочке молнию толстовки: вечер как-никак, замерзнет еще.

– Давай изобразим, что я твой папа. Не настоящий, а понарошку, в общем, как в кино. Если кто спросит, так и отвечай, лады?

– Но ты же сам не велел ни с кем разговаривать!

– Да, но если спросят, ответишь, как я сказал. – Уолгаст оглянулся на «тахо»: поверх рубашки Дойл натянул ветровку и спрятал руки в карманы. Брэд не сомневался: молодой напарник вооружен, в незаметной плечевой кобуре притаился пистолет. А вот он свой в бардачке оставил. – Ну, давай порепетируем: «Малышка, кто это с тобой?»

– Папа, – неуверенно ответила девочка.

– Эми, надо как в кино! Притворись!

– Мой папочка!

«Вполне убедительно, – подумал Уолгаст. – По крошке театр плачет!»

– На кружилке покатаемся?

– На кружилке? Солнышко, на какой еще кружилке?

«Деточка», «солнышко» – Брэд не мог сдержаться, у него так само собой получалось.

– Вон на той!

Эми показывала на аттракцион за билетным киоском – от центральной оси изгибались рукава, на каждом из которых вращались разноцветные машинки. «Осьминог»!

– Конечно, покатаемся! – пообещал Брэд и почувствовал, что улыбается. – Везде, где захочешь!

Уолгаст заплатил за вход и встал в очередь ко второй кассе, где продавались билеты на аттракционы. Он уже собрался купить чего-нибудь вкусного, но подумал, что на каруселях девочку может затошнить. Ему нравилось представлять ее волнение и радость оттого, что попала на ярмарку. Черт возьми, да он сам радовался и переживал. Аттракционы примитивные, а большинство из них наверняка опасны для жизни. Ну и что? Эх, почему он лишь час у Дойла выторговал?!

– Эми, ты готова?

К «Осьминогу» тянулась длинная очередь, но, к счастью, двигалась она быстро. Когда дошла до Уолгаста и Эми, их задержал поднявший руку контролер.

– Сколько лет девочке? – недоверчиво прищурившись, спросил он. По обнаженным плечам мужчины змеились синие татуировки, толстые пальцы сжимали сигарету.

– Восемь! – выпалила Эми, прежде чем Уолгаст собрался с мыслями. Лишь тут Брэд увидел объявление, прикрепленное к спинке складного стула: «Дети младше восьми лет не допускаются».

– На восемь она не тянет! – хмыкнул контролер.

– Но девочке правда восемь, – возразил Брэд. – Тем более она со мной.

Мужчина оглядел Эми с головы до ног и пожал плечами.

– Дело ваше!

Уолгаст с Эми влезли в шаткую машинку, и контролер заблокировал их защитной дугой. Машинка резко поднялась в воздух и застыла – в другую, опустившуюся вниз, сидели люди.

– Страшно? – спросил Уолгаст.

Защитная дуга, которую Эми держала обеими руками, буквально припечатала ее к Уолгасту. Чтобы не замерзнуть, девочка еще на земле подняла воротник толстовки. Темные глаза восхищенно расширились.

– Не-а! – покачала головой она.

Машинка поднималась еще четырежды. В верхней точке с нее было видно всю ярмарку, школу, стоянки и освещенные улицы маленького Хомера. С окружной трасы по-прежнему плыл поток транспорта. На расстоянии казалось, что машины движутся медленно, как мишени в тире. Уолгаст высматривал на земле Дойла, когда их щупальце резко пошло вниз.

– Держись!

Машинка опускалась с головокружительной скоростью. Вокруг слышались восторженные крики. Сильный рывок заставил Уолгаста зажмуриться. Он тысячу лет не катался на аттракционах, а тут такие впечатления! Машинка летела вниз, вращаясь вокруг своей оси, и Эми прижало к нему еще плотнее. Когда Брэд открыл глаза, машинка была в каких-то дюймах от земли, а потом их снова подняло к небу. Шесть, семь, восемь кругов, и на каждом вверх-вниз, вверх-вниз – бесконечный полет, который закончился в одно мгновение.

Последний рывок – машинка опустилась, пришла пора высаживаться. Уолгаст посмотрел на Эми: ее лицо так и осталось непроницаемо спокойным, но темные глаза сияли от радости. Радость, которую доставил ты, – удивительное ощущение, Брэд ни с кем такого не испытывал!

– Ну, понравилось? – широко улыбаясь, спросил он.

– Да, классно! – Малышка вскинула голову. – Хочу еще!

Контролер поднял защитную дугу, и уже через минуту Брэд с Эми вернулись в конец очереди. Перед ними стояли крупная женщина в цветастом халате и ее муж, довольно неухоженный тип в джинсах и тесной клетчатой рубашке, возивший во рту комок жевательного табака.

– Какая куколка! – воскликнула женщина, восхищенно глядя на Эми. – Сколько тебе лет?

– Восемь, – бойко ответила девочка и незаметно взяла Брэда за руку. – Это мой папа!

Женщина засмеялась – выщипанные брови взлетели ко лбу, а неумело нарумяненные щеки порозовели.

– Разумеется, это твой папа! Слепому видно, можно даже не объяснять! – Она ткнула мужа в бок. – Настоящая красавица, правда, Эрл?

– Точно, – кивнул муж.

– Деточка, как тебя зовут?

– Эми.

Женщина подняла глаза на Уолгаста.

– У меня есть племянница ее возраста, но обаяния Эми у нее и в помине нет. У вас замечательная дочка!

Потрясенный новыми ощущениями, Уолгаст даже ответить не смог. Казалось, он по-прежнему на «Осьминоге», а тело и сознание вдруг стали неподъемно тяжелыми. А если Дойл наблюдает за ними из толпы? Впрочем, какая разница, пусть наблюдает!

– Мы едем в Колорадо, – добавила Эми, заговорщицки сжав руку Уолгаста. – В гости к бабушке!

– Неужели? Твоя бабушка наверняка ждет не дождется такую внучку, как ты!

– Она болеет, мы отвезем ее к доктору!

На лице женщины отразилось искреннее сочувствие.

– Ох, надеюсь, ничего серьезного, – сказала она Уолгасту. – Мы с мужем будем за вас молиться!

– Спасибо, – выдавил Брэд.

На «Осьминоге» они прокатились еще трижды, а потом решили поужинать. Дойл в толпе не мелькал: либо он следовал за ними незаметно, проявляя чудеса профессионализма,

либо нашел занятие поинтереснее. Молоденьких красоток на ярмарке хватало с избытком, и Уолгаст решил, что напарник на кого-то отвлекся.

Брэд купил Эми хот-дог, усадил за стол для пикника и стал смотреть, как она ест. Девочка откусила раз, другой, третий – и хот-дога как не бывало. Уолгаст тут же купил ей второй, а когда Эми расправилась и с ним, – пирог с джемом, обсыпанный сахарной пудрой, и упаковку молока. Еда, конечно, не самая здоровая, но пусть хоть молоко попьет.

– Ну, куда дальше? – спросил Уолгаст. Щеки Эми местами лоснились от жира, местами белели от сахарной пудры. Девочка хотела вытереть их рукой, но Брэд вовремя протянул ей салфетку: – Вот, возьми!

– На карусель! – ответила Эми.

– Карусель? После «Осьминога» скучно не покажется?

– Здесь есть карусель?

– Наверняка!

«Карусель, – подумал Уолгаст, – да, понятно».

«Осьминог» предназначался взрослой Эми, которая умела молчать часами и без запинки врать женщине из очереди, а карусель – малышке, которой Эми была на самом деле. Волшебная атмосфера ярмарки, яркие огни и четыре катания на «Осьминоге» сделали свое дело – Брэда так и подмывало расспросить девочку обо всем. Кто она? Откуда? Где ее мама? А папа? Как она познакомилась с Лейси? Что стряслось в зоопарке? «Кто ты, Эми? Что привело тебя сюда, ко мне? Как ты догадалась, что мне страшно?» Когда девочка взяла его за руку, Уолгаст почувствовал, как от пальцев по всему телу пробежал легкий, бодрящий ток. Впереди мелькнула карусель с ярко раскрашенными лошадками, и радость Эми неведомым образом передалась Брэду.

«Лайла, вот о чем я мечтал! Понимала ли ты? Я мечтал лишь об этом».

Уолгаст вручил контролеру билеты, и Эми выбрала белого коня липицианской породы, который застыл в прыжке, обнажив керамические зубы. Перевалило за девять, и желающих покататься на лошадках почти не осталось: малышей уже увели домой.

– Встань рядом! – скомандовала Эми.

Уолгаст послушался: одной рукой взялся за шест, другой – за уздечку скакуна, словно вел его по кругу. Ножки Эми не доставали до стремян, и Брэд велел ей крепко держаться.

Тут он заметил Дойла. Напарник стоял футом в ста от карусели у брикетов сена, обозначивших вход в пивную, и беседовал с молодой обладательницей длинных рыжих волос. Дойл о чем-то оживленно говорил и жестикулировал то ли для пущей убедительности, то ли чтобы выделить ключевые слова. Он снова вжился в роль торгового представителя индианапольской фирмы по производству оптоволоконной техники и плел небылицы не хуже, чем Эми, которая полчаса назад бойко врала про больную бабушку из Колорадо. Уолгаст понял, ничего сложного тут нет: начинаешь рассказывать о себе, быстро съезжаешь на голимую ложь и становишься героем собственной байки.

Деревянный пол дрогнул, из динамиков полилась музыка, и карусель закружилась. Собеседница Дойла захохотала, запрокинув голову, а потом легонько коснулась его плеча. «Кокетка, причем опытная», – про себя заметил Уолгаст. Тут белый конь «поскакал» по кругу, и сладкая парочка исчезла из вида.

Внезапно все остальные мысли заслонила одна, обозначившаяся с необыкновенной четкостью. «Беги! Бери Эми и беги! Дойл отвлекся, потерял счет времени. Беги! Спасай ее!»

Карусель кружилась, белоснежный скакун Эми поршнем двигался вверх-вниз. За пару минут разрозненные мысли Уолгаста сложились в план. Сейчас карусель остановится, и он утащит девочку в гущу толпы, во мрак, подальше от пивной. Главное, выбраться за ворота... Пока Дойл сообразит, что произошло, они с Эми, а заодно и «тахо», затеряются в бесконечной оклахомской пустоши. Интуиция не подкачала: теперь Брэд чувствовал, что с «тахо» не

расстался исключительно ради будущего побега. Получается, план, словно зерно, готовое вот-вот прорасти, таился в его сознании еще на стоянке за Литл-Роком. Где и как искать маму девочки, он не представлял, но собирался об этом подумать. Еще никогда в его мыслях не царил такой порядок. Все прошлое сейчас казалось прелюдией к сегодняшнему событию, а ФБР, Сайкс, Картер и даже Дойл – самообманом, ширмой, за которой скрывалось его истинное «я». Час истины пробил, теперь следовало лишь довериться внутреннему голосу.

Карусель закружилась медленнее. В сторону Дойла Брэд не посмотрел ни разу: боялся сглазить новое удивительное ощущение. Кони остановились, он помог Эми слезть, присел на корточки и заглянул ей в глаза.

– Эми, у меня есть просьба. Послушай внимательно, ладно?

Девочка кивнула.

– Мы сейчас уедем. Вдвоем, только ты и я. Пожалуйста, никуда от меня не отходи и не говори ни слова. Мы пойдем быстро, но это не значит, что надо бежать. Слушайся меня, и все получится. – Уолгаст не отводил взгляда от темных глаз девочки. – Поняла?

– Мне нельзя от тебя убежать.

– Правильно! А теперь вперед!

С карусели они спустились с правой стороны, подальше от пивной. Уолгаст поднял Эми на руки и помог перебраться через ограду, затем, упираясь в металлический столб, перелез сам. Никто вроде бы не заметил, а если и заметил, не показал вида. Взяв Эми за руку, Уолгаст быстро зашагал в дальнюю часть ярмарочной площади, прочь от ярких огней. Хотелось добраться до ворот вкруговую или отыскать другой выход. Если поспешить, Дойл вовремя не спохватится.

Вот забор из сетки-рабицы, за ним темная линия деревьев, а еще дальше, к югу от футбольных полей средней школы, огни шоссе... Других выходов не нашлось, поэтому следовало двигаться вдоль забора к главным воротам. Уолгаст с Эми шагали по нескошенной, сырой от дождя траве и быстро промочили ноги. Впереди замаячили киоски с едой, стол для пикника, за которым они ужинали, а футах в ста за ними – ворота. У Брэда чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Он быстро огляделся, но Дойла не заметил.

– За ворота, скорее! – скомандовал он. – По сторонам не смотри!

– Эй, шеф!

Уолгаст застыл как вкопанный. Откуда-то сзади к ним бежал Дойл.

– Ты же вроде говорил, ровно час! – напомнил он.

– Мы тебя потеряли, – ответил Брэд, стараясь не выдать разочарование. – Вот, искать пошли.

Дойл оглянулся на пивную и растянул губы в виноватой улыбке:

– Ну... Заболтался... Люди тут славные, даже немного разговорят! Что случилось? – он показал на намокшие штанины Уолгаста. – Где это тебя угораздило?

– Лужи... – после секундного колебания ответил Брэд и отвернулся, пряча глаза от напарника. – Дождь...

В принципе, шанс еще был: вдруг по пути к «тахо» удастся застать Дойла врасплох? Нет, напарник моложе, сильнее, а главное – вооружен. Эх, надо было пистолет взять!

– Дождь, – задумчиво повторил Дойл.

По лицу молодого напарника Уолгаст понял: тот знал – все и с самого начала. Рыжая красotka и пивная оказались ловушкой. Брэд и Эми не оставались без присмотра ни на секунду.

– Ясно... Что же, задание нужно выполнить, правда, шеф?

– Фил...

– Не надо! – тихо попросил Дойл. Голос звучал не угрожающе, а сухо: молодой человек лишь констатировал факт. – Ничего не говори. Брэд, мы же напарники! Пора в путь!

Надежды Уолгаста разбились в пух и прах. Он по-прежнему держал Эми за руку, но заглянуть ей в глаза не решался. «Прости! – подумал он и, словно телеграмму, переслал мысль в ладошку Эми. – Прости, пожалуйста!» Под надзором Дойла, «отставшего» ярда на полтора, они выбрались за ворота и зашагали к «таху».

Ни Дойл, ни Уолгаст не заметили, что за ними внимательно следил оклахомский патрульный, который с женой и сыновьями вышел погулять по ярмарке. Двумя часами раньше, как раз перед окончанием своего дежурства, он прочел ориентировку на двух белых мужчин, похитивших девочку в мемфисском зоопарке.

9

«Меня звали... Фаннинг...»

Эти слова не давали Грею покоя целый день: когда проснулся (на часах было восемь), когда принимал душ, когда завтракал, когда сидел на кровати, курил «Парламент» и ждал наступления ночи. Весь день в ушах звучало одно: «Фаннинг... Меня звали Фаннинг...»

Чушь какая-то! Имя совершенно незнакомое! Ни одного Фаннинга Грей в жизни не встречал и людей с похожими именами – тоже. Тем не менее за ночь имя пристало как банальный лист, словно, засыпая, он снова и снова слушал песню и слова прочно укоренились в сознании. Теперь захочешь – не вырвешь... Ну что за черт, какой еще Фаннинг?! Невольно вспомнился тюремный психотерапевт: мерное тут-тут-тук его ручки о стол заполняло мысли и уносило на недосягаемую для сна глубину, которую доктор Уайлдер называл прощением. Сейчас щелкал ли Грей пультом, чесал ли голову, закуривал ли сигарету – постоянно слышались слова, звучащие контрапунктом каждому его движению.

«Меня (щелчок)... звали (зажигалки)... Фаннинг (затяжка)».

Грей сидел, ждал, курил, снова курил. Что, черт подери, с ним творится? В душе он чувствовал перемены, и явно не к лучшему. Откуда столько тревоги и беспокойства? Он ведь умел убивать время, не делая абсолютно ничего, – искусством проводить дни напролет в бездумном трансе за шесть лет в Бивилле овладел мастерски, – а сегодня не получалось. Сегодня он напоминал себе ужа на сковородке! Включил телевизор – звуки не соответствовали изображению, выглянул в окно – глаза уперлись в блеклое небо, серое, как его вечные будни. В такой день возникает одно желание – заснуть, поэтому Грей примостился на краешке кровати и, чувствуя, как мелко дрожат поджилки, ждал вечера. Глаза слипались, словно после бессонной ночи, а ведь он не услышал звон будильника в пять утра и проспал первую утреннюю смену. Пропуск сверхурочной смены он как-нибудь объяснит: расписание спутал, забыл – что угодно, все равно по головке не погладят! Вечерняя смена начиналась в десять, следовало выспаться и набраться сил перед восьмичасовой игрой в гляделки с Нолем.

В шесть Грей натянул куртку и отправился в столовую. Солнце село около часа назад, тяжелые тучи словно впитывали остатки света. Ежась на сыром ветру, он брел по бескрайнему полю между казармами и столовой, мимо шлакобетонного здания, судя по виду, выстроенного наспех. Горы полностью скрылись из вида. В такие минуты Грей чувствовал себя островитянином: мир словно застыл, погрузился в черное море пустоты, которая началась где-то за длинной подъездной аллеей. Грузовики, фургоны, военные пятитонки появлялись и исчезали. Куда исчезали? Для Грея – хоть на луну: воспоминания об окружающем мире понемногу блекли. Немудрено, территорию объекта он не покидал уже шесть месяцев.

Обычно в этот час столовая гудела как улей: собиралось человек по пятьдесят, но сегодня перемены наблюдались и здесь. Грей снял парку, отряхнул ботинки от снега и увидел с десяток посетителей, рассеявшихся кто парами, кто группами, кто поодиночке. По одежде Грей легко догадался, кто есть кто: медперсонал в форме и обуви на толстой резиновой подошве, солдаты в зимних шинелях, поглощавшие нехитрую еду с аппетитом голодных

бомжей, обслуга в коричневых комбинезонах. К обеденному залу примыкала зона отдыха со столами для пинг-понга и аэрохоккея, но никто не играл и не смотрел телевизор. Тишину нарушали лишь мерный ропот голосов да звон стекла и столовых приборов. Одно время в зоне отдыха стояли компьютеры, новенькие «ви-Маки» – хочешь, электронную почту проверь, хочешь, по сайтам броди, – но летним утром лаборанты увезли их на тележке прямо во время завтрака. Кто-то из солдат возмутился, но его не услышали. Компьютеры не вернулись, единственным напоминанием о них были змеящиеся по стенам провода. Грей знал: это случилось не просто так, а в наказание за чей-то проступок. Впрочем, сам он компьютерами никогда не увлекался.

Несмотря на взвинченность Грея, запах горячей еды разбудил аппетит: Депо-Повера сделала его жутко прожорливым – чудо, что вес практически не менялся! Грей пристроился в конец очереди и постепенно наполнил поднос, предвкушая грядущую трапезу: сегодня он съест порцию овощного супа, зеленый салат с сыром и сухариками, пюре, маринованную свеклу и ломтик ветчины, увенчанный кружком консервированного ананаса. Поставив на поднос тарелку с куском лимонного пирога и стакан холодной воды, Грей занял столик в углу. Большинство уборщиков ели поодиночке: обсуждать практически ничего не разрешалось. Порой Грей неделями обменивался лишь «привет-пока» с охранниками на Уровне 3, которые пропускали его на закрытый Уровень 4. Было время, и по сути не так давно, когда лаборанты и медперсонал задавали ему вопросы о Ноле – сколько кроликов съедено, сколько зубов выпало, – кивали и записывали ответы в наладонники. Сейчас они лишь молча забирали отчеты, словно считали Ноля прочитанной книгой.

Грей не спеша смаковал одно блюдо за другим. «Меня звали Фаннинг» по-прежнему мелькало в сознании, точно бегущая строка, но от еды поблекло, и на пару минут Грей о нем практически забыл. Он почти справился с пирогом, когда к столику приблизился солдат, которого вроде бы звали Полсон. Грей и раньше его видел, хотя в камуфляже, футболках и блестящих сапогах солдаты кажутся чуть ли не близнецами. Да еще эти стрижки! Солдат точно не стригли, а брили налысо, а потом для смеха приклеивали уши. Какого цвета микро-ежик Полсона, Грей определить не мог.

Полсон уселся напротив Грея, вернее, не уселся, а оседлал стул и выдавил из себя улыбку, которая дружелюбной совсем не казалась.

– У вас, уборщиков, аппетит бешеный, да?

Грей пожал плечами.

– Тебя ведь Греем зовут? Мы с тобой часто сталкиваемся!

– Угу. – Грей отложил вилку и не спеша прожевал пирог.

Полсон задумчиво кивнул, точно решал, нравится ему имя или нет. Внешне его лицо излучало спокойствие, но какое-то натужное и неестественное. Вот его взгляд метнулся к камере слежения, расположенной в углу, аккуратно над их головами, и вновь остановился на Грее.

– Вы, ребята, жуткие молчуны, – заявил Полсон. – Извини, но порой аж оторопь берет! «Ага, оторопь! – подумал Грей. – Знал бы ты, солдатик, отчего оторопь берет!»

– Я тут спросить хотел... – Полсон выпятил подбородок и показал на тарелку Грея. – Ты ешь, ешь... Можно ведь одновременно и есть, и болтать!

– Уже наелся, – ответил Грей. – Мне на работу пора.

– Как пирог?

– Вас правда пирог интересует?

– Не-ет, – покачал головой Полсон, – я лишь проявляю элементарную вежливость, даю мастер-класс по светским беседам.

«Что ему нужно?» – недоумевал Грей. За шесть месяцев солдаты и двух слов ему не сказали, а этот Полсон вдруг вздумал учить хорошим манерам у камер слежения на виду.

– Пирог отличный, – выдавил из себя Грей. – Я вообще лимоны люблю.

– К черту пирог! Плевать я на него хотел!

Грей взялся за поднос.

– Мне пора! – объявил он, но встать не успел: запястье сжала рука Полсона. По одному прикосновению Грей понял, как силен этот солдат: бицепсы Полсона больше напоминали стальные прутья.

– Сядь на место, говнюк!

Грей повиновался. «Где все? – испуганно подумал он и, глянув через плечо Полсона, убедился, что столовая практически опустела. Лишь в дальнем углу обеденного зала пара лаборантов потягивала кофе из одноразовых стаканчиков. – Куда подевались?»

– Грей, каждому известно, что вы за птицы, – тихо, но твердо начал Полсон и, не выпуская запястья Грея, подался вперед. – Известно, чем вы отличились! Ты вот мальчиков маленьких любишь. Ладно, у каждого свои замоты: любишь так любишь, я не против. Ты слушаешь?

Грей промолчал.

– Кое-кто из ребят со мной не согласен, но я считаю именно так. В конце концов, мы живем в свободной стране... – Полсон придвинулся еще ближе. – У нас в школе учился один тип, так он мазал свой хрен сдобным тестом и заставлял пса слизывать. Хочешь трахнуть мальчика – вперед! В чем кайф, я лично не понимаю, но говорю же, это исключительно твой замот!

Грею стало не по себе.

– Извините, но мне впрямь пора.

– И куда же тебе пора?

– Куда? – нервно сглотнул Грей. – На смену. Я на смену опаздываю.

– Ерунда! – Полсон взял с подноса ложку и начал крутить указательным пальцем. – До твоей смены целых три часа. По-твоему, я во времени не ориентируюсь? Хорош врать, мы же просто болтаем!

Грей смотрел, как крутится ложка, и ждал продолжения. Внезапно возникло острое, непреодолимое желание покурить, хоть караул кричи!

– Что вам нужно?

Полсон в последний раз крутанул ложку.

– Тебя интересует, что мне нужно? Да, мне, действительно, кое-что нужно. – Он пома-нил Грея пальцем и чуть слышно зашептал: – Хочу разобраться в происходящем на Уровне 4. Поджилки Грея затряслись, словно он в темноте пролетел мимо ступеньки.

– Я же только уборщик. Мою-чищу-убираю.

– Извини, – покачал головой Полсон, – но я не верю в это ни на секунду.

– Ричардс... – покосившись на камеры, начал Грей.

– Да пошел он! – фыркнул Полсон, повернулся к камере, поднял средний палец и медленно покрутил рукой. – По-твоему, футаж просматривают каждый день и следят за каждым нашим шагом?

– Клянусь, ничего особенного там нет!

Полсон покачал головой, и в его глазах снова загорелся недобрый огонек.

– Мы ведь оба понимаем, что это брехня! Давай не будем врать друг другу!

– Я только убираюсь, – слабым голосом промямлил Грей. – Делаю то, что говорят.

Полсон не отреагировал. В столовой воцарилась тишина, и Грею казалось, что он слышит биение собственного сердца.

– Грей, ответь мне: ты хорошо спишь?

– Что?

Полсон угрожающе прищурился.

– У тебя со слухом проблемы? Ладно, повторю. Ты. Хорошо. Спишь?

– Ну да, – пролепетал Грей, – вроде неплохо.

Полсон невесело засмеялся, запрокинул голову и воздел глаза к потолку.

– Вроде неплохо... Вроде...

– Не понимаю, зачем вы об этом спрашиваете?

– Из-за снов! – резко выдохнул Полсон. – Из-за чертовых снов. Вы, ребята, сны видите?

Я – каждую ночь, один за другим, и все безумные, черт их дер!

«Безумные... Вот в чем дело!» – подумал Грей. Полсон повредился умом – шарики и ролики больше не крутятся так, как нужно. Пересидел парень в горах, на снег и хмурое небо пересмотрел. В Бивилле Грей таких уже встречал: поступают в тюрьму нормальными, а через пару месяцев двух слов связать не могут.

– Хочешь знать, что мне снится? Ну же, угадай!

– Не хочу.

– Угадай, мать твою!

Грей вперила глаза в стол. Он без труда представлял, как Ричардс сидит за монитором и внимательно слушает. «Ради всего святого, хватит вопросов!» – беззвучно взмолился он.

– Я... не знаю.

– Не знаешь?

Упорно не глядя на Полсона, Грей покачал головой.

– Нет.

– Ладно, скажу сам, – тихо проговорил солдат. – Мне снишься ты.

Целую минуту за столиком царило напряженное молчание. «Полсон свихнулся, – подумал Грей. – Обезумел, с катушек съехал».

– Извините, – проблеял Грей, – но там правда нет ничего особенного. – Грей встал, ожидая, что Полсон опять схватит его за запястье.

– Ну и ладно! – махнул рукой солдат. – Катись отсюда, ты мне надоел! – Он взглянул на Грея, застывшего с подносом в руках. – Впрочем, один секрет открою, хочешь?

Грей покачал головой.

– Слышал, что двое уборщиков сбежали?

– Кто сбежал?

– Ну, ты их наверняка знаешь, – нахмурился Полсон. – Два жирдяя, безмозглый говнотряс с дружкой.

– Джек и Сэм?

– Вполне возможно. – Глаза Полсона беспокойно забегали. – Имен я не слышал, за кадром, как говорится, остались.

Грей ждал продолжения.

– А что с ними?

– Умерли. – Полсон поднялся и, не глядя на Грея, добавил: – Мы тут все мертвецы.

* * *

Картеру было страшно.

Его отвезли куда-то вниз – в лифте он заметил четыре кнопки с убывающими номерами, совсем как в подземном гараже, – и бросили в темноте. Энтони лежал на каталке и боли не ощущал, только голова кружилась. После укола захотелось спать, но он не заснул и пусть не совсем отчетливо, но чувствовал, как у основания шеи, сзади, делают надрез и что-то вживляют. Запястья и щиколотки неподвижно закрепили, якобы для его же удобства. Потом была каталка, лифт и чьи-то пальцы, нажимающие кнопку «У4». Тот парень с пистолетом, Ричардс, не сдержал обещания и так и не вернулся.

Теперь Энтони проснулся и, хотя полной уверенности не было, чувствовал, что находится под землей, будто на дне колодца. На запястьях, лодыжках и, вероятно, на поясе до сих пор были путы, а вокруг – холодно и темно; лишь где-то вдали мерцал свет и слышался гул вентилятора. О чем говорил с докторами и медбратьями, Картер не помнил. Сперва процедура смахивала на стандартный медосмотр: его взвесили, измерили давление, попросили пописать в стаканчик, ударили по коленям молоточком, посветили фонариком в нос и в рот. Потом в ладонь воткнули иглу с пластиковой трубкой, которая тянулась к бутылочке на штативе. От боли Энтони даже вскрикнул: «Черт!» Еще в памяти остался странный ярко-красный огонек на конце ручки, лица в масках и чьи-то слова «Мистер Картер, это лазер. Будет немного неприятно». Сейчас, сидя в темноте, Энтони вспоминал, о чем думал, прежде чем окончательно отшибло мозги. «Вдруг это и есть смертельная инъекция? Интересно, кого я увижу: миссис Вуд, Господа или Сатану?»

Однако Энтони не умер, а лишь заснул и проспал неизвестно сколько часов. Сознание тонуло во мраке: Картер словно брел по темному дому и не мог сориентироваться. Где тут верх, где низ, где право, где лево? Все тело ломило, а в рот, судя по ощущениям, затолкали шерстяной носок или лохматого зверька. Загривок, там, где шея соединяется с лопатками, ныл от боли. Картер поднял голову, но, оглянувшись по сторонам, увидел лишь красные огоньки, наподобие того, мерцавшего на конце ручки. Далеко ли эти огоньки и большие они или маленькие, Картер не знал. Это могли быть даже огни далекого города!

Из темных глубин сознания выплыло имя. Уолгаст. Уолгаст сравнил время с океаном и обещал его подарить. «Я дам тебе время, Энтони. Сколько захочешь. Целый океан времени!» Прежде с Картером никто так не разговаривал. Казалось, Уолгаст раскрыл его самые сокровенные тайны и знаком с ним не пять минут, а долгие годы.

Почему-то образ Уолгаста воскресил в памяти день, когда все началось. Июнь... Да, Картер точно помнил, как душным июньским полуднем прятался в тени под эстакадой, повесив на грудь плакат: «Подайте на еду! Благослови вас Господь!» Вот у обочины притормозил черный «денали», пассажирское окно открылось, и не чуть-чуть, как обычно, когда ему, явно боясь испачкаться, протягивали несколько монет или купюру, а полностью, резко и уверенно. Не успел Картер полюбоваться своим отражением в тонированном стекле, как оно исчезло. Казалось, мир неожиданно распахнул дверцу в секретную комнату. Едва перевалило за полдень, и на всех дорогах, включая Западную кольцевую, выстроились пробки. Над головой Картера безостановочно гудело, скрипело и звенело, словно на эстакаду пригнали длиннющий товарняк.

– Сэр! – сидевшая за рулем женщина пыталась перекричать гул транспорта. – Сэр, вы меня слышите?

Приблизившись к раскрытому окну, Картер почувствовал прохладу салона и сладковато-дубленый запах новой кожи, а еще через пару шагов – аромат духов. Женщина подняла солнечные очки на лоб и тянулась к пассажирскому окну, с трудом справляясь с сопротивлением ремня безопасности. Белая, разумеется, белая, это Картер понял с полувзгляда. Шикарный «денали» с огромной сверкающей решеткой радиатора, дорога, соединяющая Галерею и Ривер-оукс, где живут лишь богатые, – вывод напрашивался сам собой. А вот женщина оказалась моложе, чем можно было предположить, глядя на роскошный автомобиль, – от силы тридцатилетняя. Белоснежные теннисная юбка и топ, сверкающая от влаги кожа, загорелые руки, светлые с темными «перьями» волосы, тонкий нос, высокие скулы... Хороша, ничего не скажешь! Из украшений Энтони заметил лишь кольцо с крупным, как булыжник, бриллиантом. Глазеть по сторонам не следовало, но Картер не удержался, и в глубине салона увидел пустое детское сиденье, яркие плюшевые игрушки, а рядом – большой пакет из серебристой бумаги с логотипом универмага «Нордстром».

– Подайте на еду, – пробормотал Картер. – Благослови вас Господь!

Блондинка положила на колени плотно набитую кожаную сумку и начала вытряхивать содержимое: помаду, записную книжку, крошечный телефон, похожий на драгоценную безделушку.

– Сейчас, сейчас что-нибудь дам, – бормотала блондинка. – Двадцатки хватит? Не знаю, сколько полагается...

– Благослови вас Господь! – повторил Картер, чувствуя, что вот-вот загорится зеленый. – Подайте, сколько можете...

Едва блондинка вытащила кошелек, сзади раздались первые раздраженные гудки. Женщина взглянула сперва на нетерпеливых водителей, потом на светофор, где теперь горел зеленый.

– Черт! – Женщина лихорадочно рылась в огромном, как книга, кошельке с бесконечными молниями, кнопками и замочками на набитых чеках, картами и бумажками отделений. – Что же делать? Что делать?

Сзади снова засигналили, и красный «мерседес», стоявший за «денали», с ревом выехал на среднюю полосу и подрезал внедорожник. Водитель внедорожника резко затормозил и возмущенно засигналил.

– Извините, извините! – бормотала блондинка. Она смотрела на кошелек, как на дверь, к которой никак не могла подобрать ключ. – Сплошные карточки! Была же где-то двадцатка... Или десятка? Ах, ну надо же!

– Ты что, идиотка, не видишь: зеленый загорелся?! – завопил водитель большого пикапа, стоящего через две машины от «денали». – Какого хрена дорогу загораживаешь?!

– Все в порядке. – Энтони отступил от машины. – Вам пора!

– Слышишь меня? – не унимался водитель пикапа. – Не загораживай дорогу!

Блондинка глянула в зеркало заднего обзора, и от злости ее глаза чуть не вылезли из орбит.

– Заткнись! – с ненавистью заорала она и ударила кулаком по ни в чем не повинному рулю. – Заткнись, черт подери!

– Побыстрее, леди! Все же спешат!

– Я просто хотела дать вам денег! Откуда столько проблем? Я же помочь собиралась!

Энтони чувствовал: пора смываться. Что случится дальше, он знал заранее: сейчас хлопнет дверца, за спиной зашелестят шаги, кто-нибудь из водителей противно ухмыльнется и спросит: «Эй, парень, ты что делаешь? Оставь женщину в покое!» Подтянутся другие водители – в подобных ситуациях «неравнодушных» всегда хватает, – тогда его даже блондинка не спасет, как бы ни старалась. Свидетели увидят то, что им хочется: черного мужчину и белую женщину с раскрытым кошельком на коленях, а еще детское сиденье и пакет с покупками.

– Пожалуйста, езжайте! – взмолился Картер.

Дверца пикапа распахнулась, и из кабины выбрался краснолицый детина в джинсах и футболке. Ручищи что боксерские перчатки – такой раздавит Картера как букашку!

– Эй! – тыча пальцем в «денали», закричал детина, и на солнце блеснула массивная пряжка его ремня. – Эй, вы там!

Блондинка подняла глаза к зеркалу заднего обзора и увидела то, что чуть раньше увидел Картер: краснолицый детина сжимал в руке пистолет.

– Господи! О боже мой! – запричитала она.

– Он ее грабит! Коротышка-ниггер грабит машину!

Картер точно к месту примерз, ошеломленный гудками, ревом и криками. Целый мир против него. Сейчас, сейчас настанет конец!

Внезапно женщина проворно распахнула пассажирскую дверцу:

– Садитесь!

Энтони не шевельнулся.

– Живее! – прикрикнула она. – Садитесь в машину!

Почему-то Картер послушался – бросил плакат, забрался в салон и захлопнул дверцу. Женщина нажала на педаль газа и помчалась прочь, хотя на светофоре снова загорелся красный. Перекресток напоминал царство безумных гонщиков – Картер подумал, что они сейчас разобьются, зажмурился и мысленно приготовился к худшему. Но ничего не случилось: черный «денали» благополучно проскочил перекресток.

Поездка получилась не для слабонервных: они вылетели из-под эстакады на солнце, и женщина прибавила скорость, точно забыв о присутствии Энтони. Когда пересекали железнодорожные пути, «денали» подпрыгнул так, что Картер ударился головой о крышу. Блондинка испугалась, резко затормозила – Энтони швырнуло на приборную панель – и свернула на стоянку между химчисткой и пончиковой. Там, даже не взглянув на Картера, женщина уронила голову на руль и разрыдалась.

Прежде Энтони никогда не видел белую женщину в слезах, только по телевизору и в кино. Теперь в салоне «денали» он чувствовал запах ее слез, похожих на плавящийся воск, и запах ее чистых волос. А потом, впервые за долгое время, Картер ощутил свой собственный запах, который совершенно не обрадовал, – ужасная, отвратительная вонь: пахло тухлым мясом и кислым молоком. Энтони машинально оглядел себя: черные ногти, грязные руки, джинсы и футболка, которые он носил неделями, если не месяцами. Ему стало стыдно.

Вскоре блондинка подняла голову и вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Как вас зовут?

– Энтони.

На миг Картер подумал, что она отвезет его прямо в полицию. Чистая ухоженная машина, чистая ухоженная хозяйка, а он как грязное пятно... Но даже если блондинка почувствовала его запах, вида не подала.

– Я пойду, – тихо сказал Картер. – Простите, что доставил вам столько хлопот.

– Вы? Какие хлопоты? Нет, вы ни в чем не виноваты! – Блондинка сделала глубокий вдох, прижалась затылком к подголовнику и закрыла глаза. – Господи, муж меня убьет! Господи, господи, господи! Рейчел, о чем ты только думала?

Блондинка злилась и, как показалось Картеру, ждала, когда он уберется. Они находились в паре кварталов к северу от Ричмонд-авеню, значит, можно на автобусе добраться до Уэстпарка, где Энтони ночевал на пустующей автостоянке, недалеко от центра утилизации отходов. Место было неплохое, спокойное, а в дождь ему разрешали спать в свободных гаражах. При себе у Энтони имелось около десяти долларов – мелочь и несколько купюр, «заработанные» утром под эстакадой. Негусто, но на дорогу и ужин вполне хватало.

Картер потянулся к дверце.

– Нет! – вскинулась блондинка. – Не уходите! – Ее опухшие от слез глаза впились в лицо Картера. – Скажите, вы это серьезно?

– Что именно, мэм? – непонимающе переспросил Картер.

– «Благослови вас Господь!» Вы же и на плакате так написали, и говорили не раз... – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Дело в том, что я не чувствую благословения Господа! – Она невесело засмеялась, обнажив ровные, сияющие как жемчуг зубы. – Странно, правда, Энтони? Должна, но не чувствую. Я чувствую себя ужасно, каждый день, каждую минуту!

Ну что тут скажешь? Разве это нормально, если молодая, красивая и явно состоятельная леди чувствует себя ужасно? Краем глаза Картер видел детское сиденье и яркие игрушки. «Интересно, где сейчас ребенок? – подумал он. – Может, нужно что-то сказать о том, как здорово быть матерью? Ведь людям, особенно женщинам, нравится заводить детей...»

– Ладно, неважно, – перебила его мысли блондинка. – Знаю, что у вас на уме, даже озвучивать не надо! Считаете меня чокнутой!

– Вы кажетесь нормальной.

Блондинка снова залилась невеселым смехом.

– Вот, в этом-то и проблема! Именно в этом! Я кажусь нормальной. Любого спроси, скажут: «У Рейчел Вуд есть все, что можно пожелать. У нее все хорошо...»

Целую минуту блондинка тихо плакала, глядя в пустоту, а Картер гадал, вылезать из машины или нет. Леди так расстроилась, как же оставить ее в таком состоянии? Хочет ли она, чтобы ее пожалели? Судя по всему, ее звали Рейчел Вуд, и она разговаривала сама с собой. Впрочем, полной уверенности не было. Возможно, Рейчел Вуд – ее подруга или помощница, которая сидит с ребенком. Рано или поздно ему придется уйти. Пелена спадет с глаз белой леди, и она поймет, что чуть не получила пулю в лоб из-за вонючего ниггера, который устроился на пассажирском сиденье ее машины. Но прохлада «денали» и подавленное молчание его хозяйки держали Картера на месте.

– Энтони, как ваша фамилия?

Давно же ему не задавали этот вопрос!

– Картер.

Следующий поступок молодой женщины шокировал Энтони больше всех предшествующих. Она заглянула ему в глаза и протянула руку.

– Ну, приятно познакомиться, мистер Картер, – грустно сказала белая леди. – Я Рейчел Вуд.

«Мистер Картер» – надо же, как здорово звучит... Ладонь у Рейчел была маленькая, по-мужски сильная. Энтони почувствовал... но что именно, не смог объяснить даже себе. Он ждал, что Рейчел вырвет ладонь, однако та даже не попыталась.

– Боже милостивый! – Голубые глаза женщины испуганно распахнулись. – Мужа инфаркт хватит... Не говорите ему, что случилось под эстакадой, пожалуйста! Ни в коем случае не говорите!

Картер согласно кивнул.

– Муж – полный придурок, только разве это его вина? Он просто не сумеет увидеть ситуацию нашими глазами. Дайте слово, мистер Картер!

– Я ничего не скажу!

– Отлично, – удовлетворенно проговорила Рейчел и, задумчиво сведя брови, показала взглядом на лобовое стекло. – Пончики. Не знаю, почему я остановилась именно здесь. Вы, случайно, пончиков не хотите?

От одного слова «пончики» рот наполнился слюной, а в желудке заурчало.

– Я и пончики люблю, и кофе тоже.

– Но это ведь не настоящий ужин! – твердо проговорила Рейчел, будто что-то для себя решив. – Вам нужна настоящая еда.

Тут Картер понял, что именно почувствовал при рукопожатии: его видели насквозь, словно бестелесного призрака. Рейчел явно собралась взять его домой. Он слышал, такое бывает, но не верил.

– Знаете, мистер Картер, я думаю, Господь не просто так поставил вас сегодня под эстакаду. Это послание, адресованное мне послание! – Рейчел включила сцепление. – Всем сердцем чувствую: мы с вами подружимся.

Рейчел не ошиблась – они в самом деле подружились. Даже странно, Энтони и эта белая леди, миссис Вуд, – у нее был муж (правда, он годился ей в отцы и почти всегда отсутствовал), большой дом, окруженный вековыми дубами, лужайками и живыми изгородями, и две хорошенькие дочки: одна совсем крошка, другая детсадовского возраста. Картер ощущал это всеми фибрами души: они стали друзьями. Никто не относился к нему так, как Рей-

чел. Фактически она открыла не окно своей машины, а дверь в другой мир, за которой скрывались вежливые порядочные люди, еда и теплая постель. Рейчел обеспечила его работой, причем не только в своем дворе, но и у соседей. К кому бы из них ни отправился Энтони, везде его звали мистером Картером и частенько просили о дополнительных услугах – убрать со двора опавшие листья, вычистить сточные канавы, покрасить стулья или выгулять собаку. «Мистер Картер, понимаю, вы очень заняты, но не считите за труд...» Энтони всегда соглашался, а потом под ковриком или цветочным горшком находил десятку или двадцатку, хотя о «премиальных» не заикался ни разу. Соседи Энтони нравились, но, если честно, особого значения для него не имели. Он помогал им исключительно ради Рейчел и больше всего любил среду – ее день! По средам, когда Энтони выкатывал косилку из гаража, миссис Вуд махала ему рукой, а когда заканчивал работу, не оставляла деньги под ковриком, как другие, а отдавала лично. Бывало, она выносила во двор чай со льдом, расспрашивала Энтони о его жизни и рассказывала о своей. Они сидели в тени и беседовали, как приличные люди. «Мистер Картер, вы просто находка! Не знаю, что бы я без вас делала! Такого, как вы, мне не хватало все эти годы!»

Энтони любил ее, действительно любил – в этом и заключалась великая, печальная тайна их отношений. Сейчас, среди мрака и холода, он чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Те, кто забрасывал его чудовищными обвинениями, ошибались! Разве он обидел бы женщину, которую так любил? Он ведь знал... Знал, что за улыбками, смехом, делами, теннисом и дорогими салонами скрывается пустота. Пустоту в душе миссис Вуд он разглядел еще тем июньским днем в машине и чуть не захлебнулся от жалости, словно мог ее заполнить, если бы пожелал. Когда хозяйка не выходила во двор – а такое случалось все чаще, – Энтони видел, как она неподвижно сидит на диване, словно из нее выпустили воздух, и не слышит плача дочки, которую следовало накормить или перепеленать. Если миссис Вуд вообще не показывалась, Картер догадывался: она закрылась в своей спальне и хандрит. В такие дни Энтони отчаянно тянул время – стриг вполне аккуратные изгороди, в очередной раз подметал двор и чистил дорожки, надеясь, что рано или поздно хозяйка вынесет чай. Ведь чай означал, что она в порядке и с хандрой справилась.

В тот роковой день он встретил во дворе старшую девочку, Хейли, одну-единешеньку. Стоял промозглый декабрь, ветер засыпал бассейн жухлыми листьями, а пятилетняя девочка сидела во дворе в синих форменных шортах и блузке с отложным воротничком, босая, несмотря на мерзкую погоду. В руках она держала куклу Барби, но играть явно не собиралась. «В школу сегодня ходила?» – спросил Картер. Малышка покачала головой, даже не взглянув на Энтони. «Родители дома?» – «Папа в Мексике со своей подружкой, – заявила девочка, дрожа от холода, – а мама не хочет вставать».

Картер толкнул парадную дверь, но ее заперли изнутри. Он позвонил в звонок, крикнул, встав под окном, – все безрезультатно. Почему малышку бросили во дворе одну, он не понимал, но ведь он вообще плохо понимал таких людей, как Вуды, поступки которых порой казались совершенно необъяснимыми. Картер протянул замерзшей девочке старый грязный свитер – Хейли закуталась в него, как в одеяло, – и начал стричь лужайку. Он надеялся, что гул косилки разбудит миссис Вуд, она вспомнит, что оставила дочку у бассейна и случайно закрыла дверь. «Я заснула, мистер Картер, не представляю, как так получилось. Слава богу, вы оказались во дворе!»

Хейли молча следила, как Энтони приводит в порядок лужайку и достает из гаража сачок, чтобы выловить листья из бассейна. Крошечного, размером с центовую монетку, лягушонка Картер заметил на самом краю дорожки. К счастью, малыш под косилку не попал! Картер поднял его – лягушонок казался невесомым. Если бы Энтони не видел его своими глазами, то подумал бы, что ладонь пуста. То ли из-за девочки, наблюдавшей за ним с дво-

рика, то ли из-за спящей в доме миссис Вуд, но Картер решил: крошечный лягушонок поможет разобраться с большой проблемой.

– Иди сюда! – позвал он девочку. – Иди, покажу тебе, что я нашел. Смотри, мисс Хейли, такой же малыш, как ты. Такой же кроха!

Энтони обернулся – перед ним стояла миссис Вуд. Шагов ее он не слышал, значит, она вышла во двор через парадную дверь. Хозяйка была в длинной футболке, в которой, судя по всему, спала, а волосы торчали в разные стороны.

– Здравствуйте, миссис Вуд, очень рад вас видеть! Я как раз собирался показать Хейли...

– Отойди от нее!

Нет, перед ним стояла не миссис Вуд, по крайней мере не та, которую он знал, а сумасшедшая дикарка. Она смотрела на него, точно на постороннего.

– Миссис Вуд, я только хотел показать ей симпатичного...

– Беги, Хейли, беги!

Не дав Картеру добавить ни слова, Рейчел толкнула его изо всех сил. Ноги Энтони запутались в сачке, лежавшем на бортике бассейна, он потерял равновесие, машинально схватился за футболку Рейчел и почувствовал, что тащит ее за собой. Так они и упали в воду.

Вода... Вода ударила его по глазам, наполнила нос и рот жутким химическим вкусом, ядовитым, как дыхание демона. Рейчел была сверху, снизу, повсюду вокруг, опутывала ногами и руками. Картер пытался вырваться, но она крепко держала его и тащила на дно. Энтони совершенно не умел плавать, он мог только двигаться рывками, но боялся, а сил остановить Рейчел не хватало. Он вытянул шею, пытаясь разглядеть сияющую поверхность воды. Неужели до живительного воздуха целая миля? Рейчел увлекала его в глубину, в царство тишины. Бассейн напоминал перевернутое небо. Небо... Картера осенило: именно туда она стремилась. Именно туда мечтала отправиться с того самого момента, как притормозила под эстакадой и подозвала его. Связь с другим, надводным миром оборвалась, словно нитка бумажного змея, но, поскольку Рейчел манил перевернутый мир, змей не взлетал, а падал. Она обняла Картера и прижала подбородок к его плечу. Энтони посмотрел в голубые глаза и увидел непроглядный мрак. «Пожалуйста, позволь мне, – подумал он. – Захочешь – я умру, только позволь умереть вместо тебя!» Энтони четко знал, что делать, – следовало лишь вдохнуть воду, – но заставить себя не мог. Он прожил слишком долгую жизнь, чтобы расстаться с ней добровольно. С глухим «бум!» они ударились о дно. Рейчел не отпускала ни на секунду, и Картер почувствовал, как дернулись ее плечи: она вдохнула воду, потом еще раз, потом еще, и последние пузырьки воздуха пронесли мимо его уха, словно заговорщицкий шепот: «Благослови вас бог, мистер Картер». Раз – и Рейчел его отпустила. Энтони не помнил ни как выбрался из бассейна, ни что сказал рыдающей Хейли, которая тотчас притихла. Миссис Вуд умерла: душа безвозвратно исчезла, а тело медленно всплыло на поверхность, к листьям, которые Картер собирался выловить. Воцарился пропитанный отчаяньем покой, словно что-то, продолжавшееся слишком долго, наконец закончилось. Через несколько минут – или часов? – появилась соседка, затем полиция. К тому времени Картер твердо решил не рассказывать никому о том, что видел, слышал и знал. На прощанье Рейчел доверила ему секрет – объяснила, кто она такая, и Энтони не собирался его выдавать.

«Будь что будет, – думал Картер. – Все равно ничего не изменишь». Возможно, Уолгаст лгал, возможно – нет, но Энтони чувствовал: главное дело его жизни завершено. Никто больше не спросит его о миссис Вуд. Она корнями выросла в него и отныне будет жить в его воспоминаниях. Никто об этом не узнает, ни одна живая душа!

Послышалось шипение, словно рядом спустилась шина, вместо красного огонька на стене загорелся зеленый, и дверь распахнулась, озарив комнату голубоватым светом. Картер понял, что в одной сорочке лежит на каталке. К правой ладони по-прежнему тянулась гибкая

трубка, и от одного взгляда на пластырь, под которым, вероятно, скрывалась игла, проснулась адская боль. Комната – абсолютно белая, за исключением открытой двери и странных аппаратов у дальней стены, – оказалась больше, чем сперва решил Картер.

В дверях стоял человек.

Картер закрыл глаза, запрокинул голову и подумал: «Все хорошо. Все нормально. Я готов. Пусть заходят».

* * *

– У нас проблема.

Когда Сайкс появился на пороге кабинета Ричардса, часы показывали несколько минут одиннадцатого.

– Знаю, – буркнул Ричардс. – Именно ей и занимаюсь.

Заключалась проблема в той девочке, Эми БФ, только БФ она уже не была. Новости Ричардс получил по внутреннему веб-каналу мемфисской полиции. Мать девочки проходила подозреваемой в вооруженном нападении на студенческий клуб. В результате погиб сын окружного судьи. Пистолет, который женщина бросила на месте преступления, привел к мотелю неподалеку от Грейсленда. Администратор мотеля (список его приводов на двух листах не умещался) опознал девочку по фотографии, сделанной в монастыре, куда мать подкинула малышку в минувшую пятницу. Об этом и еще о каком-то странном происшествии в мемфисском зоопарке монахини подробно рассказали журналистам и вдобавок подтвердили, что неизвестные, заснятые камерой слежения на КПП у Пятьдесят пятой трассы к северу от Батон-Ружа, – те самые похитители. Информация поступила на местное телевидение как раз к вечерним новостям. В это же время объявили о введении кода «Эмбер алерт».

В итоге весь мир теперь разыскивал двух федеральных агентов и малышку по имени Эми Беллафонте.

– Где они сейчас? – осведомился Сайкс.

Ричардс подключился к спутниковой связи и установил курсор пеленгатора на границе Теннесси и Колорадо. Передатчик стоял в сотовом Уолгаста. В запрашиваемой зоне обнаружилось восемнадцать красных точек, но лишь источник одной соответствовал заданным параметрам.

– В западной Оклахоме.

Сайкс подошел к столу и посмотрел через плечо Ричардса.

– По-вашему, Уолгаст уже в курсе?

Ричардс изменил настройки пеленгатора, подключил визуализатор и увеличил масштаб.

– Думаю, да, – отозвался он и кивнул на данные, мелькающие в низу экрана: «Скорость объекта 120 км/ч». В следующую же секунду цифры изменились: «Скорость объекта 133 км/ч».

Уолгаст с Дойлом явно пустились в бега, значит, Ричардсу следовало подключиться и их перехватить. Неизвестно, кого направили по следу: местных копов или полицию штата. В любом случае на образцово-показательный перехват рассчитывать не стоило, и это при условии, что Ричардс успеет связаться с Уолгастом. На всякий случай Сайкс уже вызвал вертолет из Форт-Карсона.

Ричардс и Сайкс поднялись на Уровень 1 по черной лестнице и стали ждать вертолет на крыльце. После захода солнца похолодало. На освещенной фонарями стоянке клубился густой туман, не хуже, чем от сухого льда на рок-концерте. Мужчины молчали. Да и о чем тут говорить? Ситуация складывается – врагу не пожелаешь. Ричардс думал о фотографии девочки, которую полиция Мемфиса рассылала направо и налево. Эми Беллафонте, «пре-

красный родник». Черные, ниспадающие на плечи волосы, на вид влажные, словно девочка гуляла под дождем, свежее личико – щеки по-детски округлые, глаза бездонные, невероятно серьезные; одежда простая: джинсы и толстовка на молнии; в руках мягкая игрушка, вероятнее всего, собачка. Темно-карие глаза, именно они не давали Ричардсу покоя. Девочка смотрела в объектив и словно спрашивала: «Ричардс, за кого ты меня принимаешь? Думаешь, я никому не нужна?» На секунду, лишь на одну секунду сознание озарила мысль, мимолетная, как взмах птичьего крыла: «Как же я стал равнодушным ко всему, даже к взгляду ребенка?»

Минут через пять воздух завибрировал – приближение вертолета они не услышали, а почувствовали. Пилот включил прожектор и, описав над объектом один-единственный круг, с точностью балерины опустил на парковку. Мощные лопасти вращались почти бесшумно, как и должны у военного вертолета «УН-60 Блэкхок», приспособленного для ночной разведки. Грозновато для маленькой девочки, но сложная ситуация вынуждала. Ричардсу и Сайксу пришлось заслониться ладонями, чтобы защитить лицо от ветра, шума и снега.

Едва вертолет приземлился, полковник коснулся локтя Ричардса.

– Пожалуйста, сделайте все правильно! Она же ребенок! – сквозь гул мощного двигателя попросил Сайкс.

«Что, черт возьми, он имеет в виду?» – подумал Ричардс и быстро шагнул к открывшемуся люку.

10

«Тахо» летел во весь опор. Машину вел Уолгаст, а Дойл устроился на пассажирском сиденье и яростно терзал кнопки сотового. Он пытался дозвониться Сайксу и объяснить, что в их с Уолгастом тандеме произошли изменения и за главного теперь он.

– Сигнала нет ни хрена! Нет чертова сигнала! – Дойл швырнул сотовый на приборную панель. Они были милях в пятнадцати от Хомера и мчались на запад среди пустых, бескрайних, как звездное небо, полей.

– А чего ты ожидал? – спокойно проговорил Уолгаст. – Мы же на задворках цивилизации! Кстати, выбирай выражения.

Дойл не ответил. Уолгаст украдкой глянул в зеркало заднего обзора и встретился глазами с Эми. Вне сомнений, девочка чувствовала: теперь они заодно. С момента, когда они сошли с карусели, их судьбы переплелись.

– Что тебе известно? – спросил Уолгаст. – Сейчас-то можешь мне сказать.

– Столько же, сколько тебе, – пожал плечами Дойл. – Возможно, чуть больше. Ричардс чувствовал, что у тебя могут возникнуть проблемы.

«Когда они успели пообщаться? – недоумевал Уолгаст. – Пока мы с Эми катались на каруселях? В Хантсвилле, когда я звонил Лайле? Или еще раньше?»

– Осторожнее, Фил. Я серьезно! Он же возглавляет частное охранное предприятие. Проще говоря, наемниками командует.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Брэд? – раздраженно вздохнул Дойл. – Ты не понимаешь, кто за тебя, а кто против. На ярмарке я тебя прикрывал. Ты должен был лишь сдерживать слово и привести девочку к машине. По-моему, ты не видишь всю картину!

– Да я уж навидался вдоволь.

Впереди замаячила заправочная станция, островок света в море тьмы. Когда подъехали ближе, Уолгаст сбавил скорость.

– Только не останавливайся! – велел Дойл. – Жми на газ, и точка.

– Без бензина далеко не уедем. Осталась четверть бака, а следующая заправка неизвестно когда.

«Хочешь быть старшим – веди себя соответственно», – подумал Уолгаст.

– Отлично, но только бензин, и все. Вы оба из машины ни шагу!

Они подъехали к бензоколонке, и Уолгаст заглушил мотор. Дойл сперва вытащил ключи из зажигания, затем пистолет Уолгаста из бардачка, вынул магазин, спрятал в карман и вернул обезвреженный пистолет на место.

– Постарайся не высовываться!

– Неплохо бы масло проверить.

– Еще пожелания будут?! – раздраженно выдохнул Дойл.

– Я только предлагаю. Ты же не хочешь, чтобы мы сломались.

– Хорошо, я проверю масло, а ты тут посиди.

Дойл выбрался из машины, обогнул ее сзади и начал заполнять бак. В его отсутствие Уолгаст получал шанс все обдумать, только какие у него шансы без ключей и оружия? Вообще-то, в серьезность намерений Дойла он до конца не верил, но не взывать же к его совести, особенно в этой ситуации! Уолгаст спрятал пистолет обратно в бардачок. Дойл поднял капот, и салон «тахо» тотчас выпал из поля его зрения.

Уолгаст повернулся к Эми.

– Ты как там? Все в порядке?

Девочка кивнула. Из рюкзака, лежавшего у нее на коленях, торчало затертое до блеска ухо кролика. В свете заправки Уолгаст разглядел на щеках Эми сахарную пудру, похожую на снежинки.

– Мы едем к доктору?

– Не знаю. Посмотрим, как получится.

– У него пистолет.

– Знаю, солнышко. Ничего страшного.

– У моей мамы тоже был пистолет.

Ответить Уолгаст не успел: капот захлопнулся. Поспешно обернувшись, он заметил три полицейские машины, которые с включенными мигалками неслись мимо заправки к Хомеру.

Пассажирская дверца распахнулась, впустив в салон поток влажного воздуха.

– Черт! – Дойл швырнул ключи Уолгасту и взглянул на полицейский кортеж. – Думаешь, это за нами?

Брэд наклонил голову, разглядывая патрульные машины в зеркале заднего обзора. Какая у них скорость? Миль восемьдесят в час или даже больше. Вполне вероятно, случилась авария или пожар, только интуиция подсказывала: дело не в этом. Глядя на удаляющиеся мигалки, Уолгаст принялся отсчитывать секунды. К двадцатой он уже не сомневался: кортеж разворачивается.

– Да, это за нами, – включая зажигание, проговорил он.

* * *

Пробило десять, а сестре Арнетт не спалось. Она и глаз не могла сомкнуть!

День получился ужасным, просто-напросто ужасным. Сперва за Эми явились те двое – обманули не только ее, но и всех, хотя Арнетт так и не поняла, как они могут быть агентами ФБР и одновременно похитителями; потом жуткое происшествие в зоопарке: вопли, крики, отчаянное сопротивление Лейси, не желавшей отпускать девочку; долгие часы в полицейском участке, где прошел остаток дня. С ними обращались... нет, не как с преступницами, но и не так, как привыкла сестра Арнетт. Детективы снова и снова задавали одни и те же вопросы, и в каждом сквозило подозрение. Вечер испортили журналисты и съемочные группы, машины которых выстроились на улице возле монастыря. К окнам подкатили

огромные прожекторы, а телефон звонил не умолкая, пока сестра Клэр не догадалась его отключить.

Мать Эми застрелила какого-то юношу – именно так сказал детектив по фамилии Дюпре, молодой человек с колочей бородкой. Он говорил вежливо, с тягучим ново-орлеанским акцентом, значит, по всей вероятности, был католиком. Приятный молодой человек, называл ее «уважаемая» и «дорогая моя»... Но разве не то же самое Арнетт подумала об агентах, появившихся в монастыре сегодня утром? О Уолгасте и его молодом симпатичном напарнике, лица которых она увидела на зернистой видеозаписи, сделанной в глуши штата Миссисипи явно без их ведома? Она сочла их порядочными людьми только благодаря их приятной внешности. А мать Эми, по словам детектива Дюпре, была проституткой. Блудницей. Как сказано в Книге притчей Соломоновых? «Блудница – глубокая пропасть, и чужая жена – тесный колодезь. Она, как разбойник, сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников», и еще: «Мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней».

Преисподняя! От одного этого слова сестра Арнетт содрогнулась. Ведь ад – реальность, вполне конкретное место, где души грешников бьются в вечной агонии. Вот какую женщину Лейси впустила на кухню, вот кто переступил порог монастыря менее тридцати шести часов назад! Посланица преисподней! Она завлекла юношу в свои сети – каким образом, Арнетт даже представлять не собиралась, – прострелила ему голову и сбежала, подкинув свою девочку Лейси. Девочку, душа которой принадлежит неизвестно кому. Разве не так? Разве в Эми не было чего-то... сверхъестественного? Монахине негоже так думать, только как еще объяснить случившееся в зоопарке, где звери буквально обезумели?

Ужасный день, ужасный, ужасный! Арнетт пыталась заснуть, но ничего не получалось. Слепящие прожекторы светили даже сквозь опущенные веки. Она не сомневалась, что увидит, включив телевизор: корреспондентов с серьезными лицами, показывающих на монастырь, где Арнетт и другие сестры тщетно пытались заснуть. Монастырь называли «местом преступления», точнее одним из мест, фигурирующих в «чудовищном тандеме убийства и похищения», произошедшем при участии федеральных агентов, хотя Дюпре строго-настрого запретил об этом распространяться. Когда измученных, смертельно уставших сестер на полицейском микроавтобусе привезли в монастырь, на прилегающей улице выстроился целый караван – не меньше десятка машин, принадлежащих различным телекомпаниям. Сестра Клэр заметила, что компании не только мемфисские, но и нашвиллские, падьюкские, литл-рокские и даже сент-луисские. Когда микроавтобус свернул на подъездную аллею, журналисты налетели, как пчелы, включили прожекторы, принялись совать в окна микрофоны и выкрикивать непонятные вопросы. Эти люди совершенно не умеют вести себя прилично! От страха сестра Арнетт задрожала. Призвать журналистов к порядку удалось лишь совместными усилиями двух полицейских. «Не видите, это же монахини! Что вам от них нужно? А ну расступитесь и дайте сестрам пройти!»

Воистину, ад существует. Вокруг Арнетт сейчас был суший ад.

По возвращении в монастырь сестры собрались на кухне. Хотелось даже не есть, а просто держаться вместе. Не было только Лейси: Клэр отвела ее в келью и уложила спать. Как ни странно, казалось, что Лейси потрясена случившимся меньше остальных. В участке она сперва не сказала ни слова – ни сестрам, ни Дюпре, лишь сидела, положив руки на колени, и беззвучно плакала. А потом произошло необъяснимое. Детективы показали им видеозапись из Миссисипи, и, когда Дюпре дал лица агентов крупным планом и остановил кадр, Лейси приблизилась к монитору и буквально впиалась взглядом в экран. В принципе, Арнетт уже заявила Дюпре: она посмотрела внимательно, и это определенно те самые агенты, которые

утром явились в монастырь и забрали девочку. Однако все затаили дыхание, завидев лицо Лейси, на котором читалось восхищенное изумление.

– Я ошибалась, – наконец объявила Лейси. – Это не он, не его надо бояться.

– Сестра, которого из двух вы имеете в виду? – осторожно спросил Дюпре.

Лейси ткнула пальцем в старшего из агентов: того самого, который разговаривал с Арнетт. Девочку забрал и посадил в машину его молодой напарник. В кадре агент по имени Уолгаст держал в руках пластиковый стаканчик и смотрел прямо в объектив. Судя по отметке в правом нижнем углу экрана, дело было в одну минуту седьмого того же дня, когда они появились в монастыре.

– Его, – ответила Лейси и коснулась экрана.

– Это не он похитил девочку?

– Он, детектив Дюпре, однозначно он! – заявила Арнетт, повернулась к сестрам Луизе и Клэр, и те согласно закивали. – Мы все видели, а наша сестра просто расстроена.

Увы, на Дюпре ее слова особо не подействовали.

– Сестра Лейси, что вы имели в виду, когда говорили: «Это не он»?

В глазах Лейси сверкала непоколебимая вера в своей правоте.

– Этот человек... – начала Лейси, обернулась и обвела взглядом сестер. – Видите? Он ее любит!

«Он ее любит...» Как это понимать? Увы, большего от Лейси не добились. Что она имела в виду? Что Уолгаст – отец девочки? В этом дело? Тем не менее непонятная любовь не объясняла ни кошмара в зоопарке (ребенка, затоптанного в панике, спешно отвезли в больницу; а еще пришлось застрелить взбесившихся зверей – дикую кошку и обезьяну), ни убийства юноши из студенческого братства, ни всего остального. Тем не менее остаток допроса – иначе не назовешь, каждый детектив снова и снова спрашивал об одном и том же! – Лейси улыбалась чему-то, ведомому только ей.

Вероятно, причины следует искать в тяжелых испытаниях, выпавших на долю Лейси в детстве, в Африке. Когда сестры сидели на кухне и дожидались девяти часов, чтобы отправиться спать, Арнетт все им рассказала. Вероятно, не стоило, но ведь с Дюпре она поделилась, и по возвращении в монастырь просто не смогла сдержаться. Монахини считали, что подобное бесследно не проходит, боль пропитывает душу и остается в ней навсегда. Сестра Клэр – разумеется, сестра Клэр, которая училась в колледже и, словно ожидая приглашения на прием, хранила в шкафу вечернее платье и туфли, – даже знала, что это называется посттравматическое стрессовое расстройство. «Все верно, – проговорила Клэр, – все понятно». Мол, посттравматический стресс объясняет и стремление Лейси взять Эми под свое крыло, и нежелание «выходить в люди», и отчужденность: телом она была в монастыре, а душой – далеко-далеко. Бедняжка Лейси, столько лет несет в душе этот груз!

Арнетт взглянула на часы: пять минут первого. Стрекот камер наконец затих: съемочные группы разъехались по домам. Арнетт откинула одеяло и тяжело вздохнула. От правды не скроешься: кашу заварил Лейси. Не солги она с самого начала, Арнетт бы в жизни не отдала девочку тем людям. Тем не менее Лейси спала сном праведницы, а она, Арнетт, мучилась бессонницей. Неужели другие сестры этого не понимают? Они все тоже спят, и лишь Арнетт обречена на безрадостные размышления?

Спать не давало беспокойство. Сильное беспокойство. Несмотря на объяснения сестры Клэр, что-то тут не складывалось. «Это не он. Он ее любит» – и странная понимающая улыбка... Как ни выспрашивал Дюпре, что это значит, Лейси лишь улыбалась и повторяла те же самые слова, будто они все объясняли. А ведь получилось наоборот: они противоречили фактам. Сестры в один голос утверждали: это он, Уолгаст. Девочку похитил агент Уолгаст с напарником, которого, как теперь вспомнила Арнетт, звали Дойл, Фил Дойл. Куда они ее забрали, с какой целью, никто так и не сказал, а по тому, как Дюпре снова и снова задавал

свои вопросы, хмурился, щелкал ручкой и поглощал несметное количество кофе, он сам пребывал в недоумении.

Тут, несмотря на все тревоги, мысли потекли медленнее, образы дня стали распускаться, разматываться, как клубок ниток, увлекая Арнетт в объятия сна. «Сестра, расскажите еще раз, что случилось на стоянке!» Арнетт попала в комнату с зеркалом, которое, она знала, на самом деле зеркалом не было. «Расскажите нам про агентов ФБР и про Лейси». Арнетт смотрела в зеркало через плечо Дюпре и видела отражение своего лица, морщинистого, бледного, по-старушечьи усталого. Обрамленное серым покрывалом, в зеркале оно прекрасно обходилось без тела, а за ним, по ту сторону стекла, Арнетт разглядела темную фигуру. Кто-то таился за зеркальным отражением и внимательно за ней следил. Внезапно она услышала голос Лейси, безумной Лейси. На стоянке зоопарка она словно отгородилась от всех и отчаянно прижимала к себе Эми. Арнетт стояла рядом и смотрела, как Лейси и эта странная девочка плачут. «Не трогайте ее!» Голос Лейси увлек сознание Арнетт в темное страшное место.

«Не трогайте меня! Не трогайте! Не трогайте!»

Ледяная игла страха кольнула сердце, и Арнетт резко села. Воздух казался разреженным, словно в нем убавилось кислорода. Сердце бешено стучало. Она заснула и видела сон? Ради всего святого, что это было? В следующий миг не осталось ни малейших сомнений: они в опасности, в страшной опасности. Арнетт чувствовала, грядет что-то ужасное, но что именно, не знала. В мире появилась темная сила, которая, расправив крылья, неслась к людям.

А ведь Лейси знала! Лейси, пролежавшая на вытоптанном поле бессчетные часы, знала, что такое зло.

Арнетт опрометью бросилась в коридор. Дожить до шестидесяти восьми лет и мучиться такими страхами! Посвятить жизнь Господу и довести себя до такого состояния! Проводить ночь в тревогах и сомнениях! До кельи Лейси всего двенадцать шагов – Арнетт нажала на ручку, но дверь не открывалась: ее заперли изнутри.

– Сестра Лейси, откройте! Откройте дверь!

А вот и Клэр проснулась! Ее футболка белела во мраке коридора, лицо покрывал толстый слой голубоватого крема.

– В чем дело? Что случилось?

– Сестра Лейси, сию же секунду откройте! – бушевала Арнетт. Из-за двери не доносилось ни звука. Арнетт схватила ручку, трянула дверь что было сил, а потом колотила, колотила, колотила. – Откройте немедленно!

В коридоре вспыхнул свет, захлопали двери, зазвенели голоса. Разбуженные монахини с круглыми от страха глазами выбирались из келий и говорили одновременно:

– В чем дело?

– Не знаю, понятия не имею!

– Что с Лейси?

– Вызовите службу спасения!

– Лейси, откройте! – орала сестра Арнетт, но какая-то сила оттаскивала ее прочь. Клэр! Это сестра Клэр схватила ее за плечи. Арнетт чувствовала, что уступает, что не способна сопротивляться.

– Смотрите, сестра поранилась!

– Боже милостивый!

– Посмотрите на ее руки!

– Пожалуйста, помогите! – всхлипывала Арнетт.

Когда Клэр ее выпустила, сестры испуганно притихли: по запястьям Арнетт текли красные ручейки. Клэр осторожно разжала правый кулак сестры Арнетт – ладонь была залита кровью.

– Ногти, – сказала Клэр и продемонстрировала монахиням растерзанную ладонь настоятельницы. – Она исцарапала ладонь ногтями!

– Пожалуйста, давайте откроем дверь и посмотрим! – заливаясь слезами, умоляла Арнетт.

Ключ найти не удалось. Сестра Трейси принесла отвертку из ящика с инструментами, стоящего на кухне под раковиной, и вставила в замочную скважину. Дверь еще не открыли, а Арнетт уже знала, что они увидят: неразобранную постель, распахнутое окно и колышущиеся на ночном ветру занавески.

Предчувствие не обмануло сестру Арнетт: келья пустовала. Сестра Лейси Антуанетт исчезла.

* * *

На часах два – ночь ползла с черепашьей скоростью.

Вообще-то и началась она не лучшим образом. После стычки с Полсоном Грей вернулся в свою комнату. До смены оставалась пара часов – более чем достаточно, чтобы обдумать все сказанное Полсоном про Джека с Сэмом. Единственным плюсом оказалось то, что мрачные мысли отвлекли от странного, безостановочно звучащего в голове эха. Но сидеть и изводить себя переживаниями было невыносимо, и в четверть десятого, когда ждать стало невозможно, Грей надел куртку и отправился в Шале. Под яркими фонарями стоянки он выкурил последнюю сигарету из пачки. Доктора и лаборанты, накинув теплые зимние парки поверх формы, выходили из здания к машинам и уезжали. Грею никто и рукой не помахал.

Пол фойе был скользким от талого снега. Грей отряхнул обувь, подошел к конторке и вручил караульному бэдж. Тот пропустил карточку через сканер и показал в сторону лифта. Войдя в кабину, Грей нажал кнопку Уровня 3.

– Придержи лифт!

Внутри все перевернулось: Ричардс! Буквально через секунду тот забежал в кабину. От его нейлоновой куртки по-прежнему веяло морозной свежестью.

– Черт подери, Грей, где тебя утром носило? – осведомился Ричардс, после того, как нажал кнопку Уровня 2 и глянул на часы.

– Проспал.

Дверцы захлопнулись, и лифт медленно пополз вниз.

– Ты что тут, в игрушки играешь? Есть настроение – появляешься, а на нет и суда нет?

Грей вперил глаза в пол и покачал головой. От одного голоса этого типа поджилки тряслись, как желе. Не станет он смотреть на него, ни за что не станет!

– Не-а...

– Это все твое оправдание?

Грей чувствовал, что от него пахнет взмокшими от страха подмышками. Запах был мерзкий, как от лука, который слишком долго хранили в холодильнике. Вероятно, Ричардс его тоже ощущал.

– Ага.

Ричардс только фыркнул. Грей догадался: шеф решает, какое наказание назначить.

– Вычту из жалованья за две смены, – в итоге объявил Ричардс, глядя прямо перед собой, – то есть тысячу двести.

Лифт остановился на Уровне 2, и дверцы открылись.

– Смотри, чтобы в последний раз! – пригрозил Ричардс, вышел из лифта и зашагал прочь.

Дверцы кабины захлопнулись, и Грей вздохнул с облегчением. Лишиться тысячи двухсот долларов, конечно, неприятно, но Ричардс... Этот тип пугал не на шутку, особенно после того, что Полсон наговорил в столовой. Вдруг Джек с Сэмом не просто сбежали с территории объекта? Вдруг с ними и впрямь что-то случилось? Невольно вспомнился красный огонек, танцевавший по ночному полю. Да, Полсон, скорее всего, не лгал, что-то случилось, и Ричардс навел огонек на Джека с Сэмом.

Дверцы кабины раскрылись на Уровне 3, и Грей увидел охранников – двух солдат с оранжевыми повязками. Он спустился под землю и поначалу, как всегда, испытал легкую клаустрофобию. Над конторкой охранников висело большое объявление: «Вход строго по пропускам. Биологическая и радиоактивная опасность. Курить, вносить и употреблять напитки и продукты питания строго запрещено. При появлении одного из нижеследующих симптомов сообщить дежурному...» Далее следовал целый список симптомов, напоминающих тяжелый случай желудочного гриппа, только пострашнее: жар, тошнота, рвота, нарушение ориентации в пространстве и времени, судороги.

Грей протянул бэдж охраннику по фамилии Дэвис.

– Привет, Грей! – Дэвис пропустил его бэдж через сканер, а на монитор даже не взглянул. – Хочешь прикол? Сколько детей с синдромом нарушения внимания нужно, чтобы вкрутить лампочку.

– Не знаю.

– А на велике не хочешь прокатиться? – Дэвис захохотал и хлопнул себя по колену.

Другой охранник скорчил недоуменную гримасу. Как показалось Грею, он тоже не понял, в чем прикол.

– Неужели до сих пор не въехал?

– Дэвис любит кататься на велосипеде?

– Ага, любит, у него тот же самый синдром нарушения внимания. Иными словами, он не способен сосредоточиться и за ходом разговора следить.

– А-а, теперь ясно...

– Это же шутка, ты смеяться должен!

– Мне смешно, – выжал из себя Грей. – Только на работу нужно.

– Ладно, смотри не заработайся! – Дэвис с тяжелым вздохом шагнул в кабину лифта.

Грей двинулся следом. Охранник снял с шеи длинный серебристый ключ и вставил в прорезь, чтобы разблокировать кнопку Уровня 4. – Давай, развлекайся!

– Я там только убираю! – раздраженно буркнул Грей.

Дэвис нахмурился и покачал головой.

– Мне по барабану, меньше знаешь – крепче спишь.

Грей спустился на Уровень 4 и в раздевалке натянул старый форменный комбинезон. У соседних шкафчиков суетились два других уборщика, Джуд и Игнасио. На стене висела большая белая доска со списком заданий для каждого из них. Уборщики молча переоделись и разошлись.

Грею повезло: вымыть коридоры, собрать мусор – и все, можно до конца смены наблюдать за Нолем: вдруг поесть удосужится? Вытащив из подсобки швабру и чистящие средства, Грей взялся за уборку и к полуночи ее завершил. После этого он подошел к двери в самом конце первого коридора и вставил карту в сканер. Дверь бесшумно распахнулась, приглашая в пустую комнату площадью около двадцати квадратных футов. С левой стороны притаился двухфазный шлюз, который вел в гермозону (путешествие «туда» занимало как минимум десять минут, «обратно» из-за обязательного душа еще дольше). С правой стороны находился пульт управления с множеством кнопок и переключателей – их Грей не имел права

трогать, да попросту не знал, для чего они предназначены. Над пультом темнела стена из армированного стекла, скрывающая гермозону.

Грей занял свое место за пультом и проверил ИК-датчик. Ноль скрючился в углу поодаль от решетки, которую подняли, когда уборщик из предыдущей смены принес кроликов. Оцинкованная тележка с десятью открытыми клетками так и стояла посреди гермозоны. Три кролика по-прежнему сидели на месте. Грей взгляделся в монитор: остальные кролики разбежались кто куда. Ноль ни одного не тронул.

Около часа ночи дверь распахнулась – вошел лаборант, крупный латиноамериканец по фамилии Пухол, кивнул Грею и взглянул на монитор.

– До сих пор не ест?

– Не-а.

Пухол ткнул стилусом в экран наладонника – какую-то отметку поставил. Смуглые щеки лаборанта покрывала вечная щетина, словно он никогда не брился.

– Я все думаю, – начал Грей, – почему они никогда не трогают десятого кролика?

– Откуда мне знать, – пожал плечами лаборант. – Вероятно, про запас оставляют.

– Я держал пса, который вел себя так же, – решил добавить Грей.

Пухол сделал еще несколько отметок в наладоннике.

– Угу, здорово... – Он снова пожал широченными плечами, мол, мне-то какая разница? – Начнет есть – сразу звоните в лабораторию.

Едва лаборант ушел, Грей пожалел, что не задал другие интересующие его вопросы. Например, почему «светлячки» едят именно кроликов, каким образом Ноль цепляется за потолок и из-за чего во время дежурств по спине мурашки бегают, даже когда не смотришь на монитор? А ведь с Нолем подобная реакция проявлялась куда острее: казалось, за тобой наблюдает разумный человек. У Ноля разум явно наличествовал, это ощущалось едва ли не физически.

Еще целых пять часов. С тех пор как Грей заступил на смену, Ноль даже не шевельнулся, но, судя по показаниям ИК-датчика, частота пульса составляла 102 удара в минуту – многовато для состояния покоя. Глаза слипались. Грей пожалел, что не захватил с собой журнал или сборник кроссвордов, – стычка с Полсоном перепутала все мысли. Страшно хотелось курить. Многие курили в туалете, не только уборщики, но и лаборанты и даже некоторые доктора. Неписанные правила разрешали это при условии, что из отсека отлучишься не более чем на пять минут, однако после «душевного» разговора с Ричардсом Грей испытывать судьбу не желал.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Еще пять часов...

«Грей!»

Грей разлепил веки и выпрямил спину.

«Грей, посмотри на меня!»

Слова звучали не в ушах, а в сознании, как при чтении. Странно: голос был его, Грея, а слова – чужие.

– Кто это?

Ему только показалось, или сияющая фигура Ноля стала еще ярче и четче?

«Меня звали Фаннинг».

Тут в сознании Грея будто открылся шлюз, и он увидел город. Большой город, утопающий в огнях, таких ярких, что казалось, полное звезд небо рухнуло на землю и сетью опутало улицы, дома и мосты. Едва Грей прошел через шлюз, новые ощущения накрыли с головой: плотность холодного асфальта под ногами, запах камня и смрад выхлопных газов, ледяной зимний ветер, змеящийся вокруг домов и обжигающий лица прохожих. Это был не Даллас, не другое мало-мальски знакомое Грею место, а какой-то старый город, погруженный в зимнюю спячку. Одна часть сознания Грея вместе с телом находилась на Уровне

4 за пультом управления, а другая брела по неведомому городу. Грей чувствовал: его глаза плотно закрыты.

«Я хочу домой. Верни меня домой, Грей».

Вот колледж... Хотя с чего он взял, что перед ним именно колледж? Почему решил, что попал в Нью-Йорк, прежде виденный лишь на фотографиях, а общежития, учебные и административные здания принадлежат студенческому городку? Грей брел по дорожке, нет, даже не брел – двигался, ведомый чьей-то волей, а мимо быстро шагали люди.

«Посмотри на них!»

Девушки. Юные девушки в тяжелых шерстяных пальто, обмотанные шарфами, кое-кто в шапках, из-под которых на округлые нежные плечи струились водопады шелковых волос, не замерзающие даже студеной нью-йоркской зимой. В глазах горела неутолимая жажда жизни. Прижимая к груди книги, девушки смеялись и увлеченно беседовали друг с другом, хотя слов Грей не слышал.

«Они прекрасны. Грей, разве они не прекрасны?»

Действительно, прекрасны... Как же он раньше не замечал?

«Их ведь чувствуешь даже на расстоянии, правда, Грей? Запах чувствуешь? Я мог упиваться им часами. Проплывет мимо девушка – воздух снова пахнет весной, а я стою и вдыхаю полной грудью. Понимаешь, о чем я? Если нет, вспомни мальчиков».

– Мальчиков?

«Ты же помнишь своих мальчиков, правда?»

О да, Грей помнил своих мальчиков. Тяжелые рюкзаки за плечами, взмокшие от пота рубашки – его мальчики возвращались домой из школы. Их кожа и волосы пахли мылом и потом, на спинах, там, где сильнее всего давили книги, темнели влажные полумесяцы. А один мальчик отстал от приятелей – решил срезать, чтобы поскорее оказаться дома. Мальчишка не отрывал глаз от трещин в асфальте – его гладкая кожа темнела от загара, черные волосы липли к затылку, – он придумал новую игру и не сразу заметил, что пикап Грея медленно его преследовал, а потом остановился. Бедный мальчик казался таким одиноким...

«Ты ведь хотел любить его, правда, Грей? Чтобы он почувствовал твою любовь?»

В глубине сознания заворчалось, пробуждаясь от сна, отвратительное чудовище, более известное как «Плохой Грей». От паники судорожно сжалось горло.

– Не помню, – буркнул Грей.

«Еще как помнишь! Только знаешь, Грей, мальчики отомстили тебе и кое-что отняли. Отняли способность чувствовать любовь».

– Не помню... Не помню... Не могу...

«Но она не исчезла, она лишь скрыта от тебя, Грей. Я знаю, потому что тоже потерял способность чувствовать любовь, пока не стал таким, как сейчас».

– А какой ты сейчас?

«Такой же, как ты. Мы с тобой одинаковые, и оба знаем, чего хотим, – быть любимыми и любить. Мальчиков, девочек – разницы нет. Мы хотим любить, а они нуждаются в нашей любви. Грей, ты ведь хочешь снова познать любовь?»

Тут Грей все понял: к чему себя обманывать?

– Да, именно этого я хочу.

«Грей, мне нужно вернуться домой. Хочу взять тебя с собой и показать, как нужно чувствовать любовь».

Перед мысленным взором Грея снова возник Нью-Йорк. Великий город шумел, гудел, вибрировал энергией каждого камня, булыжника, кирпича, через которые в подошвы Грея врастали невидимые корни гигантского мегаполиса. Было темно, но Грей радовался темноте, как родной стихии. Она лилась ему в горло, заполняла легкие, и он тонул в ней с огромным

удовольствием. Он находился повсюду и нигде конкретно; он не брел по улицам, а пронизывал их, вдыхал темный город, зная: город тоже его вдыхает.

Потом Грей увидел ее. Одна-одинешенька, девушка брела по студенческому городку мимо общежития, где царил шум и веселье, мимо библиотеки с тихими коридорами и большим, запотевшим от мороза окном, мимо пустого административного здания, где уборщица наклонилась, промывая швабру в ведре с водой. Судя по летящим из наушников ритмам, уборщица слушала композицию в стиле «мотаун». На сей раз Грей не только наблюдал за происходящим, но и влился в него. Он мог пересчитать книги на библиотечных полках, слышал шорох страниц, беззаботный смех, хит, который напевала уборщица («Когда ты рядом... та-дам... Меня ласкаешь бездонным взглядом...»), а чуть впереди, на тропке, – шаги девушки. Хрупкая фигурка буквально пульсировала энергией. Девушка брела прямо к нему, склонившись под сильным ветром, а судя по тому, как сутулила закованную в тяжелое зимнее пальто спину, несла что-то тяжелое. Девушка спешила домой... Одна-одинешенька... Засиделась в библиотеке за книгами, которые так крепко прижимала к груди, а сейчас дрожала от страха. Грей знал: прежде чем студентка сбежит, он ей скажет: «Тебе же это нравится, правда? Давай по-хорошему...» Грей встает, приближается, валит девушку на снег...

«Подари ей любовь, Грей, возьми ее!»

Грея замутило, качнуло вперед, и от сильнейшего рвотного спазма на пол выплеснулось все содержимое желудка: суп, салат, маринованная свекла, картофельное пюре и ветчина. Он опустил голову между колен, и изо рта вытекла длинная струйка слюны.

Боже... Боже милостивый!

Грей выпрямил спину. Перед глазами просветлело. Уровень 4. Он был на уровне 4. Что-то случилось, только что именно? Грей не помнил. Приснился кошмар, в нем он летал, а еще ел – во рту до сих пор привкус остался. Привкус крови. А потом его вырвало.

«Рвота – это плохо, – содрогаясь от ужаса, думал Грей, – очень, очень плохо». Он ведь наизусть помнил, на какие симптомы следует обращать внимание: на жар, тошноту, судороги, даже на неожиданное чихание. Информационные плакаты висели повсюду – не только в Шале, но и в казармах, столовой и даже в сортирах. «При появлении одного из нижеперечисленных симптомов немедленно доложить дежурному офицеру...»

Грей подумал о Ричардсе, танцующем красном огоньке и Джеке с Сэмом.

Черт!

Действовать следовало как можно быстрее – ликвидировать лужу рвоты на полу, пока никто не увидел. Спокойно, Грей, только без паники! Часы показывали 02:31. Ждать три с половиной часа он не собирался. Грей встал, перешагнув через мерзкую блевотину, бесшумно открыл дверь и выглянул в коридор: ни души. Скорость казалась вернейшей союзницей – он решил немедленно убрать рвоту, а потом самому убраться из Шале под здоровую. Плевать на камеры слежения! Полсон, вероятно, прав: нереально просматривать видеозаписи дено и ночно, не говоря о том, чтобы ежесекундно! Грей взял из подсобки швабру, наполнил ведро водой и щедро плеснул дезинфицирующего раствора. Если кто-нибудь засечет, Грей посетует, что пролил «Доктор Пеппер» или кофе, которые на Уровень 4 проносить запрещается, хотя все проносят. Да, он скажет, что пролил «Доктор Пеппер», в чем чистосердечно раскаивается.

Особого недомогания не чувствовалось, по крайней мере, никаких перечисленных на плакатах симптомов в помине не было. Грей сильно вспотел, но винил в этом панику. Вытаскивая из раковины ведро, полное сильно пахнущей хлоркой воды, он ежесекундно прислушивался к себе, но тревожных сигналов не слышал. Значит, ему что-то приснилось и из-за этого вырвало. Во рту до сих пор остался не только мерзкий вкус – противная теплая сла-

дость липким налетом покрывала язык, зубы и горло, – но и ощущение мягкости, которая под давлением зубов лопалась и истекала соком. Он словно гнилой фрукт надкусил.

Грей отмотал несколько бумажных полотенец, достал из ящика перчатки и пакет для биоотходов и на тележке привез все в отсек. Ликвидировать лужу шваброй не получилось: слишком большая, поэтому Грей опустил на колени, промокнул рвоту бумажными полотенцами, а крупные ошметки сгреб в кучу и собрал руками. Упаковав все это в мешок, Грей налил на пол воды с хлоркой и начал орудовать шваброй. Заляпанные блевотиной туфли тоже пришлось протереть. Сладковатый привкус во рту превратился в тухлый, слово что-то испортилось. Грей вспомнил Мишку, который пах примерно так же, когда возвращался в трейлер, полакомившись полуразложившейся белкой или опоссумом, по-собачьи улыбался и лез к Грею ласкаться. «Улыбался» Мишка по-голливудски, обнажив моляры, и Грей на него не злился – что с собаки взять? – хотя тухлый запах не нравился ему ни тогда, ни сейчас, когда доносился из собственного рта.

В раздевалке Грей быстро переоделся, затолкал форму в контейнер для прачечной и поднялся на лифте на Уровень 3. Дежурил по-прежнему Дэвис. Он откинулся на спинку стула, задрал ноги на стол и просматривал журнал, помахивая носком сапога в такт песне, которую слушал через наушники.

– Сам не знаю, зачем до сих пор читаю это дерьмо, – перебивая песню в наушниках, начал Дэвис. – Какой смысл, если меня такие телки совершенно не заводят?! – Дэвис рывком убрал ноги со стола и показал Грею обложку журнала, где две обнаженные девушки слились во французском поцелуе «на публику»: их языки соприкасались самыми кончиками. Журнал назывался «Киски». Языки напоминали Грею куски мяса: такие, обложив льдом, в супермаркетах на витрины выставляют... Желудок сжался – новый приступ тошноты мог начаться в любую минуту.

– Ах да! – воскликнул Дэвис, а увидев выражение лица Грея, даже наушники снял. – Вы же, ребята, такие забавы не любите! Ну, извини! – Он наклонился было к Грею, но тотчас сморщился. – Боже, ну и запах от тебя! В чем дело?

– Боюсь, съел что-то не то, – опасливо ответил Грей. – Пойду к себе, полежу.

Дэвис испуганно вздрогнул и отодвинулся подальше как будто от стола, а на самом деле – от Грея.

– Ни хрена себе!

– Клянусь, со мной ничего серьезного.

– Боже милостивый, Грей! – От страха глаза солдата чуть не вылезли из орбит. – Что случилось? У тебя жар?

– Меня просто вырвало. В мусорный контейнер. Наверное, съел слишком много, мне нужно прилечь.

Дэвис обвел Грея неуверенным взглядом.

– Вполне возможно, я видел, как ты ешь. И ты, и другие уборщики. Не стоит так на еду налегать! Да и вид у тебя, честно говоря, не очень. Не обижайся, но покойники и то краше. Неужели руководству придется сообщить?

Грей знал: в этом случае опечатают Уровень и Дэвис застрянет здесь неизвестно насколько. Что случится с ним самим, Грей понятия не имел, а догадки строить боялся. Особо недомогания он не ощущал, и проблема заключалась, вероятнее всего, не в этом. Но она существовала! Кошмары ему и раньше снились, но такие, чтобы вызывали рвоту...

– Слушай, ты уверен? – не унимался Дэвис. – В смысле, случись с тобой что-то серьезное, ты бы мне сказал?

Грей кивнул, чувствуя, как по груди стекает капелька пота.

– Господи, ну и день! – раздосадованно вздохнул Дэвис. – Ладно, на, держи! – Он швырнул Грею ключ от лифта и снял с пояса рацию. – Потом не говори, что я помощь не

предлагал! – крикнул он и зачастил в микрофон: – Докладывает пост охраны на Уровне 3. Дежурный уборщик заболел. Нужна замена...

Только Грей его уже не слышал, он спускался на лифте в фойе.

11

К западу от оклахомского города Рэндалл, на пару миль южнее границы с Канзасом, Уолгаст решил сдаться.

«Тахо» притаился в автомойке чуть в стороне от проселочной дороги, номер которой Брэд давно забыл. Светало, и Эми крепко спала, свернувшись калачиком на заднем сиденье. Три часа они гнали во весь опор. Дойл, как заправский штурман, диктовал маршрут, который составлял по данным навигатора, а позади мигала цепочка огоньков – погоня. Порой, когда они неожиданно сворачивали, огоньки исчезали, но потом неизменно появлялись вновь: копы брали след. Около двух часов ночи Уолгаст увидел автомойку и, выждав момент, свернул. Теперь они сидели в темноте и слушали, как мимо проносятся машины.

– Думаешь, долго придется ждать? – спросил Дойл. Весь его гонор как рукой сняло.

– Трудно сказать, – отозвался Уолгаст. – Пусть подальше отъедут.

– А вдруг они заставу на границе выставят? Или вернуться, сообразив, что потеряли нас?

– Если есть идеи получше, с удовольствием выслушаю!

Дойл задумался. Огромные, нависающие над лобовым стеклом щетки автомойки усиливали чувство клаустрофобии.

– Честно говоря, нет, – буркнул Дойл, и в салоне снова воцарилась тишина. Уолгаст ждал, что вот-вот вспыхнет яркий свет и из громкоговорителя раздастся голос представителя полиции штата, который потребует выйти из машины, держа руки за головой. Сотовые вроде бы ожили: сигнал появился, но аналоговый, такой не кодируется, поэтому Уолгаст с Дойлом не могли позвонить Сайксу и сообщить, где находятся.

– Слушай... – неуверенно начал Дойл. – Прости, что я разборку затеял!

На такой разговор у Уолгаста не было ни сил, ни желания, а ярмарка с каруселями казалась событием далекого прошлого.

– Ладно, тема закрыта!

– Дело в том... Ну, мне нравится моя работа, то есть служба в ФБР. О такой я и мечтал. – Дойл тяжело вздохнул и протер запотевшее пассажирское окно. – По-твоему, что теперь будет?

– Не знаю.

– Да все ты знаешь! – едко парировал Дойл и нахмурился. – И насчет Ричардса в яблочко попал.

За окном брезжил рассвет. Уолгаст взглянул на часы: почти шесть. Все, хватит тянуть время! Он повернул ключ зажигания и вывел «тахо» из автомойки.

Проснулась Эми. Она резко села, протерла глаза и, оглядевшись по сторонам, объявила:

– Я хочу есть.

– Ну что, покормим ее? – спросил Уолгаст у Дойла.

Дойл не ответил – Брэд чувствовал, что в сознании молодого коллеги появляется мысль, которая у него самого возникла уже давно. В принципе, последний вопрос на деле был констатацией факта: все кончено.

– Давай.

Уолгаст развернул «тахо» и погнал в обратном направлении, то есть к Рэндаллу. Главная улица городка – жалкие пять кварталов, где царил самое настоящее запустение: окна

и витрины заклеены бумагой или замазаны мылом. Уолгаст решил, что где-то поблизости притаился «Вол-март» или другой супермаркет, из тех, что быстро стирают с лица земли городишки вроде Рэндалла. В конце квартала ярко горели окна какого-то заведения, а рядом у обочины припарковались как минимум пять пикапов. Так и есть, закусочная!

– Завтрак! – объявил Уолгаст.

Закусочная располагалась в продолговатом, как вагон, зале с навесным потолком, испещренным пятнами жира и копоти. С одной стороны тянулась длинная стойка, напротив – кабинки с мягкими сиденьями. Пахло крепким кофе и горячим маслом. У стойки сидело несколько мужчин в джинсах и фланелевых рубашках. Сгорбившись, они поглощали яичницу и кофе. Уолгаст с Дойлом и Эми заняли кабинку в глубине зала. Официантка средних лет с расплывшейся талией и ясными серыми глазами принесла кофе и меню.

– Чего желаете?

Дойл заявил, что ограничится кофе. «Луэнн» – гласил бэдж официантки, и Уолгаст, взглянув на него, поинтересовался:

– Луэнн, что сегодня самое вкусное?

– Если проголодались, все вкусным покажется, – лукаво улыбнулась Луэнн. – Кукурузная каша вполне приличная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.